

и.и.скворцов / степанов

58/882

У 446
480

075
92
СК 926

МЫСЛИ О РЕЛИГИИ

ИЗБРАННЫЕ АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1936

Сборник содержит популярные антирелигиозные работы И. И. Скворцова-Степанова, в которых разоблачается антинаучность и вред религии и ее учений, религиозных представлений о нравственности, о святых и бесах и др. В сборник вошли и статьи о тихоновщине и ее контрреволюционной деятельности. Сборник рассчитан на подготовленного читателя, антирелигиозный актив, докладчиков.

2
С — 79

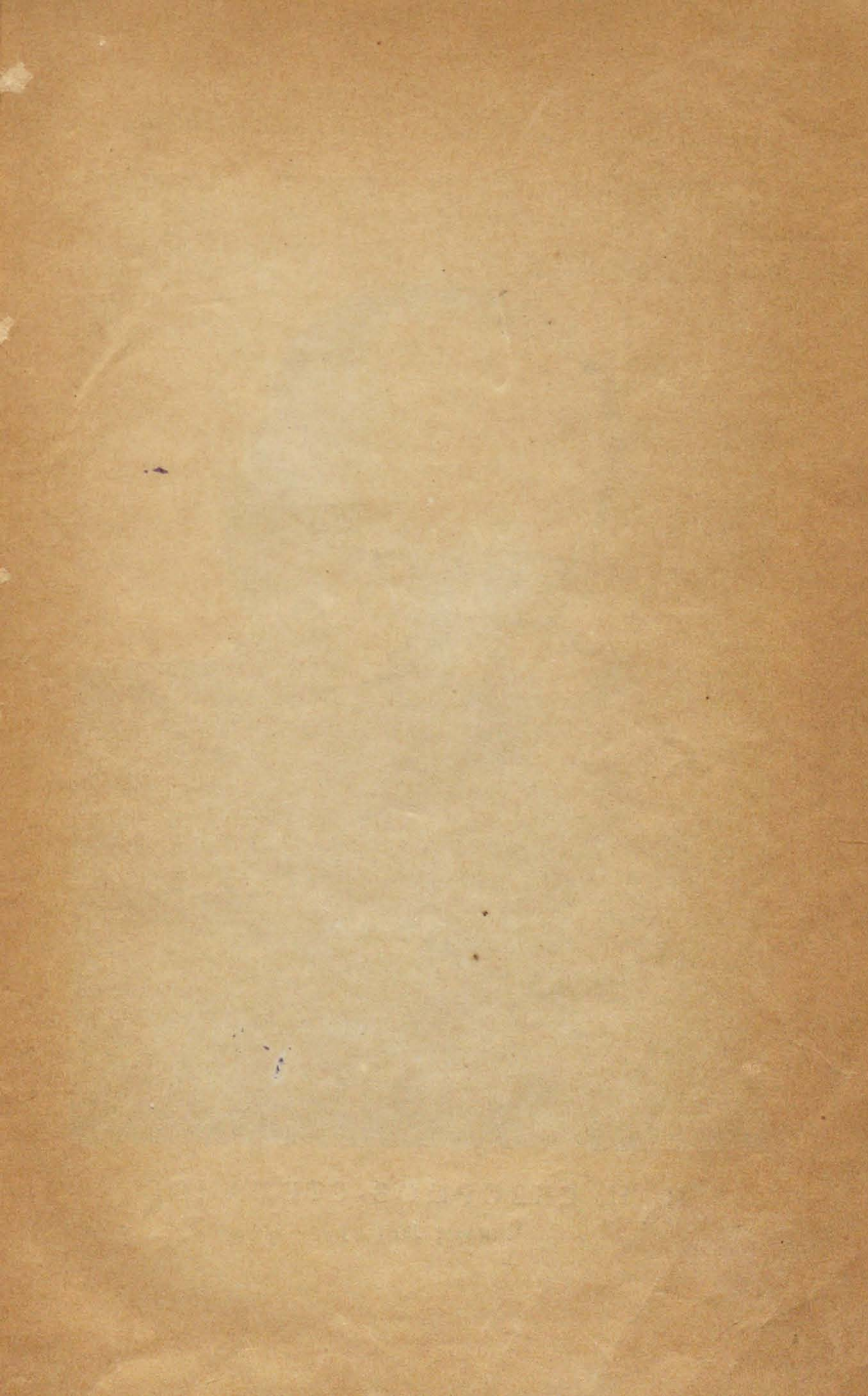
СБОРНИК
ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
М. М. ШЕЙНМАН

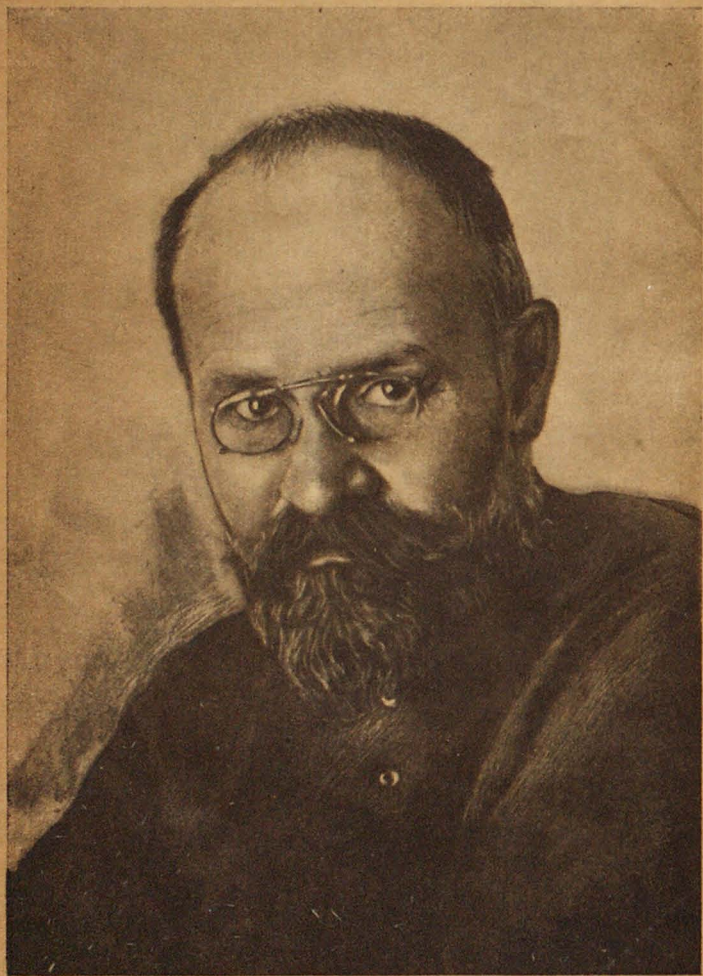

14341-36
17-46743

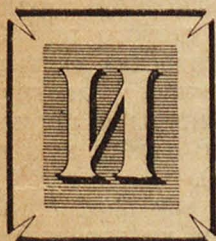
2007062686

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ
(снимок 1924 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ

ВАН Иванович Скворцов-Степанов был одним из крупнейших наших антирелигиозников.

Видный партийный работник, непримиримый борец за победу коммунизма, образованный марксист, переводчик и редактор русского издания «Капитала», историк, экономист, большой художник слова, за последние годы редактор «Известий ЦИК'а» и директор Института Ленина,— таким был Скворцов-Степанов. В вопросах философии Скворцов-Степанов примыкал к механистам, и его работы по этим вопросам подвергались критике в нашей литературе.

Как памфлетист-антирелигиозник, он остался непревзойденным. Его горячие, убедительные антирелигиозные выступления встречали благоприятные отклики в аудиториях в те годы, когда церковь была достаточно еще сильна и авторитетна. Большинство его антирелигиозных работ написаны живо, увлекательно, просто и убедительно. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» писал, что «массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.» (Ленин, т. XXVII, стр. 184). В своих антирелигиозных памфлетах Скворцов-Степанов и осуществляет эти указания Ленина. Он дает образец того, как надо с самых различных сторон подойти к верующему, чтобы его заинтересовать, чтобы его встряхнуть и возбудить в нем интерес к критике религии, ее догматов, обрядов.

Какими только вопросами антирелигиозной пропаганды не занимался Скворцов-Степанов!

У него мы найдем работы о происхождении и развитии религиозных верований (в настоящий сборник эти работы не вошли) и критику религиозной обрядности (например, брошюра «Таинство святого причащения»), и критику сказаний о христианских святых («Благочестивые размышления»), и критику религиозной нравственности, и интересные страницы о происхождении культа дьявола и месте этого культа в христианстве («О вере в бога и дьявола»).

Скворцов-Степанов, как публицист, как партийный работник, не мог не выступить против контрреволюционной деятельности церкви. Им написан ряд ярких статей против тихоновщины. Считая, что не следует оставаться безразличным к тому, что происходит в церкви, он пишет интересную брошюру «О живой церкви», где дает принципиальную оценку раскола в православной церкви и раскрывает тактику коммунистов в связи с этим: «Мы покажем, что никакая церковь не может быть живою, никакое духовенство — прогрессивным, никакая религия — современной. Мы

ничего не имеем против начинающейся склоки. Мы используем ее для полного и решительного отрыва масс от всякого духовенства, от всякой церкви, от всякой религии», — пишет он в своей брошюре.

Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» напоминал совет Энгельса распространять в народе в массовом количестве «боевую атеистическую литературу конца XVIII века» (Ленин, т. XXVII, стр. 184).

Памфлеты Скворцова-Степанова представляют собою боевые атеистические памфлеты пролетарской революции. Поэтому многие из его антирелигиозных работ не потеряли своей свежести и яркости, несмотря на то, что написаны давно, в большинстве в первые годы революции. Они читаются с большим интересом. Его памфлеты сыграли большую роль в деле освобождения сознания масс от пут религии.

Характерен для Скворцова-Степанова его умелый подход к верующему. Он начинает обычно не с общих выводов и рассуждений, а с примера, рассказа. Выводы в ходе изложения сами собою напрашиваются. Отдельные его брошюры написаны прямо-таки в художественной форме («Это было»).

Часто исходным моментом для своих рассуждений Скворцов-Степанов берет то или иное церковное положение, учение и показывает его «во всем его величии и возвышенном значении», с тем чтобы затем обрушиться всей силой своего полемического таланта на это учение и камня на камне не оставить от той «святости» и того величия, которыми церковь обставляет и объясняет свои обряды и обычаи. Яркий пример этого — брошюра «О таинстве святого причащения». «Возвышенно христианство, и возвышенны христианские жертвы», пишет он: тут жертвы бескровные, там, у нехристиан, жертвы — кровавые. Ужасны и отвратительны человеческие жертвоприношения у язычников-перуанцев. В свете их — как возвышенно христианство! Но тут же т. Скворцов-Степанов шаг за шагом показывает, что кровавые жертвоприношения не были чужды христианству, что таинство святого причащения есть не что иное, как пережиток древних жертвоприношений, вошедший в христианский культ.

Он доказывает, что христианство является религией синкретической, что оно восприняло исключительно много от других восточных религий и гордиться своей «исключительностью» по сравнению с другими религиями у христианской церкви нет оснований, что все они одинаково реакционны и вредны.

Можно ли использовать библейский и другой церковный материал для борьбы с религией? В нашей антирелигиозной литературе есть хорошие образцы такого использования библейского материала. Это — «Библия для верующих и неверующих» т. Ярославского. Скворцов-Степанов использует для разоблачения религии, для борьбы с ней другой церковный материал — «Жития святых». Последние представляют собою благочестивые жизнеописания мифических и полумифических героев христианской церкви. Эти герои «воевали с дьяволом» и «истязали свою плоть». Церковь рисует их «подвижниками». Скворцов-Степанов срывает всю мишуру, в которую церковь одела своих героев, и, когда они появляются перед читателем в их настоящем виде, возникает вопрос: что для нас — людей, борющихся за переустройство мира, за овладение природой, за создание самого лучшего, самого счастливого строя жизни на земле, — что для нас тут поучительного? Чем заняты герои «Житий святых», в чем их героизм: в борьбе ли с эксплуататорами, с социальной неправдой, или в борьбе с силами природы за подчинение их человеку? Нет, их «подвижничество» и «героизм» в том, что они борются с «нечистой силой» — плодом их больного воображения, или с дьяволом в образе женщины — плодом их развращенного воображения. Вот почему Скворцов-Степанов бросает церкви: «ваши святые — не мои герои, не мой идеал. Им суждено погибнуть вместе с вашим миром: с его богом, его ангелами и его дьяволами — со всеми этими призраками, страхом перед которыми угнетатели хотели держать угнетенных в покорности».

Нашими героями являются иные люди. Критерий героизма у нас совсем иной. Наши герои — это люди беззаветного труда, направленного на подчинение сил природы в интересах человеческого общества, наши герои — это активные борцы за новый мир, за соци-

ализм. Тем более важно разоблачение религиозных учений, которые героической борьбе миллионов трудящихся нашей страны за окончательную победу социализма противопоставляют всех этих своих «подвижников» со всем арсеналом реакционных идей и рабской морали.

Уже в 1920 г., когда Скворцов-Степанов писал свои «Благочестивые размышления», он видел, как падает в народе вера в бога, как растет безбожие, ибо «рождается новое человечество, которое своим трудом, своей борьбой, своими страданиями приходит к познанию и подчинению сил природы и общественных сил». С тех пор, как это писалось, прошло 15 лет. За эти годы Страна Советов одержала крупнейшие победы во всех областях народного хозяйства и шагнула далеко вперед в построении социалистического общества. И если в 1918 г. т. Скворцов мог писать, что деревня считает Николая-чудотворца своим покровителем, то теперь в колхозной деревне положение совсем иное — безбожие охватило широчайшие массы колхозного крестьянства. Наше советское, новое человечество — стахановцы, ударники, массы рабочих и колхозников все в большем и большем числе отбрасывают от себя верования прошлого.

Столетиями спорили люди о том, «чья вера лучше». Сколько крови пролито, сколько человеческих жизней погублено! Достаточно вспомнить инквизицию, религиозные войны, религиозные гонения против «еретиков», сектантов (в России, напр.), религиозно-национальную вражду, разжигаемую и поныне империалистами. Конечно, за этими религиозными войнами всегда стояли реальные интересы определенных классов, но массам это не всегда ясно было и не всегда ясно теперь. Чья же вера лучше? В своем памфлете «О правой и неправой вере» Скворцов-Степанов путем сопоставлений и сравнений убедительно доказывает, что «нет веры правой, нет истинных богов... Все веры неправые, все боги выдуманные, созданные человеком».

Кульť дьявола занимает большое место во всякой религии, в частности в христианстве. Скворцов-Степанов посвятил этому вопросу специальную книжку «О вере в бога и дьявола». Эта книжка — интерес-

ный очерк из истории церкви, истории одной из наиболее мрачных ее сторон — процессов ведьм и ведовства. Такие явления, как ведовство, носившее массовый характер, нельзя объяснить только темнотой и невежеством как самих «ведьм», так и их преследователей — служителей церкви. В христианстве, как и во всех религиях, вера в дьявола, в нечистую силу — такая же составная часть религиозного учения, как и вера в бога. Христианство заимствовало многое из других восточных религий и до поры до времени мирно уживалось с другими религиями. Но, сложившись в большую политическую силу, церковь все не вошедшее в христианство объявила суеверием, язычеством и обрушилась против «язычества» жесточайшими преследованиями.

Социальные корни ведовства т. Скворцов видит в крушении средневекового уклада жизни, в том, что общество «охватывалось быстрыми и глубокими сдвигами, расплзлось по швам, утрачивало под собою твердую почву», процессы же против ведьм, как и борьба с «ересями», были одной из форм самозащиты имущих классов. Энгельс писал, что в силу господствующего положения церкви в средневековом обществе — «все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богословские ереси». Оппозиция против феодализма, по его словам, «в зависимости от условий времени выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» («Крестьянская война в Германии»). Тов. Скворцов ведовство рассматривает как одну из форм протеста против «этого подлого общества». Но ведьмы в отличие от еретических движений — это «протестующие одиночки». Немецкий исследователь Эмиль Розенов (в своих двухтомных «Kulturbilder») пишет, что по обвинению в ведовстве в XV, XVI, XVII столетиях церковью было убито, сожжено, уничтожено от 3 до 4 миллионов человек.

Известно много случаев массовых сожжений «ведьм» (по 20—40 и больше человек). Сама церковь не всегда различала между борьбой с «ведовством» и борьбой с «ересью» и часто «еретиков» обвиняла в «ведовстве» и поручала инквизиции расправу с ними. Вот почему

процессы ведьм (как и борьбу с «ересями») следует рассматривать как одну из форм самозащиты феодального общества. Средневековое общество «защищалось всем, чем могло, в том числе и «процессами ведьм» (И. Скворцов).

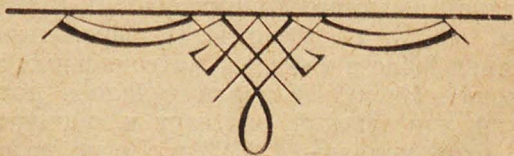
Почти все помещенное в этом сборнике писалось в первые годы революции (большинство в 1918—1922 гг.). Работы Скворцова-Степанова, неоднократно переиздававшиеся, сыграли большую роль в деле разоблачения реакционности всякой религии.

Страна Советов под руководством коммунистической партии и ее вождя т. Сталина одержала громадные успехи в деле строительства социалистического общества. В борьбе за победу социалистического общества выросли и вырастают новые люди, люди с совершенно иным отношением к труду, к общественной собственности. Самый яркий пример этой перекладки людей показывают стахановцы. В этих условиях религия все больше уходит в прошлое, и все больше людей порывают с ней. Но не мало еще трудящихся следуют за церковью, за попами, муллами, раввинами, проповедниками разных сект. Еще традиции прошлого цепко хватаются за жизнь.

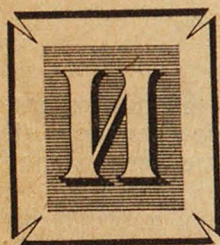
Популярные, просто написанные беседы о религии Скворцова-Степанова помогут многим верующим освободиться от религиозных влияний, а пропагандисту-агитатору дадут богатый материал для пропаганды атеизма.

Сборник выпускается по последним изданиям, вышедшим еще при жизни т. Скворцова-Степанова. В тексте сделаны небольшие редакционные исправления и сокращения.

Иллюстрации подобраны специально к настоящему изданию.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИВАН Иванович Скворцов (Степанов был его литературный псевдоним) является одной из интереснейших и своеобразных фигур.

И. И. Скворцов родился в феврале 1870 г. Его отец был мелким служащим (конторщиком) на одной из подмосковных фабрик (близ станции Тарасовка, Сев. ж. д.). Отец И. И. зарабатывал очень мало, и семья жила в тяжелых материальных условиях. Тем не менее Ивану Ивановичу удалось поступить в Московский учительский институт и окончить в нем курс с золотой медалью в 1890 г. После этого он по-

ступил на службу учителем в Москве в Арбатское городское училище.

Начало 90-х годов было временем, когда живо было еще народничество. Марксизм в то время в России только нарождался; он еще только отвоевывал себе место на политической и общественной арене. Немудрено, что заинтересовавшийся социальными и политическими вопросами молодой, только-что окончивший институт учитель стал на первых порах тоже на сторону народничества.

Среди молодежи того времени существовало много кружков, которые ставили своей задачей изучение социальных вопросов. К одному из таких кружков примкнул и Скворцов. Хотя направление кружка и было еще народническим, но в нем уже читались те марксистские книги, которые можно было достать. Члены кружка думали, что, споря с марксистами, они опровергают марксизм, а на самом деле эти споры заставляли молодежь глубже знакомиться с учением Маркса. И многие из них переходили на позиции марксизма.

Легальной марксистской литературы в то время в России почти не существовало. Марксистской литературы, выпущенной за границей, было недостаточно, а то, что было, добывалось с величайшим трудом. Это побуждало молодежь к изучению иностранных языков, главным образом немецкого, наиболее нужного для чтения марксистских книг. Взялся за изучение его и Скворцов и с присущей ему добросовестностью изучил его настолько, что вскоре он мог выступить как переводчик ряда немецких марксистских книг, которые сыграли большую роль в деле пропаганды. Упорная работа Скворцова над своим самообразованием привела к тому, что он сильно расширил и углубил свои знания и стал впоследствии одним из образованнейших русских марксистов. Всем этим Иван Иванович был обязан исключительно работе над своим самообразованием. В постоянной, упорной, основательнейшей работе над самим собой — одна из поучительнейших для молодежи сторон жизни и личности И. И. Скворцова.

Характерной чертой кружков молодежи того времени было то, что они изучали науку не для самой науки, а для того, чтобы прилагать немедленно добыва-

емые в кружках знания к жизни. Кружковая работа по самообразованию была тесно связана с жизнью, с политикой, с революционной борьбой. Правительство и полиция хорошо знали это и преследовали работу кружков. Самое пребывание в кружке было уже делом политическим. Тот кружок, в котором принимал участие И. И., завел гектограф — самодельный аппарат, на котором можно отпечатать несколько десятков копий рукописи, написанной особыми чернилами. На этом гектографе члены кружка печатали прокламации и листки, обращенные, главным образом, к учащейся молодежи. К весне 1895 г. кружок добыл мимеограф, с помощью которого можно делать большее количество оттисков, чем на гектографе, но пустить в ход этот прибор кружку не удалось, так как в ночь на 4 мая 1895 г. все его члены были арестованы. При обыске у Сковорцова были отобраны почти исключительно марксистские книги. В тюрьме он просидел около года, продолжая усиленно заниматься самообразованием. Весной 1896 г. Сковорцова выслали в Тулу под надзор полиции. Жившие в Туле марксисты, познакомившись со Сковорцовым, убедились, что он уже почти целиком стоит на почве марксизма. «Остальное доделала знаменитая петербургская стачка, разразившаяся в мае 1896 г.», — писал И. И. в своих воспоминаниях. Переход на позиции марксизма пошел так быстро, что уже вскоре после приезда Сковорцова в Тулу кружок социал-демократов предложил ему взять на себя пропаганду в рабочих кружках, уверяя его, что сами рабочие вытравят из него последние остатки народничества. Так и случилось.

«Для меня, — пишет Сковорцов в своих воспоминаниях, — начался период почти 3-летней деятельности в рабочих кружках. Хорошее это было время! Летом мы собирались где-нибудь в лесах и перелесках. Иногда приходилось делать, — конечно, пешком, ибо мы были неумолимо строгие конспираторы, — до 30 верст в день и даже больше. Зимой забирались под крышу. Пользуясь небольшой приплатой от кружка, какой-нибудь рабочий со своей матерью нанимал маленькую хибарку где-нибудь на окраине. И ни разу не попались. Хотя в кружковую работу под конец были втянуты многие

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ
(снимок 90-х годов)

десятки рабочих, у нас не было ни одного случая провокации или предательства». Свои занятия в кружках Иван Иванович ставил так серьезно, что из некоторых своих бесед с рабочими он составил впоследствии целые брошюры.

Весной 1899 г. окончился срок высылки Скворцова в Тулу, но и после этого он был на два года лишен права жить в Москве. Сперва он уехал на короткий срок за границу, чтобы своими глазами изучать там рабочее движение, а потом поселился в Калуге, занимаясь литературным трудом (главным образом переводами), а также принимая участие в работе местной социал-демократической группы. В 1900 г. Скворцов был снова арестован по делу харьковской социал-демократической группы, с которой у него была связь.

Осенью 1901 г. окончился срок, в течение которого Иван Иванович не мог жить в Москве. После окончания этого срока И. И. вновь возвратился в Москву, где в то время собралось несколько крупных социал-демократов и было решено приступить к организации комитета. Но на первом же, организационном, собрании все его участники были арестованы, так что комитет этот, по словам И. И., просуществовал всего полтора часа. За попытку создания этой организации Скворцов и его товарищи после тюрьмы были сосланы в Сибирь на три года.

После второго съезда партии (в 1903 г.) Скворцов стал на сторону большевиков.

Снова в Москву Скворцов вернулся в конце 1904 г. Он с головой ушел в революционную работу. Главную свою работу он вел в качестве лектора-пропагандиста в Москве и в ряде окрестных городов. Он стал одним из основных работников так наз. литературно-лекторской группы при Московском комитете большевистской партии. Задачей этой группы было писание прокламаций, листовок, брошюр и т. д., выступление на митингах и собраниях, пропаганда идей партии. В ноябре 1905 г. группа приступила к изданию в Москве легальной большевистской газеты «Борьба», в которой Скворцов был одним из деятельнейших сотрудников. Поражение декабрьского восстания 1905 г. сделало дальнейшее издание газеты невозможным. Вместе с

тем Скворцов работал много как переводчик, выпустив ряд переводов таких крупных книг, как «История французской революции» Блоса, «История революции в Австрии» Баха и др. Все эти переводы Скворцов снабжал своими обстоятельными «введениями», которые очень много давали читателям. И. И. работал также как редактор издательства Скирмунта «Труд», которое выпускало в это время много марксистской литературы. Работая главным образом в области литературы, Скворцов не отходил от практической революционной работы. Весной 1906 г. Скворцов участвовал в качестве делегата от Москвы на Стокгольмском съезде партии (под псевдонимом Федорова).

С наступлением реакции ряды революционеров-интеллигентов сильно поредели. Одни ушли на каторгу и в ссылку, другие бежали за границу в эмиграцию, третьи просто отошли от революционной работы. В Москве особенно остро чувствовался недостаток в таких работниках. Скворцов был одним из очень немногих, оставшихся на посту. А условия работы в то время были необыкновенно трудны: нехватало не только людей, но и денег.

В то время в Москве существовало Областное бюро Центрального промышленного района. Это Бюро объединяло все большевистские комитеты центральной России. В 1908 г. Бюро приступило к изданию нелегальной газеты «Рабочее знамя». Со второго номера до 5-го включительно редакция перешла к Скворцову, который, по его признанию, в этом и в последующих номерах сам писал от 50 до 90% всего печатавшегося материала. Один этот факт показывает, каким ценным и неутомимым работником большевистской партии в Москве был И. И. Правда, у него были в это время некоторые разногласия с Лениным, объясняемые, главным образом, влиянием, которое на него оказывал А. А. Богданов. С И. И. Богданов был в тесных дружеских отношениях еще со времени ссылки в Тулу. Но впоследствии Скворцов признал эти свои ошибки.

Осенью 1908 г. тайная типография газеты была арестована, и издание ее прекратилось. Правительственная реакция еще более усилилась. Издание боль-

шевистских легальных газет стало невозможным. Для пропаганды приходилось пользоваться журналом профессиональных союзов, находившихся под влиянием большевиков. «Годы были трудные и тяжелые», — писал И. И., вспоминая об этом времени. «Наши издания, получив фирму, выходили как «общепрофессиональные органы».

Московские большевики выставили своим кандидатом на дополнительных выборах в Государственную думу Скворцова, чтобы использовать эти выборы в целях агитации. Полиция, чтобы освободиться от Скворцова — активно работающего большевика, произвела у него обыск, арестовала его, а через некоторое время выслала под надзор полиции в Астраханскую губернию. В ссылке, а также и после возвращения из нее в Москву он стал одним из членов редакции основанного в то время большевиками журнала «Рабочий труд».

С начала февральской буржуазно-демократической революции И. И. энергично бросился в работу. Московский совет рабочих депутатов назначил его главным редактором своего органа «Известия Московского совета».

В конце мая 1917 г. разногласия между большевиками с одной стороны и меньшевиками и эсерами с другой обострились настолько, что большевики ушли из редакции «Известий». И. И. был избран одним из членов редакции «Социал-демократа» — тогда органа Московского комитета партии. Но уже с конца лета большевики завоевали большинство совета, и во главе редакции «Известий» стал снова Скворцов. Наступили дни Великой Октябрьской революции. В ночь с 27 на 28 октября начались военные действия против юнкеров, засевших в Кремле. В эту ночь образовавшийся Военно-революционный комитет поручил редакции «Известий» заготовить текст ряда прокламаций. Все эти первые прокламации Военно-революционного комитета были написаны Скворцовым. Он был назначен редактором «Известий» Военно-революционного комитета».

К началу 1918 г. относится временный отход Ивана Ивановича на позиции «левого коммунизма», вызван-

ный разногласиями о Брестском мире. Отойдя временно от газетной работы, он занялся литературной работой, а в частности вопросами антирелигиозной пропаганды. Эту пропаганду он ставил в своих книжках и брошюрах так, чтобы она доходила до совсем отсталых, еще захваченных дурманом религии людей. Для этой цели он часто придавал своим брошюрам такую форму, снабжал их такими заглавиями, чтобы они не отталкивали, а привлекали к себе читателя, еще проникнутого религиозными взглядами. Брошюры эти т. Скворцов писал необыкновенно простым и ясным языком. Но вместе с тем антирелигиозная пропаганда Скворцова никогда не снижалась до поверхностного балагурства, его брошюры были всегда построены на тщательном изучении истории и данных естественных наук. Брошюры оказали большое влияние на успешность нашей борьбы против религии и поповщины. Эту работу И. И. особенно развил и усилил в последующие годы, когда борьба против религии и поповщины приобрела очень большое значение. В антирелигиозных брошюрах Скворцова особенно интересно и достойно внимательнейшего изучения его умение подходить к читателю и писать популярным языком.

В 1919—21 гг. перед партией и советской властью стояла задача овладения аппаратом кооперации, задача, которой в то время Ленин уделял огромное внимание. На этот фронт и был выдвинут т. Скворцов, который начал работу в потребительской кооперации еще до Февральской революции. Он был назначен председателем Всероссийского совета рабочей кооперации, а позже членом правления Центросоюза.

При образовании Госиздата в 1919 г. т. Скворцов был назначен членом его редакционной коллегии, а затем заместителем председателя и заместителем заведующего. Здесь работа была нелегкая. Надо было работать с ничтожным запасом бумаги, с расстроеными типографиями, при почти полном отсутствии специалистов типографских и редакционных. Но Скворцов был неутомимым работником. Днем он работал в Госиздате, а вечера отдавал литературной работе. В это время им были написаны две большие работы: книга об электрификации, которой остался очень доволен Ленин

и к которой он написал свое предисловие, и популярная, но довольно обширная история Парижской Коммуны.

В 1924 г. Скворцов был назначен членом редакционной коллегии «Правды», а в мае 1925 г. — ответственным редактором «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». Он твердо боролся за генеральную линию партии, ведя энергичную борьбу с троцкистами и с другими уклонами.

Когда разгорелась борьба с зиновьевской оппозицией в Ленинграде, ЦК партии послал т. Скворцова на труднейшую и ответственнейшую в то время работу редактора «Ленинградской правды». Энергично принялся И. И. за эту работу. Несмотря на жестокое сопротивление зиновьевцев, прибегавших ко всяким демагогическим приемам для того, чтобы обмануть ленинградских рабочих и удержать их за собой, зиновьевская контрреволюционная оппозиция была быстро разбита наголову. В этом разгроме зиновьевщины «Ленинградская правда» и Скворцов, как ее редактор, сыграли не малую роль.

Вернувшись в Москву, Скворцов снова взялся за работу по редактированию «Известий». В 1926 г. он был назначен по совместительству директором Института Ленина. Вместе с тем он находил время выполнять много других литературных работ, состоя членом редакции нескольких журналов (в том числе «Под знаменем марксизма») и членом президиума Коммунистической академии. Еще на X съезде нашей партии Скворцов был избран членом ревизионной комиссии партии и оставался им до XIII съезда. На XIV съезде он был избран членом ЦК ВКП(б).

Умер Скворцов 8 октября 1928 г. от брюшного тифа в Сочи, куда он поехал отдыхать.

И. И. Скворцов был во многих отношениях чрезвычайно интересным человеком.

И. И. Скворцов был ученым, настоящим ученым-марксистом. В старое время, в средние века, когда книг было мало, когда они представляли большую редкость, а количество научных знаний было еще не-

велико, ученый должен был знать и носить в своей голове как можно большее количество этих знаний. В этом была его главная отличительная черта, как ученого. Сбирать и накапливать знания — вот его главная цель. Вопрос, как и на что использовать эти знания, его мало тревожил.

Нет, не желал бы быть я царственной птицей!

Ах, то ли дело поглощать

За томом том, страницу за страницей!

говорит в «Фаусте» Вагнер — типичный средневековый ученый.

Совершенно другой тип ученого формируется в настоящее время. Область человеческих знаний стала так велика, что всю эту массу не в силах вместить голова никакого ученого. С другой стороны, книги стали доступны. Надо лишь знать, где можно найти, и уметь найти те сведения, которые нужны для работы. Надо уметь, далее, использовать эти сведения, уметь координировать их одно с другим в стройную систему, надо уметь хорошо владеть научным методом и обладать при этом вдобавок широким кругозором, широким и глубоким мирозерцанием.

Одним из представителей такого типа нового, современного ученого и был Скворцов.

Долгим, упорным трудом он пришел, еще совсем молодым человеком, к марксизму и потом долгие годы работал самостоятельно при помощи этого метода в самых разнообразных областях. Круг интересов и знаний Скворцова был очень широк. Он хорошо знал литературу, различные области естественных наук, историю, философию, теоретическую и практическую экономику. И в каждой из этих областей он самостоятельно поработал, применяя марксистский метод. Он хорошо знал, где он найдет нужные ему сведения, и не затруднялся отыскивать их в специальных книгах. Мне пришлось наблюдать, как Скворцов работал над своими антирелигиозными книжками. Он сидел в это время обложенный с одной стороны научными книгами по истории религии (и притом на разных языках), а с другой — библией, «Житиями святых» и т. п. Часами и днями изучал он эти нелепые «жития».

Умение работать над источниками помогло Скворцову прекрасно справиться и с книгой об электрификации, хотя область техники до того времени была ему совершенно чужда.

Гордый своими знаниями, средневековый ученый замыкался от массы, с презрением смотрел на нее. Современный пролетарский ученый только потому и работает хорошо, что он связан с рабочей массой, что он пользуется в работе методом марксизма — методом пролетарского мировоззрения. Таков и был И. И. Скворцов. Он не выбирал отвлеченных тем, не имеющих отношения к жизни. Он брал только те вопросы, которые остро ставила жизнь. Он давал в своих книгах и статьях те знания, которые были особенно необходимы именно в данное время рабочему читателю.

Скворцов был типичный пропагандист для рабочих масс, пропагандист словом в рабочих нелегальных кружках и на открытых лекциях, которые он читал; пропагандист в своих книгах и брошюрах, которые он писал для рабочих; пропагандист в своей газетной работе. Эта многолетняя работа многому научила Скворцова и сделала из него настоящего мастера этого дела, писателя, книжки и статьи которого следует внимательно изучать, чтобы научиться писать так же просто и популярно.

Н. Мещеряков

I

БЕСЕДЫ О ВЕРЕ

*

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

О ПРАВОЙ И НЕПРАВОЙ
ВЕРЕ

*

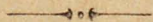
О „ТАИНСТВЕ
СВЯТОГО ПРИЧАЩЕНИЯ“

ЭТО БЫЛО

*

О ВЕРЕ В БОГА
И ДЬЯВОЛА

БЕСЕДЫ О ВЕРЕ

1

ВЕРА И ЗНАНИЕ, СВЯТАЯ ВОДА И МИКРОСКОП,
МОЛЕБСТВИЕ И ПОГОДА

I

ТО было давно, бесконечно давно: во время русско-турецкой войны. Но к войне не имело никакого касательства.

Мой детский ум сильно угнетали рассказы о зверствах баши-бузуков. И в особенности тяжело я себя чувствовал, когда пришли вести, что баши-бузуки замучили Христофора, моего друга истопника, мужчину едва не в сажень ростом, за полгода перед тем взятого на войну.

Но даже и в те времена меня глубоко взволновала одна весть, горячим обсуждением которой меня разбудили в одно тяжелое утро: в кадушку с капустой попала мышь. И не только попала, но и потонула. И,

быть-может, погибла не в предыдущую ночь, а уже за несколько дней.

Что делать? Происшествие случилось в половине зимы, кадушка была большая, и капусты в ней оставалось еще много. Выбрасывать невозможно. Но и есть не приходится. Не только капуста, но и вся кадка опоганена дохлой мышью.

Положение спасла бабушка. У нее в запасе всегда была святая вода. Я еще и теперь помню, что эта вода стояла около икон в «полуштофе» — четырехугольной посудине из-под водки, — в такой посудине, которую современное поколение давно позабыло, если только когда-нибудь видело. Крещение было недавно, и святой воды оставалось не мало.

Бабушка пошла со своим полуштофом на погреб и, творя крестное знамение, побрызгала святой водой в кадушку и на кадушку. Тлетворные веяния науки тогда меня еще не коснулись. Вера еще не была разбита и даже просто расшатана. И эта вера — великая вещь. Ши на другой день были не только не хуже, но много вкуснее, чем бывали до того времени. И все это сделала святая вода.

Но после этого я уже сам начал находить святой воде самое широкое применение. Увидев, например, как собака «нанюхала» кадку, я бежал к бабушке. И бабушка, кряхтя и охая, поднималась и шла вместе со мной покропить кадку. Но по своему детскому разумению я не всегда правильно разбирался. Во всяком случае ребенок я был понятливый. И потому мне скоро стало ясно, что, если кошка слегка полижет мясо или даже «налакает» молоко, ни мясо ни молоко не будут от этого опоганены.

Кажется, в том же году мне удалось убедиться, что бабушка в своих действиях сообразовалась с самыми знающими людьми.

В одно совсем не прекрасное утро на той небольшой фабрике, где я жил в детстве, произошел великий переполох. И причиной переполоха было событие у соседнего огородника, у которого артель всегда брала квашеную капусту и соленые огурцы.

Капуста всю зиму хранилась в огромном чану, врытом прямо в землю. Летом, когда чан стоял пустой,

мне иногда удавалось, вскарабкавшись над краем, заглядывать внутрь. И еще теперь, при одном воспоминании об этом, у меня сердце сжимается от волнения: так глубокий, так необъятный был этот чан. Нет, современное человечество, несмотря на свою машинную технику, не в силах сделать такую посудину, как производили те великаны, что со всех сторон окружали меня в детстве.

И вот в этом-то чану, все еще наполненном капустой почти до половины, задохнулись две крысы.

С вечера брали капусту и не захлопнули крышку, как следовало.

Теперь, когда жизнь расшатала во мне веру в людей и научила подозревать в них разные дурные качества, я убежден, что подобные происшествия часто бывают с современными огородниками, много раз бывали и с моим огородником. Но происшествия не разрастаются в большие события, огородник преспокойно вытаскивает и крысу, и собаченку, и всякую живность, нашедшую смерть в капусте, и продолжает торговлю, как ни в чем не бывало.

Но у моего огородника открытие трупов произошло при покупателях. Значит, скрыть дело было никак не возможно. И в тот же день вся округа, все покупатели узнали о потрясающем происшествии. И все в один голос решили: «надо послать за попами». А попы жили в трех километрах от того места.

Скоро все успокоились. Приезжали попы с крестом, святой водой и кропилом. «Служили»... Как называется та служба, которая установлена Иисусом Христом или его апостолами на такой случай, я не знаю, и как ее тогда называли, забыл. Окропили капусту «святой водой» и таким образом спасли все дело.

II

Бабушка мне всегда говорила, что святая вода — не простая, а именно святая. И я скоро узнал, что святая вода не испортится, если даже простоит в полуштофе у божницы от крещения до спаса или от спаса до крещения, или даже от крещения и до крещения. А вот

простая вода, — так та через неделю пойдет клочьями и протухнет.

Правда, иногда и со святой водой случались соблазнительные происшествия: вдруг она замутится, как всякая другая вода. Ну, тут уж было ясное дело, это «он» как-то подстроил. А «он» при своем необыкновенном коварстве умеет ловко устраивать разные пакости, чтобы навести людей на греховные мысли и поймать их в свои сети. Великий праведник был архиепископ Иоанн новгородский. А и с ним выкидывал нечистый такие вещи, которые всех вводили в соблазн. То окружающие слышали шум греховного пиршества, устроенного в келье святого. То видели у него престлениц. А один раз, когда святой стал умываться, он услышал в умывальнике бултыханье. Правда, дорого поплатился нечистый за свою дерзость: святитель закрестил его в умывальнике и выпустил только на том условии, что дьявол свозит его на себе в Иерусалим. И в одно утро святитель побывал в Иерусалиме и возвратился обратно.

Быстро и хорошо летают теперь на аэропланах. Но за нечистым не угоняться ни одному летчику...

И со святой водой бывают соблазны. Она должна всегда оставаться такой же, как была при начале своей святости. А если она когда-нибудь замутится, надо твердо верить и говорить, что это нечистый напускает на глаза туман, чтобы вода казалась попортившейся и чтобы людей посещали греховные мысли. Я твердо веровал, что клочья в святой воде — одно наваждение.

Однако в конце-концов и меня не пощадили тлетворные веяния нашего суетного времени и их разрушительные учения. Началось с того, что у старшего брата завелся микроскоп. Дрянной это был микроскопишко, — его удалось купить на Сухаревке за два целковых. Но и его было достаточно, чтобы рассмотреть удивительный мир, живущий во всякой капле болотной воды.

Дьявол нашел во мне легкую добычу: на свою пагубу я был любознателен, как всякий ребенок. И подтолкнул меня нечистый рассмотреть под микроскопом каплю выдержанной святой воды. Должно-быть, бабушка неплотно закупорила свой полуштоф, — или,

вернее забыла перекрестить горлышко и тем запечатать от вторжения нечистой силы: Во всяком случае я через стеклышки микроскопа открыл в святой капле соблазнительную картину. Передо мной ворочались и сутились существа с рожками, с усиками, с крючками, лупоглазые, пузатые... С некоторыми я был знаком раньше: видал их на картинках ада и страшного суда. Но все же на этих картинках не было такого подавляющего разнообразия, как в этой капле.

Тогда для меня начался период сомнений. Я все больше стал вкушать от древа познания и утратил рай веры.

III

Мало уметь творить заклинания: надо знать, когда их творить. Иначе не будет никакого толка.

Деревенские попы на этот счет бестолковы. Стоит засуха неделю-другую. И попы уж торопятся: звонят в колокола, поднимают иконы, совершают крестный ход, служат молебны по первому слову крестьян. И часто бывает так: попы все сделают, что в таких случаях полагается по их требникам и служебникам, отслужат на уезд или губернию и десятки, и сотни, и тысячи молебнов, получают за это и хлебом, и яйцами, и деньгами, — а засуха все продолжается.

Впрочем, им и нельзя по-другому: крестьяне их торопят и подгоняют.

В столицах все делается основательнее. Бывает, что дождь льет неделями и месяцами, тонут поля, мерзнут и мокнут дачники, все с отчаянием взирают на небо: не появится ли просвет? А дождь все льет да льет, и первосвященники как будто ничего не замечают.

Но зато бывало и так: назначат они всенародное молебствие на Красной площади и еще не закончат его, как тучи начинают расходиться, и прорезывается яркое солнце, которого давно не видали.

А если служат молебствие о ниспослании дождя после засухи, так бывает, что старушенциям приходится с молебствия разбегаться от ливня. Да такой пройдет ливень, что затопит многие улицы и площади и зальет некоторые подвалы. А нето так с градом и

ураганом. Но это уже лишнее: попы перемолбствовали и переусердствовали.

Увы! Нечистый и здесь не пощадил моей бабушкиной веры.

Я узнал, что первосвященники во времена засух и затяжных дождей обнаруживали необыкновенный интерес к тому, что делается на метеорологической обсерватории: в учреждении, в котором люди, занимающиеся наукой, следят за погодой и ее переменами, применяют разные приспособления и инструменты, получают по телеграфу сведения о погоде со всего мира, производят вычисления и таким образом узнают предстоящие перемены в погоде.

И по телефону, и через посыльных, и прямо, и стороной митрополит наводил справки: не предвидится ли перемена в погоде? И назначал молебствия лишь после того, как получал утешительные сведения.

Архиепископ новгородский оседлал дьявола и съездил на нем в Иерусалим.

Современных архиепископов часто седлает дьявол и ездит на них в ад.

2

РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

1

Без религии нет нравственности, утверждают служители церкви. Без внутренней сдержки, налагаемой верой, человек будто бы превращается в необузданное животное, которое следует единственно своим собственным побуждениям и страстям. В их борьбе разлагается всякое общество.

«Закон божий» должен быть основой всего нравственного воспитания. Здесь ребенок лучше всего знакомится с теми вечными требованиями нравственности, которые во все времена остаются неизменными, как бы ни изменялась внешняя обстановка человеческой жизни. И нет еще другой такой мощной воспитательной

силы, как глубокая вера, что сам бог прямо дал человеку свои нравственные веления...

Вот какими соображениями священники оправдывали преподавание закона божия, представляющего, по их уверениям, одно из важнейших средств нравственного воспитания. На нескольких примерах можно показать, какой нравственности обучают священные книги.

II

Во всех учебниках ветхого завета рассказывается, и все дети христианских и иудейских вероисповеданий учат, как после всемирного потопа, омывшего грешную землю, грех опять пришел в мир. Виновник этого—Хам. И много столетий человечество клянет его имя.

Его великое преступление, за которое мы все еще и теперь несем возмездие божие, рассказывается буквально следующими словами:

«Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего и, вышед, рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положивши ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньшей сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. Потом сказал: благословен господь бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» (Бытие, гл. IX, ст. 20—27).

Это—все, что говорится в священном писании о грехопадении Хама. Он только рассказал своим братьям, в каком положении находился их отец. И за то, что он это сделал, не только он, но и все его потомство было осуждено на вечное рабство. И еще совсем недавно священники уверяли, что старинные расправы европейцев над африканцами и азиатскими народами и современная колониальная политика просто приводят в исполнение тот приговор, который бог устами

Ноя изрек Хаму и его потомству: они называли население Африки и Азии «хамитским», т. е. происшедшим от Хама.

Представим все дело по-теперешнему. Какой-нибудь Никита перехватил самогону и полураздетый заснул среди избы на запакощенном полу. Его сын Федот увидел это и, плюнув на мерзостную картину, пошел и рассказал своим братьям Якову и Семену. А Никита, проспавшись, обрушился на Федота угрозами и проклятиями и попробовал наломать ему бока. Бо-

Общественный строй, согласно учению церкви: «Сим молитву деет, Иафет власть имеет, а Хам пшеницу сеет». В иных изображениях надпись о Хаме гласит, что он обязан «работать на всех».

юсь, что все теперешние люди скажут: «Никита — пьянчуга и буян, а Федот отплюнулся на то, что и на самом деле гrotивно».

Во всех учебниках ветхого завета подробно рассказывается история пророка Елисея. И ни один учебник не пропускает следующего глубоко назидательного происшествия, и ни один законоучитель не забывает дать ребятишкам по этому поводу надлежащее поучение.

«И пошел он (пророк Елисей) в Вефиль. Когда он шел дорогой, малые дети вышли из города и насме-

хались над ним, и говорили ему: «иди, плешивый, иди, плешивый». Он оглянулся и проклял их именем господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (Четвертая книга царств, гл. II, ст. 23, 24).

И во всех учебниках рассказывается, что медведицы просто привели в исполнение тот приговор, который пророк Елисей изрек детям именем господним. И этот приговор пал на них за то, что пророк Елисей был плешивый, — его рисуют почти без единого волоска на голове, — и малы е дети говорили ему: «иди, плешивый, иди, плешивый».

Я еще и теперь помню, как мучительно сжималось мое детское сердце, когда я слушал этот рассказ, и как несколько недель после того я трепетал при всякой встрече с плешивым стариком и боялся взглянуть на его лысины. А вдруг он прочтет в моем взоре насмешку? Лес начинался за самым городом, и в пятнадцати километрах водились медведи.

Всеми силами я заставлял себя не думать о том, что наш законоучитель — плешивый, как Елисей, и что лысина у него почти всегда была грязная.

И чем больше я старался не думать об этом, тем больше думал только о грязной лысине нашего батюшки.

И опять представьте себе деревенскую обстановку. И представьте, что толпа ребятишек увидела плешивого странника и погналась за ним. Что мы сказали бы, если бы он натравил на ребят свирепого волкодава и тот растерзал бы нескольких детей? По всей справедливости, мы немедленно арестовали бы его, и всякий народный суд назначил бы ему суровое наказание.

III

Во всех учебниках ветхого завета рассказывается, как Исава продал свое первородство Иакову за чечевичную похлебку, и мы еще теперь обдаем презрением Исава и всех, кто способен на такую сделку: и отдельных людей, и целые общественные группы. Напротив, в Иакове мы видим образец нравственного совершенства, пример, достойный подражания.

Библейский рассказ об Иакове ярко обрисовывает и отношения между братьями, и причины того предпочтения, которое родители оказывали одному своему сыну перед другим, и удивительные супружеские отношения.

У Ревекки, жены Исаака, родились близнецы: Исав, который вышел первым и потому должен был считаться первенцом, и Иаков.

«Дети выросли; и стал Исав человеком искусным в звероловстве, человеком полей, а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах. Исаак любил Исава, потому что дичь его была по вкусу ему, а Ревекка любила Иакова. И сварил Иаков кушанье, а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого, ибо я устал. Но Иаков сказал Исаву: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот я умиряю: что мне в этом первородстве? Иаков сказал ему: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал Исав первородство свое Иакову». И только после того «дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы; и он ел, и пил, и встал и пошел, и пренебрег Исав первородство» (Бытие, гл. XXV, ст. 27—34). Словами: «и он ел, и пил, и встал и пошел», ничего не оспаривая, с удивительной выразительностью показано, что торговая сделка состоялась, и с первородством Исава было покончено: брат купил его у смертельно усталого и голодного брата за кусок хлеба и блюдо похлебки из чечевицы.

Но Иакову оставалось еще получить благословение от Исаака, — точнее, достигнуть того, чтобы ему было передано главенство в семье и наибольшая часть имущества. Библия подробно рассказывает о способе, каким дело получило окончательное решение.

«Когда Исаак состарился, и притупилось зрение глаз его, он призвал старшего сына своего Исава и сказал ему: сын мой. Тот сказал ему: вот я. Исаак сказал: вот, я состарился; не знаю дня смерти моей; возьми теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, пойди в поле и налови мне дичи, и приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели умру».

Мы видели, что Исаак любил Исаву, «потому что дичь его была по вкусу ему». И теперь Исаак говорит Исаву: приготовь мое любимое кушанье, и моя душа благословит тебя. Возвышенный пример для современных отцов!

Все это на беду Исаву слышала Ревекка и, рассказав об этом меньшему сыну своему Иакову, сказала ему: «теперь, сын мой, послушай слов моих в том, что я прикажу тебе. Пойди в стадо и возьми мне оттуда два козленка, молодых, хороших; и я приготовлю из них отцу твоему кушанье, какое он любит; а ты принесешь отцу твоему, он поест, чтобы благословить тебя перед смертью своею. Иаков сказал Ревекке: «Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкий: может статься, ощупает меня отец мой, и я буду в глазах его обманщиком и наведу на себя проклятие, а не благословение». Мать его сказала ему: «на мне пусть будет проклятие твое, сын мой; только послушайся слов моих и пойди, принеси мне».

И когда Иаков так сделал, «взяла Ревекка богатую одежду сына своего Исаву, бывшую у нее в доме, и одела в нее младшего сына своего Иакова, а руки его и гладкую шею его обложила кожею козлят».

Жена и сын подготовили слепому старику Исааку самое низкое надувательство! А ведь Иаков и Ревекка—патриархи, святые!

И вошел Иаков с приготовленным кушаньем к отцу своему «и сказал: отец мой! Тот сказал: кто ты сын мой?» (Следовательно, Иаков так изменил свой голос, что Исаак не узнал его). «Иаков сказал: я Исав, первенец твой: я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя». Подозрение закралось в душу Исаака. «И сказал Исаак сыну своему: что так скоро нашел, сын мой? Он сказал: потому что господь бог твой послал мне на встречу. И сказал Исаак Иакову: подойди ко мне, я ощупаю тебя, сын мой, ты ли сын мой Исав или нет? Иаков подошел к Исааку, отцу своему; он ощупал его и сказал: голос Иакова, а руки, руки Исавовы». И слепой старик «не узнал его, потому что руки его были, как руки Исаву, брата его, косматые». И все же он еще

раз постарался проверить подозрения «и сказал: ты ли сын мой Исав? Он ответил: я».

«Исаак сказал: подай мне, я поем дичи сына моего, чтобы благословила тебя душа моя. Иаков подал ему, и он ел; принес ему и вина, и он пил. Исаак, отец его, сказал ему: подойди ко мне, поцелуй меня, сын мой. Он подошел и поцеловал его. И ощутил Исаак запах от одежды его и благословил его и сказал: вот запах от сына моего, как запах от поля». Словом, Ревекка и Иаков блестяще преодолели все затруднения и обманули Исаака.

Дальше следует потрясающий по своей краткости и изобретательности рассказ о том, как все это раскрылось. Только-что Иаков, получив благословение, вышел от Исаака, пришел Исав с ловли своей и приготовил кушанье, и принес отцу своему, и сказал ему: «встань, отец мой, и поешь дичи сына своего, чтобы благословила меня душа твоя. Исаак же, отец его, сказал ему: кто ты? Он сказал: я сын твой, первенец твой, Исав. И вострепетал Исаак весьма великим трепетом и сказал: кто ж это, который достал мне дичи и принес мне, и я ел от всего, прежде нежели ты пришел, и я благословил его? Он будет благословен. Исав, выслушав слова отца своего Исаака, поднял громкий и весьма горький вопль и сказал отцу своему: отец мой! благослови и меня. Но он сказал ему: брат твой пришел с хитростью и взял благословение твое. И сказал Исав: не потому ли дано ему имя Иаков, что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот теперь взял благословение мое» (Бытие, гл. XXVII).

Но дело было уже непоправимо. И я помню, что, когда мы, ребяташки, спрашивали законоучителя, почему же его нельзя было исправить, мы получили ответ: из того, что действия Ревекки и Иакова были успешны, Исаак увидел, что такова была воля божия: чтобы благословение почilo на Иакове.

Значит, если мошенничество удалось, это значит, что сам бог стал на сторону мошенника и против одураченного!

И я теперь еще помню, какую бурю в моей детской душе вызвала вся эта история. Тот семейный уклад, в

котором я вырастал, вызывал во мне бунт против таких отношений.

Очевидно, я неспособен был уразуметь такой нравственности, которая брата превращает в вымогателя, торгаша и обманщика по отношению к брату и отцу.

IV

Учащиеся не должны были ограничиваться учебником закона божия: они должны были восполнить учебник библейским рассказом. В учебных книжках обычно были указания на те отделы так называемого «священного писания», по которым составлен тот или иной пересказ. А все учебники по ветхому и новому завету, — это именно пересказ библии.

Правда, в действительности «подчитывали» по библии очень немногие. Но во всяком случае библия до недавнего времени была основной книгой во всякой библиотеке, главной книгой в духовно-нравственном отделе. Считалось, что без нее немыслимо нравственное воспитание.

«Подчитывая» по библии, ученик находил в ней многое, о чем не упоминается даже в самых пространственных учебниках. Вот, например, история Авраама и Сары (переименованных, по заключении завета с богом, в Авраама и Сарру). Среди происшествий, излагаемых во всех учебниках, был такой рассказ:

«И поднялся Аврам и продолжал идти к югу. И был голод в той земле. И пошел Аврам в Египет, пожить там, потому что усилился голод в земле той. Когда же он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была моя душа через тебя. И было, когда пришел Аврам в Египет, египтяне увидели, что она женщина весьма красивая; увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята она была в дом фараонов. И Авраму хорошо было ради нее, и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки, и верблюды».

И кто же поверит, будто эти благодеяния посыпались на Аврама только потому, что фараону нравилось издалека любоваться красотой Сары? И только ли на это рассчитывал Аврам, когда он подучал Сару? Не считал же он египтян такими целомудренными чужаками?

Дальнейшее звучит как позднейшая вставка, сделанная в качестве уступки новым нравственным понятиям. «Но господь порашил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову. И призвал фараон Аврама и сказал: что ты это сделал со мною? для чего не сказал мне, что она жена твоя? для чего ты сказал: она сестра моя? И я взял было ее себе в жену» (но почему же, если он еще не успел ее взять, «тяжкие удары за Сару, жену Аврамову», и почему «Авраму хорошо было ради ее»?). «И теперь вот жена твоя; возьми ее и пойди. И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его и все, что у них было» (Бытие, гл. XII, ст. 9—20).

Как ни верти, а дело совсем ясное: патриарх Аврам торговал своей женой и очень удобно устраивался около нее. Хороший образец нравственности!

Или вот рассказ об исходе евреев из Египта. То место, о котором идет речь ниже, входило в пространные учебники и наряду с другими повествованиями давало материал для «нравственного воспитания».

На Египет уже обрушилось девять казней. Каждый раз, как разражается казнь, фараон соглашается отпустить евреев, но потом раздумывает и берет слово обратно. Подготавливается десятая, самая страшная казнь.

«Так сказал господь: в полночь я пройду посреди Египта, и умрет всякий первенец в земле Египетской от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца рабыни, которая при жерновах, и все первородное от скота». «У всех же сынов Израилевых ни на человека, ни на скот не пошевелит пес языком своим, дабы вы знали, какое различие делает господь между египтянами и израильтянами». «И будет вопль великий в земле Египетской, какого не бывало и какого не будет более».

И вот в этот-то момент народ израильский должен сделать то, что повелел ему господь через Моисея.

«И сказал господь Моисею: еще одну казнь наведу на фараона и на египтян; после того он отпустит вас отсюда; когда же он будет отпускать вас, с поспешностью будет гнать вас отсюда». На этой поспешности и основано следующее повеление: «внуши народу тайно, чтобы каждый у ближнего своего и каждая женщина у ближней своей выпросила серебряных и золотых вещей и одежд» (Исход гл. XI, ст. 1—7).

И когда разразилась десятая казнь «и сделался великий вопль по всей земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца», фараон и египтяне «понуждали народ, чтобы скорее выслать его из земли той». «И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у египтян вещей серебряных и вещей золотых, и одежд. Господь же дал милость народу своему в глазах египтян; и они давали ему, и обобрал он египтян», — с несравненным торжеством и величавым спокойствием заканчивается рассказ (Исход, гл. XII, ст. 29—36).

Воспользуйся великим горем у своего соседа и постарайся хорошенько ограбить его: вот такое высокое нравственное назидание дает сам бог.

V

В пространные учебники входил следующий рассказ о деятельности Иосифа в земле египетской. Иосиф, благодаря пророческому истолкованию вещей снов, сделался первым лицом после фараона. В течение семи тучных, т. е. урожайных, годов он подготовился к семи годам голода и наполнил хлебом житницы фараоновы. Быстро истощились у египтян все запасы, и начал Иосиф продавать хлеб из фараоновых житниц.

«И не было хлеба по всей земле, потому что голод весьма усилился, и изнурены были от голода земля Египетская и земля Ханаанская. Иосиф собрал все серебро, какое было на земле Египетской и в земле Ханаанской, за хлеб, который покупали, и внес Иосиф серебро в дом фараонов. И серебро истощилось в зем-

ле Египетской и в земле Ханаанской. Все египтяне пришли к Иосифу и говорили: дай нам хлеба; зачем нам умирать пред тобою, потому что серебро вышло у нас. Иосиф сказал: пригоняйте скот ваш, и я буду давать вам хлеб за скот ваш, если серебро вышло у вас. И пригоняли они к Иосифу скот свой, и давал им Иосиф хлеб за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов; и снабжал их хлебом в тот год за весь скот их. И прошел этот год; и пришли к нему на другой год и сказали ему: не скроем от господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего; ничего не осталось у нас перед господином нашим, кроме тел и земель наших; для чего нам погибать в глазах твоих, и нам и землям нашим? Купи нас и земли наши за хлеб, и мы с землями нашими будем рабами фараону, а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля. И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого» (Бытие, гл. XLII, ст. 13—21).

Ни один историк крепостного права не изображал с такой первобытной силой закабаления крестьян посредством ростовщических операций. И ни один художник не описывал с такой яркостью, как пользовались кулаки в старой деревне всякой голодовкой для ускоренного накопления и для полного подчинения себе односельчан.

Но и то сказать: длинную работу закабаления, которая обычно растягивается на десятилетия, «Бытие» втиснуло в семилетний промежуток времени. И ростовщиком был не какой-нибудь мелкий деревенский кулак, а египетский царь и его приказчик Иосиф.

«И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого».

Вся история Иосифа считается одной из самых трогательных, из самых «возвышенных» во всей библии. И все церковные учебники пересказывают ее с большою подробностью. Однако, если вчитаться в нее, и

другие происшествия стоят в ней на том же нравственном уровне, как только-что рассказанное.

Неужели в наше время можно смотреть на ветхий и новый завет, как на источник нравственного поучения?

Я взял первые попавшиеся примеры только потому, что большинство изложенных повествований входит в учебники «закона божия».

Но я без труда привел бы таких примеров в десятки раз больше.

Дикарская, торгашеская, эксплуататорская, но не человеческая нравственность.

3

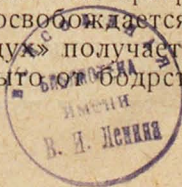
ВЕЩИЕ СНЫ

I

Для дикаря сновидения — такая же действительность, как и сама действительная жизнь. «Тело» лежит на месте и издает храп, а «душа» в это время попадает в страны, в которых дикарь не бывал, но которые, вне всякого сомнения для дикаря, существуют. При известной удаче и настойчивости в них можно попасть. «Тело» отдыхает после утомительной, неудачной охоты, а «дух» продолжает охоту.

Столкновения и ссоры, которые происходят во сне, обиды, причиняемые соседями, — действительные обиды и столкновения. Во всяком случае, надо с осторожностью относиться к тому человеку, который в сновидении оказался врагом. А если какой-нибудь зулусский царек увидит во сне, что раб или верноподданный злоумышляет на его жизнь, этого раба ожидают жестокие пытки, которые, конечно, подтвердят сновидения.

Здесь сновидения еще не перестают быть действительной жизнью. Но в то же время они превращаются в вещие сны. Во сне «душа» освобождается от оков «тела»; и как раз потому, что «дух» получает свободу, он видит многое такое, что скрыто от бодрствующего человека.

Медленно освобождалось человечество от таких дикарских воззрений. Царица Екатерина вторая лет полтора назад писала: одному человеку приснилось, что он убил царя. Великим варварством и дикостью было, что этого человека, когда он рассказал о сновидении, предали смерти.

И когда она писала, она прямо хвасталась своей просвещенностью и свободомыслием. Вот, мол, какая я умная. Если кому-нибудь приснится что-либо подобное, я еще не стану считать его преступником против моего величества.

Но и после того, как сновидения несколько отделились от действительной жизни, для невежественных людей они не утратили своего вещего значения для действительной жизни. Как мелкий случай действительной жизни, так и сны дают материал для г а д а н и я по приметам.

Рассыпать соль наяву за обедом — к ссоре. Если косою заяц перебежит дорогу, лучше вернуться домой: из задуманного дела ничего не выйдет, все пойдет вкривь и вкось, может случиться прямое несчастье. Пожалуй, еще хуже встретиться с попом. Увидав его, лучше разминоваться с ним, не встречаясь и не показываясь ему н. глаза. Так дело будет надежнее. Совсем плохо, если по ночам около дома воет собака: это, верно, к пожару или покойнику. Нехорошо, когда гудит поставленный самовар: не иначе, как к большому несчастью.

Основы таких сопоставлений иногда до прозрачности ясны. Простое созвучие сблизило, например, соль, сорить и ссору: «не выносить из избы сору» тоже означает: ссорьтесь между собой, но пусть другие не знают о ваших ссорах. В других случаях этих основ надо искать в далеком историческом прошлом; например, примета относительно встречи с попом возникла, может-быть, в те времена, когда с попом через Киев надвигалась «цивилизация», подчинявшая независимые до того времени славянские роды, а потом закабалившая земледельцев монастырям и боярам. Чаще же всего внимание просто останавливается на резких отклонениях от обычного и привычного.

Так же истолковываются и сновидения. Если во сне с большой легкостью поднимаешься в гору, значит в ближайшее время надо ждать удачи: человек пойдет кверху, разбогатеет. А если поднимаешься на гору и вдруг оборвешься, — верно, ждет разоренье. Увидеть рыбу во сне — к болезни, медные деньги — к печали, серебряные — к слезам, бумажные — к богатству. Если до обеда не исполнится то, что предвещал сон в праздник, он вообще пустой сон, не имеющий вещего значения.

Для Пульхерии Ивановны Товстогубихи («Старосветские помещики» Гоголя) приметы и сны имели огромную важность. Плотно покушав, она видала такие сны, от которых потом целый день ходила сама не своя. Действительных происшествий в ее жизни не было. Но приметы и сны подавляли ее не меньше, чем самые потрясающие действительные события.

Существенное содержание жизни купчих в драмах Островского дают сны и отгадывание их вещего смысла. Одна из главных специальностей приживалок и странниц — истолкование снов.

Утро купчихи проходит в длинных и подробных рассказах об удивительных и знаменательных снах, виденных ночью; послеобеденный сон дает для таких же рассказов новый материал. И чем обстоятельнее рассказываются сновидения, чем больше разговоров о них, чем сильнее порождаемые ими волнения и тревоги, тем ярче, знаменательнее становятся сны, тем сильнее переплетаются они с действительной жизнью. Доходит до того, что наяву человек живет сном и только во сне живет действительной жизнью.

У русских цариц, да отчасти и у царей, даже в восемнадцатом веке существовали большие штаты нянек, мамок, странниц, монахинь, блаженных и приживалок, которые недурно кормились, потому-то и чужой сон в их изложении и истолковании приобретал глубокий и захватывающий интерес. И даже Екатерина, которая отказывалась казнить за цареубийство, совершенное в сновидении, при всем своем вольнодумстве целые часы проводила с Настасьей Саввишной Перексихиной в разговорах о снах.

И нас, и наших детей, и православных, и католиков, и протестантов, и евреев, и всех детей во всем цивилизованном мире заставляли заучивать почти наизусть историю Иосифа, сына патриарха Иакова.

Начало этой истории в Бытии, священной книге, внушенной, по уверениям священников, самим «духом святым», излагается так (гл. XXXVII):

«Израиль (т. е. Иаков) любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, и сделал ему разноцветную одежду». Но, как и следовало ожидать, воспитательные приемы, применявшиеся святым человеком, привели к великому разладу в семье. «И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его, и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно» (ст. 3, 4).

Заучивая эту историю, все дети должны были понимать ее таким образом, что великого осуждения заслуживают не воспитательные приемы патриарха Иакова, который отличил «любимчика» красивым костюмом, а зависть, зародившаяся в остальных детях к «любимчику». И все дети по священным книгам должны были научиться, как надлежит воспитывать своих детей в будущем.

А дальше в Бытии идет одна из тех историй, с которыми мы познакомились в предыдущей главе:

«И видел Иосиф сон и рассказал его братьям своим: и они возненавидели его еще более. Он сказал им: выслушайте сон, который я видел: вот мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал прямо; и вот ваши снопы стали кругом и поклонялись моему снопу» (5—7). Братья Иосифа сразу увидели, что сон имеет вещее значение. «И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? Неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его» (ст. 8).

Воспитательные приемы Иакова приносили свои результаты. Отличенный отцом больше остальных сыновей, «любимчик» все более возвышался в собственных глазах. «И видел он еще другой сон и рассказал его отцу своему и братьям своим, говоря: вот я видел

еще сон: вот, солнце, луна и одиннадцать звезд поклоняются мне. И он рассказал отцу своему и братьям своим. И побранил его отец и сказал ему: что это за сон, который ты видел? Неужели я и твоя мать и твои братья придем поклониться тебе до земли?» (ст. 9—10).

И для его братьев и для отца Иосифа нет никаких сомнений на тот счет, что сон предвещает действительное будущее их и Иосифа. И мы сами, и наши дети, и дети всего цивилизованного человечества по священной истории должны были учиться, как воспитывать своих детей, как следует относиться к снам и их истолковывать.

И все мы учили, какие примерные отношения были созданы в семье святого человека, патриарха Иакова, его воспитательными приемами и его отношением к снам.

Однажды братья Иосифа далеко угнали стада, и Иаков послал Иосифа их проведать. «И увидели они его издали, и прежде, нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его. И сказали: вот идет сновидец; пойдем теперь и убьем его и бросим в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов» (ст. 18—19).

Очевидно, это — единственный способ обойти судьбу, предсказанную снами Иосифа. И дети должны были рассказывать это таким образом, как будто они проникаются страхами и опасениями братьев Иосифа. И должны были рассказывать таким образом, как будто вся вина падает на несчастных братьев Иосифа, а не на воспитательные приемы их отца, которые верным путем вели к развитию глупого страха перед снами и зависти.

Благодаря заступничеству Рувима, старшего сына Иакова, Иосифа не убили, а бросили в ров; а чтобы обмануть Иакова, сняли знаменитую разноцветную одежду Иосифа, вымазали ее кровью козла и сказали Иакову, что его сына-любимца съел хищный зверь.

Дети пошли по родителю. Как Иаков обманом получил благословение от Исаака, так и дети Иакова рассчитывали, разделившись с братом, получить от Иакова те блага, которые иначе достались бы Иосифу.

Трогательные, возвышающие и поучительные примеры дает нам библия!

Дальше библия повествует, как братья вытащили Иосифа из рва и продали его торговому каравану измаильтян, а те, прибыв в Египет, перепродали его Потифару, царедворцу фараонову, начальнику телохранителей.

И это как-раз повело к тому, что Иосиф возвысился и исполнились его вещие сны.

Вот и попробуйте после этого насмешливо отнестись к снам и толкователям снов. Это значило бы, что вы идете против священного писания. Вот что называют попы великой воспитательной силой священного писания и закона божия!

III

В доме Потифара Иосиф впервые обнаружил свои огромные способности ловкого управляющего и скоро сделался хозяином в этом доме. Но история с женой Потифара, которая соблазнилась Иосифом прекрасным, разом положила конец блестящей карьере раба. Иосиф попал на два года в тюрьму. Но и в тюрьме, благодаря своим особым способностям, Иосиф скоро выдвинулся и сделался не столько заключенным, сколько начальником тюрьмы. Во всяких положениях он умел ловко и быстро устроиваться.

Свободу принесло ему истолкование снов. На основании снов фараоновых хлебодара и виночерпия, заключенных в тюрьму, он предсказал, что через три дня первый будет повешен, а со второго будет снята опала. Как человек практичный, Иосиф попросил виночерпия, чтобы тот замолвил за него слово самому фараону (Бытие, гл. XXXIX и XL).

Дальше следует знаменитый рассказ о вещем сне фараона: о семи тучных коровах, пожранных семью тощими, которые от этого нисколько не пополнили, и о семи тучных и семи тощих колосьях. И все мудрецы египетские, и все волхвы Египта, — говорит библия, — не могли истолковать этих снов, и только Иосиф, о котором вспомнил виночерпий, истолковал их.

И, как человек, который из истолкований сделал себе ремесло и средства для возвышения, Иосиф начал с возвеличения своей профессии. «И сказал Иосиф фараону: сон фараонов один: что бог сделает, то он возвестил фараону». Значит, истолкованием снов раскрывается, что бог пошлет людям.

И рассказал Иосиф, что семь тучных коров и семь тучных колосьев означают семь годов необыкновенного урожая, в которые необходимо сделать запасы на семь следующих лет великого голода. «И ныне да усмотрит фараон мужа разумного и мудрого и да поставит его над землею египетскою».

Большим легковерием отличаются дикари и варвары. Мучительным потом обливаются купчихи Островского, когда в течение одной ночи они видят полдюжины снов, один страшнее другого. Почетное место при дворах восточных царей и на купеческих кухнях занимали истолкователи снов. И тем не менее дальнейший рассказ о внезапном возвышении Иосифа нельзя назвать иначе, как только нескладной и несуразной выдумкой.

Иосиф в Египте — раб-иноплеменник, правда, выслужившийся своей ловкостью сначала при одном царедворце, а потом при начальнике тюрьмы. Фараон обливался холодным потом от своих снов. Допустим, что это так было. Но правдоподобно ли, что среди «всех волхвов Египта и всех мудрецов его не было никого, кто бы истолковал сон фараону»? Думать это — значит быть слишком низкого мнения об изворотливости представителей этих почтенных профессий. Они могли бы дать первое пришедшее в голову истолкование, в котором упоминалось бы семь недель, семь месяцев, семь годов, или семь фараоновых жен, или семь фараоновых чиновников, или семь высоких сановников: сначала добрых, а потом злых. Своим истолкованием они легко могли бы подставить ногу своим личным врагам, отправить их в тюрьму, на пытки, на казнь. Или же могли бы измыслить занятную сказку более невинного содержания, и все обошлось бы совсем гладко: прошло бы несколько дней, фараон увидал бы еще несколько страшных снов и забыл бы о предыдущих.

Но в рассказе об Иосифе все это выходит по-другому. Египетские мудрецы столь простоваты, что отказались от истолкования, а изворотливый Иосиф объявил себя провозвестником воли божией, и все ему разом поверили. «И сказал фараон Иосифу: так как бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты; ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя. И сказал фараон Иосифу: вот я поставлю тебя над всею землею Египетскою. И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифу; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему; велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать перед ним: преклоняйтесь! И поставил его над всею землею Египетскою. И сказал фараон Иосифу: я—фараон; без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей во всей земле Египетской» и т. д. (гл. XLI, ст. 39 — 44).

Вот как легко и просто было сделать головокружительную карьеру при дворе фараона!

И Иосиф, рассказывается дальше, оправдал высокое доверие своего господина. При помощи беспощадных ростовщических операций он отобрал у всех египтян, кроме жрецов, все серебро и весь скот их, и все земли их, «и народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого».

И эту нескладицу заставляли заучивать детей! И заставляли умиляться перед ловкостью раба, который, превратившись из любимчика своего отца в любимчика фараона, сделал всех египтян рабами.

Едва ли стоит говорить, что в действительной истории никогда ничего подобного не было. В действительной истории евреи часто попадали под суровое иго Египта. И, страдая великими муками, страдалец-народ, народ-раб находил утешение в сказках о том, как бы не евреи превратились в рабов египтян, а, напротив, один из евреев будто бы превратился почти в фараона.

IV

В рассказе об Иосифе «вещие сны» имеют большое значение: весь рассказ построен на «вещих снах». Но и в других «книгах», составляющих библию, сновидения играют большую роль. И один из рассказов, основанных на сновидениях, заучивали все христианские дети. Этот рассказ вставлен в повествование о рождении Иисуса.

Когда Иисус родился в Вифлееме, пришли в Иерусалим волхвы с востока «и говорят: где родившийся царь иудейский? Ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему» (евангелие от Матфея, гл. II, ст. 1 — 2).

Волхвы с востока — это волхвы из Месопотамии, из «Халдеи». Дети цивилизованного человечества должны заучивать еще одну несуразицу: по звездам можно угадывать, что делается в человеческой жизни. А с христианской точки зрения несуразица еще больше. Волхвы — язычники. Царь иудейский для них — земной царь. И вот, вычитав по звездам, они бредут за тридевять земель, чтобы поклониться ребенку, который будет царем Иудеи.

Дальше следует серьезный рассказ о том, как царь Ирод, услышав об этом, встревожился, созвал всех первосвященников и книжников, выведал у них, в каком городе, согласно пророкам, должен родиться Иисус, потом разузнал от волхов, когда именно появилась знаменательная звезда, т. е. когда родился Иисус, и т. д. Все это и многое другое с серьезным видом рассказывали, а в капиталистических странах рассказывается и теперь, детям и юношам, даже таким, у которых уже есть некоторые знания об астрономии.

Волхвы разыскивали Иисуса по звезде, которая вела их и остановилась над местом, где был новорожденный. Конечно, так точно «указать» дом или пещеру мог бы только бродячий огонек, несущийся низко над землей, но отнюдь не звезда: в то время, когда она казалась бы прямо над одним местом в Вифлееме, она была бы прямо над головой и над всеми остальными домами и в Иерусалиме и в других городах маленькой Палестины. Значит, это была не звезда, а какой-

то бродячий огонек, двигавшийся низко над землей: он вел язычников-волхвов к Иисусу многие недели и многие сотни километров, и почему-то никто другой не заметил этого удивительного огонька!

Поклонившись Иисусу, — рассказывает далее библия, — получивши во сне откровение не возвращаться к Ироду, (волхвы) отошли в страну свою. Когда же они отошли, се, ангел господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми младенца и мать его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе: ибо Ирод хочет искать младенца, чтобы погубить его» (ев. от Матфея, гл. II, ст. 12 — 13). «Тогда (т. е. тщетно прождав возвращения волхвов) Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его от двух лет и ниже, по времени, которое он выведал от волхвов» (ст. 16).

Исторический Ирод был жестокий человек. Но он был и очень умный человек. Пусть в данную эпоху римляне и люди римской культуры с великим почтением относились к «тайным наукам» Востока. Все же ни один из них не способен был на такую колоссальную глупость, как избиение всех младенцев до двухлетнего возраста единственно на следующих основаниях: 1) какой-то пророк, неведомый и чуждый всему миросозерцанию и верованиям Ирода, написал слова, которые были истолкованы первосвященниками и книжниками иудейскими в том смысле, что некогда в Вифлееме родится Христос, и 2) какие-то пришедшие с востока волхвы заявили, что по вновь появившейся на востоке звезде они узнали о рождении будущего царя Иудейского. И какого бы мнения мы ни были о Риме, он во всяком случае не допустил бы ни одного из своих правителей до такой сумасшедшей и кровавой нелепости. И, разумеется, ее никогда не было, и потому о ней не упоминает ни один исторический документ.

В той же главе второй «евангелия от Матфея» «вещий сон» еще два раза руководит действиями людей. «По смерти же Ирода, се, ангел господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву,

ибо умерли искавшие души младенца. Он встал, взял младенца и мать его и пришел в землю Израилеву... но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские и, пришед, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророков, что он Назареем наречется» (ст. 19 — 23). Все это опять понадобилось только затем, чтобы подогнать историю Иисуса под разные места из старых пророков, получившие, как в данном случае (см. Книга судей израилевых, гл. XIII, ст. 5), самое вольное и неожиданное истолкование.

По евангелию от Матфея, единственно на вещем сне основано и то убеждение, что Мария зачала от духа святого. «По обручении матери его (Иисуса) Марии с Иосифом, прежде, нежели сочетались они, оказалось, что она имеет во чреве от духа святого. Иосиф же, муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее». Другими словами: не желая поднимать шуму, но и не желая жить с нею после того, как открылась ее добрачная беременность, он хотел предложить ей уйти от него. Согласно Второзаконию (гл. XXII, ст. 11 — 12), Мария за свой проступок подлежала побиению камнями. Так свирепо навязывался «законный брак» девушке, между тем как патриархи, не довольствуясь несколькими женами, жили еще с рабынями. «Но, — продолжает евангелие, — когда он (Иосиф) помыслил это, се, ангел господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от духа святого» и т. д. «Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему ангел господень, и принял жену свою» (глава I, ст. 18 — 20, 24).

По всем евангелиям этот сон — единственное для Иосифа свидетельство о божественном происхождении сына его жены. И это для него — вполне достаточное свидетельство. Да, точно, ребенок добрачный и внебрачный, но он не от мужчины а от духа святого. Найдется ли в настоящее время хотя один благочестивый муж, которого так легко было бы убедить в святости и непорочности зачавшей не от него жены.

Астрология, волхвы, выискивание в снах вещего значения, сонные видения, — как все это чуждо совре-

менному человечеству, в каких затхлых, не проветриваемых углах сохраняется все это в настоящее время.

Но в «цивилизованном» капиталистическом обществе дети должны все это зазубривать и рассказывать с благоговейными и умиленными лицами.

4

КОЛДОВСТВО И ЗАКЛИНАНИЯ

I

В детстве я слышал бесчисленное множество рассказов о колдунах. По всем рассказам, это — очень злые и мстительные люди. Их не надо сердить, с ними надо жить в мире, иначе они устроят великую гадость.

Не пригласят колдуна на свадьбу или пригласят, да обойдутся с ним без особенного почета или даже обидят по пьяному делу, — жди несчастья! Все сначала идет хорошо. Но вот, когда едут из церкви, лошади вдруг задурят и, хоть что с ними ни делай, упрутся и не пойдут в ворота, а то понесут и выбросят молодых из телеги. А бывает и так: колдун потихоньку поглядит по-особенному на молодую да шепнет «слово» и «испортит» ее на всю жизнь. Так и останется «порченой»; с первых же дней замужества будет хиреть, начнутся обмороки, пожалуй станет даже кликушей.

Без попа нельзя сыграть свадьбы, но и колдуна обходить не следует. И обоих надо посадить на почетное место. И поп не отрицает, что в колдуне есть особая сила. Только сила эта «от дьявола», между тем как у попа — сила «от бога». Надо ублажать обоих, и колдуна даже больше, чем попа; не то колдун надевает такого, что никакой поп не сумеет этого разделить: сглазит детей, наведет хворь на скот, отнимет у коров молоко, насадит килу, населит дом нечистой силой.

Особенно трудным становится положение, когда объявится два колдуна и оба они в ссоре. Ухаживаешь за одним — в обиде другой. Один не вредит и

даже помогает, а другой портит все, что ни сделает первый. Трудно здесь изворачиваться.

Поп, когда позовут, охотно приходит на помощь с молебном, крестом и со святой водой и старается изгонять нечисть, наведенную колдуном, да это не всегда помогает. А когда попытаются поговорить с попом об этих вещах, он отзывается о колдуне очень сдержанно. Оно точно, мол, много у нас темноты и суеверий. Но есть такие злые люди, которые отступили от бога, служат дьяволу и умеют посылать напасти. И в священном писании и в житиях святых много рассказывается о таких людях. В общем все это за грехи наши. Надо чаще ходить в церковь. А вот прошлый раз, когда причт собирал новину, яиц-то не дали, да и хлеб ввернули прошлогодний, который начал сгораться. Нехорошо так. Надо прилежать к духовенству. Помогает, если чаще читать: «Да воскреснет бог и расточатся врази его».

Редкий поп идет напрямки и говорит так, чтобы подорвать веру в ремесло колдуна: это подорвало бы веру в его собственное ремесло. Он не отрицает силы колдовских заклинаний, потому что это уничтожило бы веру и в его собственные заклинания.

Когда мне было 11—12 лет, я убедился, что у моей бабушки было такое же двойственное отношение к колдовству и колдунам. На словах она давала самые трезвые объяснения колдовских действий. Лошади, например, шарахаются от ворот потому, что колдун украдкой закопал здесь волчий хвост и лошади чуют запах волка.

А на деле она побаивалась колдовства. Как-то к нам в дом забрался бродячий монах и нахально требовал подаяния. Бабушка не любила таких монахов и решительно отказала. А тот требовал все настойчивее. Тогда вмешался я и сказал ему, чтобы он убирался. Он, обозленный, едва выйдя в сени, схватил там санки и с угрожающим видом положил их поперек порога: «На-ко, мол, попробуй-ка теперь, выйди». Я не стерпел такого вызова: разбежался, одним прыжком перемахнул через санки, торжествующе поднял их и с видом великого победителя стал издеваться над

монахом, который, видимо, не ожидал от меня такой прыти.

Но что было с бабушкой! Она испуганно крестилась и тревожно кричала: «Сиди ты на месте, озорник! Не делай этого! Кто его знает, кто он такой».

Я не даром помню об этом случае. Для читателей он — мелкий, для меня — большой, решающий. С этого времени я быстро превращаюсь в «вольнодумца» не только на словах, но и на деле. С этого времени я, действительно, перестал бояться всякого колдовства и ворожбы и не только внешне, но и внутренне справился с ними. И даже бывали случаи, что, когда колдун пытался запугать меня, я быстро изобретал собственные заклинания и к своему удовольствию убеждался, что не мало смушал и тревожил этим приемом профессионального колдуна.

II

Года через три мне пришлось читать сказания о взятии Казани у татар, о событии, которое произошло почти за полтысячи лет до нашего времени. Эти сказания отчасти использованы Карамзиным в рассказе, который до революции перепечатывался почти во всех хрестоматиях.

Сражения велись с обеих сторон копьями, дротиками, саблями, но отчасти уже и огнестрельным оружием: пищалями и пушками. Но не только так велись сражения, а и совершенно другим способом: при помощи заклинаний.

С русской стороны служились постоянные утрени, обедни, молебны, устраивались крестные ходы, с разных сторон тогдашней России прибывали «чудотворные» иконы. Но и магометане-татары не оставались беззащитными. Иногда на стенах осажденного города появлялись татарские колдуны в развевающихся одеждах, пели, кричали, размахивали руками и одежками и насылали на русский стан тучи, бури и снег.

Сказания возникали и во всяком случае записывались и передавались в монастырях. И видно, что христианские авторы и переписчики сказаний верили в силу татарских колдунов, шаманов и заклинателей:

верили, что, размахивая руками и одеждами, кривляясь и поднимая крик, колдуны вызывали бурю и снег.

Я не знаю, сохранились ли татарские сказания о взятии Казани. Но думаю, что, если бы они сохранились, русское православное духовенство оказалось бы в них в совершенно таком же колдовском виде. И говорилось бы в этих сказаниях, как русские колдуны, надев на себя широкие раззолоченные одежды, взяв в руки идолов, — известно, что христиане для магометан идолопоклонники, так как они чтят доски с нарисованными на них богами, — ходили вокруг стен Казани, и вздымали руки кверху, и читали заклинания, и пели, и брызгали водой, и от этого поднимался ветер, и шел град и дождь, и бил в лицо осажденных.

Битвы под Казанью были не только столкновениями русских и татарских войск, но также и сражениями русских и татарских жрецов. И обе стороны верили, что враг сражается не только таким ясным и простым оружием, как сабля, копье, лук и стрела или пицаль, но и при помощи таинственных сил, заклинаниями призываемых на помощь.

Борьба между жрецами разных религий вообще ведется особенным способом. Жрецы одной религии не отрицают существования богов другой религии: но только эти боги или не такие сильные или же боги преисподней — диаволы. И не отрицают они, что заклинания жрецов враждебной религии при известных обстоятельствах оказывают свое действие; но только власть их над стихиями ниже, и власть эта — «не от богов, а от диаволов».

Значит, борьба между жрецами разных религий ведется таким способом, что она не расшатывает общих основ существования жреческой профессии, жреческого ремесла, не уничтожает того мирозерцания, из которого исходит деятельность жрецов всех религий, а скорее укрепляет его.

Жрецы не говорят: вино бесполезно, не надо затрачивать на него средства. Жрецы говорят: то вино нехорошее, — покупайте хорошее вино, и такое вы найдете только у нас.

Они не хотят уничтожить винокурение. Они только хотят быть монопольными, единственными винокурами.

III

Великим уважением к «мудрости» халдейских (вавилонских) и египетских жрецов проникнута библия. Наивысшая похвала для Соломона такова: «и Соломон имел разум выше разума всех сынов востока и всех мудрых египтян» (Третья книга царств, гл. II, ст. 35).

В «Исходе» рассказываются изумительные вещи о чудодейственной силе этих мудрых египтян.

Господь повелел Моисею и Аарону, чтобы они потребовали от фараона отпустить израильтян из земли египетской. В доказательство того, что они вправе требовать этого, бог дал ему силу творить знамения и наводить всякие несчастья на Египет (десять казней египетских).

«Моисей и Аарон пришли к фараону и к рабам его и сделали так, как повелел им господь. И бросил Аарон жезл свой перед фараоном и перед рабами его, и он сделался змеем» (гл. VII, ст. 10).

Но это знамение оказалось слишком слабым для египтян, — собственно вовсе не знамением; всякий египетский кудесник мог сделать то же самое. «И призвал фараон мудрецов египетских и чародеев; и эти волхвы египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями». Однако бог Аарона оказался сильнее: «но жезл Ааронов поглотил их жезлы» (ст. 11, 12).

В современных цирках «профессора белой и черной магии» показывают подобные фокусы. Наука этим не занимается и никогда не будет заниматься. Не ее дело дурачить простаков!

Дальше следует новое знамение-казнь. Господь снова посылает Моисея и Аарона к фараону и повелевает сказать ему: «так говорит господь: из сего узнаешь, что я господь: вот этим жезлом, который в руке моей, я ударю по воде, которая в реке, и она превратится в кровь, и рыба в реке умрет, и река воссмердит, и египтянам омерзительно будет пить воду из реки» (ст. 17, 18).

И сделали так Моисей и Аарон, «и вся вода в реке превратилась в кровь», и рыба в реке вымерла, и

река воссмердила, и египтяне не могли пить из реки; и была кровь по всей земле Египетской (ст. 20, 21).

Но следом за тем говорится: «волхвы египетские чарами своими сделали то же» (ст. 22). Не совсем понятно, как они могли сделать это, раз и без того уже «была кровь по всей земле Египетской», «рыба в реке вымерла» и т. д. Но велико же было уважение авторов библии к мудрости египетской, раз они считают, что и волхвы своими чарами способны были достигнуть таких изумительных результатов: ударить палкой по воде в одном месте и разом превратить таким простым способом всю воду в кровь.

Новая казнь еще жесточе, чем предыдущая. «И сказал господь Моисею: пойди к фараону и скажи ему: так говорит господь: отпусти народ мой, чтобы он совершил мне служение; если же ты не согласишься отпустить их, то вот, я поражу всю область твою жабами; и вскипит река жабами, и они выйдут и войдут в дом твой, и в спальню твою, и на постель твою, и в дома рабов твоих и народа твоего, и в печи твои, и в квашни твои, и на тебя, и на народ твой, и на всех рабов твоих взойдут жабы» (гл. VIII, ст. 1—4).

Так и было сделано. «Аарон простер руку свою на воды египетские и вывел жаб; и вышли жабы и покрыли землю Египетскую» (ст. 6).

Но велика была мудрость сынов египетских: «то же сделали и волхвы египетские чарами своими и вывели жаб на землю Египетскую» (ст. 7). Таким образом количество жаб, надо полагать, удвоилось, соответственно возросли и страдания египтян. Но что же тут было поделывать, когда разгорелась борьба между жрецами двух религий!

До сих пор египетские волхвы не сдавались. Но уже с дальнейшей казнью обнаружилось бессилие их чар перед заклинаниями Моисея и Аарона.

«И сказал господь Моисею: «скажи Аарону: прости рукой жезл твой и ударь в персть земную, и будут мошки на людях и на скоте, и на фараоне, и в доме его, и на рабах его, вся персть делается мошками по всей земле Египетской».

Так они сделали, «и вся персть земная сделалась мошками по всей земле Египетской». Должно быть,

писавшие «Исход» верили, как современные деревенские старухи, что блохи и мошки рождаются «из земли», каждая песчинка может превратиться в блоху или мошку.

«Старались также и волхвы чарами своими произвести мошек, но не могли» (ст. 16—18). «И сказали волхвы фараону: это перст божий» (ст. 19),—значит открыто признали, что их конкуренты сильнее, что израильский бог сильнее их богов. Но почему же тогда и они сами и фараон, и все египтяне прямо не перешли в иудейскую веру?

Когда на Египет заклинаниями Аарона и Моисея обрушились две следующие казни: песьи мухи и моровая язва на скот, фараон уже не обращался к волхвам, — вероятно, боялся удвоить страдания земли египетской. Но при новой казни опять выступили волхвы. «И сказал господь Моисею и Аарону: возьмите по полной горсти пепла из печи, и пусть бросит его Моисей к небу в глазах фараона и рабов его, и поднимется пыль по всей земле египетской, и будет на людях и на скоте воспаление с нарывами по всей земле Египетской. Они взяли пепла из печи и предстали пред лицо фараона. Моисей бросил его к небу», и все произошло, как было сказано (ст. 8—10).

Когда я читаю и перечитываю эту историю, мне всегда вспоминается моя история с бродячим монахом и санками. И мне каждый раз становится досадно, что не я был тогда фараоном. И, как это ни нелепо, мне до сих пор кажется, что вся история с полными горстями пепла из печи, который осмелились бы бросить в глаза моего фараонского величества какие-то два пришельца, приняла бы совсем другой оборот. Не поздоровилось бы им от такой дерзости!

На этот раз фараон опять вызвал волхвов на состязание. «И не могли волхвы устоять перед Моисеем по причине воспаления, потому что воспаление было на волхвах и на всех египтянах» (ст. 11). Составители рассказа, видимо, убеждены, что, если бы не эта причина, египетские жрецы на этот раз не сплеховали бы перед Моисеем. Ему просто удалось упредить их. Иначе они навели бы «воспаление» на Моисея, а не Моисей на них...

Но с этого времени фараон, очевидно, окончательно махнул рукой на волхвов и больше не вызывал их на конкурс.

Замечательно отношение библии к волхованиям. Авторы ее связаны с волхвами одинаковым мирозерцанием и одинаковостью общих профессиональных интересов. Они не хотят окончательно подорвать дело чар, колдовства и заклинаний, — они признают великую силу за египетскими чародеями. Они только слегка опирачивают их силу: велика она, но сила наших заклинаний еще выше, — вот что говорят они.

Неужели же человечество и дальше должно в страхе останавливаться перед санками, которыми монах перегораживает широкий и прямой путь к развитию? Пора через них перепрыгнуть.

5

ПРОКЛЯТИЕ

Маркс писал, что церковь скорее простит отрицание девяти десятых своих вероучений, чем нападение на одну десятую своих доходов.

Этого она никогда не простит.

Издревле жрецы всех церквей пресмыкались перед князьями мира сего и составляли вместе с ними единое воинство. Издревле они помогали эксплуататорскому меньшинству удерживать в подчинении эксплуатируемое большинство населения, издревле они были жандармами в рясах и находились в тесном союзе с жандармами в синих мундирах.

Тюрьмы, виселицы, распятия и расстрелы светских жандармов калечили и убивали тело угнетенных, восстанавливая на власть угнетателей. «Духовное оружие» духовных жандармов калечило и убивало на всю жизнь душу эксплуатируемых, делая внешнее, вынужденное подчинение эксплуататорам внутренним, добровольным.

Издревле русская церковь становилась на ту сторону, где была сила, если только эта сила делилась с нею доходами от угнетения. Московская церковь пер-

вая сделалась приказчиком татарского хана. Помогая ему выколачивать дани с христианского населения, поминая его в своих ектениях и молитвах, она выговаривала для себя разные привилегии, которые позволяли ей оставлять у себя крупную долю награбленного. Нет власти, которая не была бы от бога, и властью от христианского бога была также власть магометанина-хана, пока она давала богатеть тем жрецам, которые называли себя христианскими.

В крепостные времена церковь была помещиком, при капитализме сделалась капиталистическим промышленником, и всегда она оставалась торговцем. Те торговцы, которых, по рассказам евангелия, Христос плетью выгнал из иерусалимского храма, были бы охвачены завистью, если бы они увидали, в какие несравненные торговые предприятия превратились те храмы, которые называют себя христианскими храмами. Они пришли бы в великое изумление перед той изобретательностью, с какою жрецы христианства создали множество торговых товаров.

Засухи и потопы, голод и мор, пожары и войны, победы и поражения, убийства и грабежи, — все они умеют обращать на пользу себе. Благодарственное молебствие за удачу и урожай, моление о прекращении засухи или заразы, панихиды по скончавшимся и убитым, то, что они называют телом и кровью своего бога, — все они превратили в товар, в источник дохода.

Став между верующими и своим богом, они только за деньги допускают верующих до бога и только за деньги открывают для душ умерших врата в его небесное царство. Они не знают прогрессивно-подходящих налогов: со всякого они дерут все, что только можно содрать, и чем беднее бедняк, чем больше несчастий обрушивается на него, чем сильнее давит его нищета, тем искуснее они заставляют его отдавать им все, что еще у него остается.

Самую смертную казнь они превратили в источник дохода. Перед казнью поп с крестом появлялся в камере осужденного, и за то, что он это проделывал, он, как чиновник, получал жалованье двадцатого числа каждого месяца.

Они умели молчать. Они молчали, когда развратник, пьяница, полусумасшедший сифилитик царь Иван Грозный в своей бешеной борьбе, — классовой борьбе того времени, — проливал реки крови, разрушал города, избивал тысячи не только мужчин и взрослых, но и женщин и даже детей. Они молчали, когда он безумствовал в храмах и превращал богослужение в дикий шутовской балаган. А когда он задушил их главу, митрополита Филиппа, который стал против него и дворянства на боярскую сторону, они смиренно и раболепно молчали и скоро даже из этого убийства сумели извлечь капитал. Они объявили Филиппа святым, они открыли его мощи, и золото новой рекой потекло к ним от верующих.

Из самых неистовств Ивана они извлекали для себя выгоду. Они говорили, что их бог послал на трон сумасшедшего, пьяницу, развратника и безумного сифилитика. Они говорили, что это — божья кара за грехи замученного и задавленного народа, за то, что он еще мало подчинился этой дьявольской власти и мало чтит ее пособницу — церковь. И чем больше царь Иван мучил, пытал и проливал крови, тем больше земель и вкладов поступало в церкви и монастыри, тем больше от последнего своего достояния приносило крестьянство.

А когда умер этот величайший преступник, пьяница и развратник, убивший главу московских попов, эти попы положили его труп в своем главном храме и служили по нем многие тысячи панихид. Они похоронили его в близком соседстве с митрополитом Филиппом, задушенным по его приказанию. Они с одинаковым безразличием и с одинаковым благочестием извлекали доходы из праха убитого их царем Иваном Филиппа и из праха Ивана, убийцы их митрополита Филиппа. И многие десятки и сотни тысяч служб творили они об Иване, умоляли бога допустить его в тот самый рай, где, по их уверениям, уже находился убитый им Филипп. Нападая на отдельных попов, царь Иван, как и все цари, не только не затрагивал, но и постоянно умножал их доходы, и поэтому они много и долго молились о нем.

Попы умели не только молчать. Именем своего бога они благословляли власть помещиков, которые обменивали крепостных на собак, запарывали крестьян, насиловали крепостных женщин, заставляли их выкармливать щенков своей грудью. Для попов помещичья власть была властью не от дьявола, а от их бога, ибо эта власть умножала доходы церкви и монастырей. К тому же и сами они были помещики, владевшие сотнями тысяч крепостного крестьянства.

Молчали они при гнусных еврейских погромах или сами устраивали погромы, в которых гибли десятки и сотни еврейских мужчин, женщин и детей. Этими погромами оборонялась та власть, которая делилась с ними награбленными доходами. Эти погромы отдаляли то время, когда народ и от жрецов потребует возвращения награбленных ими земель и прочего достояния. Они упорно молчали, хотя сами учили, что мать их бога — еврейка.

Они знали, что царь Александр I участвовал в заговоре против царя Павла, своего отца, и во всяком случае не принял против заговора никаких мер, хотя ему было известно, что такие заговоры всегда приводят к убийству. Когда он воцарился после убийства отца, он возвел кое-кого из убийц на самые высшие должности и всех заговорщиков оставил безнаказанными. И этого царя-отцеубийцу церковь назвала «благословенным», «божьим помазанником». Жрецы всегда были царскими холопами, если цари оставляли и приумножали их доходы.

Пореволюционный первосвященник русских попов, который называется Тихоном, выступил (в январе 1918 г.) будто бы на защиту «благодатных таинств, освящающих рождение на свет человека или благословляющих супружеский союз семьи христианской».

Помолчали бы о «таинствах» лицемеры, фарисеи и торгаши! Они давно превратили их в товар, продали их и сейчас еще пытаются торговать этой завалью.

Молчал бы о таинствах патриарх Тихон, который лицемерно называл себя «смирненным»! Не смирение, а жадность и алчная злоба водила его пером, когда он нападал на рабочих и крестьян, использовавших для

обездоленных поповские земли и дворцы, когда они захотели освободиться от поповских поборов.

«Смиренными» были церковники, фарисеи в то время, когда хитрый и пронырливый мужичонка Григорий Распутин использовал имя их бога и растоптал при дворце все поповские «таинства», которые они теперь будто бы защищают. Они смиренно молчали, когда он использовал эти таинства для того, чтобы водворить наверху необузданный содомский и вавилонский разврат.

И они, фарисеи, не просто молчали: они холопствовали перед Распутиным, принимали в свою среду тех, кого он назначал первосвященниками, рукополагали в епископы тех, кто потворствовал ему и его надругательству над их же верой и таинствами. Они, рабы и лакеи, извивались и ползали пред ним, потому что он был силой и эта сила оставляла доходы в их руках.

Они заговорили только тогда, когда рабочие и крестьяне подняли свою руку на их земли, на дворцы и на награбленные ими доходы.

Напрасны все их старания! Напрасно они хотят прикрыть свою алчность и злобу именем бога.

Раскрываются глаза у народа, и уже близко то время, когда все окончательно отвернется и от христианства, и от всякой религии, когда всем будет ясно, что всякая религия служит одной цели: примирять угнетенных с их положением, сламывать их восстание против угнетателей.

1-е издание вышло в 1918 г.

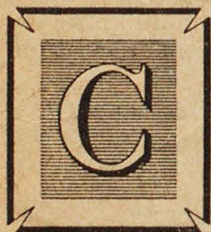

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОБ АДЕ И РАЕ, БЕСАХ И АНГЕЛАХ,
ГРЕШНИКАХ И ПРАВЕДНИКАХ,
И О ПУТЯХ К СПАСЕНИЮ

1

ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

1

СВЯТИТЕЛЬ Николай занимает совершенно особенное положение среди деревенских святых в средней России. Конечно, всякий святой — дополнительный бог наряду с главным богом. И совершенно неосновательно говорят, будто православие признает одного бога. Богом признается бог-отец, богом же — его сын, и богом признается исходящий от бога дух. Но и богородица — тоже бог, боги же и все ангелы, и Сергей Радонежский, и Георгий Победоносец, и Кузьма с Демьяном, и многие десятки или, вернее, многие сотни тысяч святых. Четырнадцать тысяч младенцев, будто бы избивенных Иро-

дом в Вифлееме, признаются святыми, их память чествуется церковью 29 декабря. Святые же — и двадцать тысяч мучеников никомидийских (моление им совершается 28 декабря). Я попытался сделать подсчет по житиям святых, быстро перевалил за сотню тысяч, а скоро и счет потерял святым. Правильно будет сказать, их целые полчища.

И нет никакой разницы между этими святыми и так называемыми языческими богами. Там тоже один или несколько богов — главные, самые великие. Ниже их стоит несколько десятков богов, имена которых известны почти всем верующим. А еще ниже идут мелкие боженята, про которых известно только одно: живут они в лесах, в горах, в прудах, около источников; и нет у них своего особого имени, так же как у вифлеемских младенцев или никомидийских мучеников. Нет у них своего собственного имени, как нет его у злых христианских богов: у бесов, у леших, русалок и домовых.

Ну, а такие святые, как Егорий (Георгий), Илья, Петр, Кузьма и Демьян, Флор и Лавр, это — так прямо хорошие христианские боги. Они похожи на языческих богов и в том отношении, что каждый из них заведует каким-нибудь особенным делом: тот — коровами, тот — лошадьми, тот — ключами от царства небесного, тот — громом и молнией, тот — врачеванием. Эти святые просто заменили дохристианских и нехристианских, так называемых языческих, богов и сами превратились в богов.

У славян в дохристианский, в так называемый языческий, период было много богов. С объединением отдельных племен главный бог наиболее сильных племен стал превращаться в главного бога объединяющихся. Но и после объединения отдельные племена по-прежнему чтили своих старых богов. С развитием земледелия особенно важными сделались боги, чествование которых приходится на время, когда выполняются самые существенные сельскохозяйственные работы: посев озимых и яровых хлебов, начало покоса, жатвы, начало выпаса скота на подножном корму и т. д.; или же на такое время, когда явственно совершается смена времени года: когда начинают прибывать дни

или, напротив, начинают уменьшаться, или когда день становится равным ночи (около 10 марта, июня, сентября и декабря по старому счету).

Когда язычество сменилось христианством, тогда языческие религиозные празднества заменились христианскими, и имена языческих богов заменились именами христианских богов, память которых чтится около того же времени. Таким образом, наиболее чтимыми деревенскими богами сделались вешний Егорий, Иван Купала, Петр и Павел, Илья-пророк, летний и зимний Николай и богородица с такими ее праздниками, как благовещение, покров и т. д.

Во всяком случае христианским святым молятся, как богам, и приносят жертвы, как главным богам, даже более обильные жертвы, чем главным богам. Возьмите, например, духа святого. Кто помнит о нем в течение года? Составляя святцы, попы в конце-концов и для него назначили день жертвоприношений: приткнули его после дня всей святой троицы. А вот богу-отцу приходится утешаться тем, что он главный бог и что его будто бы чтут ежедневно; поэтому ему не дали ни одного дня в году.

Не то со святыми. Об их главных днях, когда они именинники, и говорить нечего. Тогда пожаром горят лампадки и свечи перед их образами. И всеми цветами радуги отливают ризы на этих образах, усеянные драгоценными камнями и жемчугами. Да и в обыкновенные дни сотни и тысячи поклонников нет-нет да и вспомнят о Пантелеймоне-целителе и матушке Иверской, — вспомнят и зажгут им свечку или лампадку. Большого святого чтут больше, чем главного бога, и приносят ему более обильные жертвы.

Правда, благочестивые люди хотят обмануть себя и других, уверяя, что святые для них — не боги, а ходатаи и заступники перед богом. Они просто передают ходатайства верующих, как чиновники передавали прошения какому-нибудь царю. И как чиновнику надо было заплатить за написание прошения и за передачу его выше, принести сукна на пальто или на шубу, так и святому надо поставить свечку или затеплить лампадки и сделать драгоценные ризы.

Это сравнение с царскими чиновниками совершенно правильно. Но оно говорит то самое, что и я говорю. Каждый чиновник при царе был царьком, а для своей области или для своих дел и прямо царем. То же и со святыми. Один — бог над громом и молнией, другой — коровий бог, третий — бог над лошадьми и т. д. Матушка Иверская — бог в Москве, Новгородская — в Новгороде, Илья — в Ильинском погосте. И все они боги для христиан.

Много богов у верующих христиан, не меньше, чем было царей и царьков при царе. Но среди этого сонма богов чудотворец Николай — особенный бог. Он стоит рядом с Иисусом Христом и его матерью. Никто не знает и не понимает святой троицы. Бог-отец, бог-сын, бог-дух — эта троица, в особенности в деревне, заменилась другой, такой простой, понятной и ясной, — Иисус, его мать и Микола милостивый.

Познакомимся с жизнью святителя Николая и посмотрим, не объяснит ли она, почему он сделался одним из больших богов.

II

Лет до пятнадцати я жил в таком городишке, где нельзя было добыть никаких путных книг. Изредка удавалось достать отдельные томы Пушкина, Лермонтова, Тургенева. При огромной тяге к чтению приходилось глотать буквально все, что попадало под руку. Было перечитано много всякого хлама, и во всяком случае много времени было ухлопано понапрасну. Попало мне и две — три огромных книги в кожаных переплетах, напечатанные на церковно-славянском языке. Это были жития святых, составленные более 300 лет тому назад и впоследствии много раз издававшиеся снова в переделанном виде. Издавались они между прочим и при Николае первом. Я еще и теперь помню многое из них.

В новейших изданиях синодские чиновники в митрах и треуголках, в рясах и мундирах многое изменили, многое вытравили, многое приспособили к нравственным понятиям и к общему мировоззрению современного человека.

Но для решительного приспособления у них нехватило ума и смелости.

Сравнив разные издания, старинные и новейшие, на церковно-славянском и на русском языке, я увидел, что разница между ними не такая уж большая. Поэтому дальше я пользуюсь, главным образом, изданием московской синодальной типографии, в четырнадцати больших томах. Здесь рассказывается почти то же, что и в старинных изданиях. Во всяком случае, для жития мирликийского чудотворца этого издания будет достаточно. В старинных жизнеописаниях рассказывается то же самое, — только благочестивых размышлений еще больше, чем в московском синодальном издании.

В сказаниях о рождении и детстве Николая есть кое-что напоминающее о греческих героях. Необычно его рождение, необычно младенчество, предвещающая своей необычностью совершенно необычную жизнь. Но только это не языческий герой, своего рода полубог, а христианский святой, и потому его детство предвещает не героические, не воинские, не боевые, а чисто христианские подвиги.

«Родители его Феофан и Нонна, — рассказывают жития, — были люди благочестивые, знатные и богатые. После его рождения мать его Нонна тотчас же освободилась от болезни и с того времени до самой кончины осталась неплодною».

Теперешние проникнутые греховностью люди скажут, что если только Нонна не была старухой, бесплодие свидетельствовало об ее болезни. Но благочестивому составителю жития все это представляется в ином виде. Он пишет: «Этим сама природа как бы засвидетельствовала, что у жены сей не могло быть другого сына, подобного святому Николаю: он один долженствовал быть первым и последним. Освященный еще в утробе матери богодухновенною благодатью, он явил себя благочестивым почитателем бога ранее, чем увидел свет, стал творить чудеса прежде, чем начал питаться молоком матери, и был постником прежде, чем привык вкушать пищу».

Мысль сказания, насколько ее можно понять, такова: если бы Николай еще в утробе матери не был

благочестивым почитателем бога, он не мог бы совершить чуда. А чудо заключало в том, что роды были очень легкие и роженица немедленно встала с постели. Возможно только, что она и поплатилась за это бесплодием на всю остальную жизнь.

А теперь о постничестве, богопочитании и прочих подвигах младенца Николая. «По своем рождении, еще в купели крещения, он три часа простоял на ногах, никем не поддерживаемый, воздавая сим честь пресвятой троице» (значит, ровно по часу в честь каждого из трех главных богов).

«В нем можно было узнать будущего чудотворца уже по тому, как он прикидал к сосцам матери, ибо он питался молоком одной правой груди, знаменуя тем будущее стояние свое одесную господя вместе с праведниками. Свое изрядное постничество он проявил в том, что по средам и пятницам вкушал молоко матери только один раз, и то вечером, по совершении родителями обычных молитв».

И надо полагать, что в постные дни он являл постный вид и проливал слезы, а по праздникам смеялся и не плакал, и всегда сохранял свои пеленки в отменной чистоте, знаменуя сим чистоту своей души, содежавшую его праведником пред господом.

Достигнув зрелости, Николай «всячески уклонялся от суетных друзей и праздных бесед, избегал разговора с женщинами и даже не смотрел на них». Очевидно, в его душе бушевали прямо африканские страсти, и разговор со всякой женщиной, один взгляд на всякую женщину порождал непреодолимое желание обладать ею. Невольно вспоминается «ученая» кошка, которая, сидя рядом с мясом, напускает на себя глубоко равнодушный вид, притворяется спящей и с напускным презрением отворачивается в сторону. Если бы она позволила себе посмотреть на мясо, она не могла бы обуздать свои желания.

Не легко давалась борьба со своими страстями праведникам, пока они не достигали преклонного возраста. И на каждом шагу во образе всякой бабы их подстерегал и ловил соблазн. Потому-то они боялись взглянуть на женщину и услышать женский голос.

Происходя от богатых и знатных родителей, Николай сделал головокружительно быструю духовную карьеру. Дядя его, Николай, был епископом, и родители будущего святителя Николая назвали своего сына в честь этого дяди. Дядя взял юношу Николая к себе и посвятил его в священники. Через короткое время, отправившись в Палестину на поклонение свя-

Православные святые Борис и Глеб изображены в виде воинов. Культ их имел военное значение.

тым местам, Николай-дядя назначил Николая-племянника своим заместителем. Следовательно, уже в юношеском возрасте для Николая была проложена широкая дорога к сану епископа.

Дело происходило около 1600 лет тому назад. Значит, уже тогда не только священнические, но и епископские места передавались от родственников к родственникам.

В это время родители Николая умерли. Житие рассказывает: «Получив в наследство их имение, Николай роздал его нуждающимся». Но сейчас же мы увидим, что, хотя он и роздал имение нуждающимся, у него все же осталось несколько мешков золота. Значит, он раздавал с оглядкою, остерегаясь. Мы сжато, но полно пересказываем все житие. В младенчестве Николай сосал только правую грудь матери, по постным дням сосал молоко вечером, в юности не разговаривал с женщинами, не смотрел на них и т. д. Таковы «убедительные» доказательства «святости» Николая!

III

Художники неоднократно вдохновлялись разными происшествиями из жизни Николая. Существует не мало картин такого содержания: среди глубокой ночи Николай бросил мешок с золотом в окно избышки одного мужика и спешит уйти незамеченным. Выходит, что многие крестьяне по заслугам считают Николая своим богом.

В действительности все это не совсем так или даже совсем не так: в действительности, по сказаниям житий святых, Николай помогал не бедному мужику, а человеку такого же происхождения, какого был сам. Житие говорит: «Жил в городе Патаре некий муж, знатный и богатый. Придя в крайнюю нищету, он потерял прежнее значение, ибо жизнь века сего непостоянна. Сей человек имел трех дочерей, которые были очень красивы собою. Когда же он лишился всего необходимого, так что нечего было есть и не во что было одеться, он, ради своей великой нищеты, замыслил отдать своих дочерей на любодеяние и обратить свое жилище в дом блуда, чтобы таким образом добывать себе средства к жизни и приобретать и себе и дочерям одежду и пищу».

Узнав об этом и решив облагодетельствовать человека из своего сословия, Николай проявил величайшую бережность и трогательную заботливость по отношению к разорившемуся богачу. Между прочим, по

этой причине его благодеяние и должно было остаться тайным: «Он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богатым, а теперь пришедшего в крайнюю нищету. Ибо он знал, как тяжела и оскорбительна милостыня для того, кто от богатства и славы перешел в убожество, потому что она напоминает ему о преж-

Легенда о Николае Чудотворце на службе рабовладельцев. Деталь иконы, изображающая, как раб перед иконой Николая Чудотворца обязуется уплатить своему господину выкуп.

нем благоденствии. Он взял большой мешок золота, пришел в полночь к дому мужа того и, бросив этот мешок в окно, сам поспешил возвратиться домой».

Очевидно, Николай так умело раздавал свое имение нуждающимся, что после этого мог подбрасывать разорившимся богачам большие мешки золота,

А «муж сей» после этого выдал замуж старшую дочь, дав ей в приданое чудесно дарованное ему богатство. Значит, раньше он хотел продавать своих дочерей молодым и старым мужчинам, а теперь сам купил для своей дочери молодого мужчину.

Легенда о Николае Чудотворце на службе рабовладельцев. Вторая деталь той же иконы: за отказ раба платить выкуп рабовладельцу Николай Чудотворец стаскивает его с лошади.

Житие рассказывает дальше: «Святой Николай, узнав о том, что муж сей поступил по его желанию, возлюбил его и решил сотворить такую же милость и второй дочери, намереваясь законным браком оградить и ее от греха».

Таким образом, одного большого мешка золота «мужу сему» было мало. Пристроив старшую дочь,

он все еще помышляет отдать вторую и третью дочь на любодеяние и обратить свое жилище в «дом блуда». И такого-то человека возлюбил Николай.

Как бы то ни было, святой Николай, приготовив другой мешок золота, такой же, как и первый, ночью, тайно от всех, через то же окно бросил его в дом мужа. «Встав поутру, бедняк (т. е. человек, уже получивший один мешок золота) опять нашел у себя золото... Помолившись господу и возблагодарив его благостыню, муж тот отпраздновал брак своей второй дочери».

Чудесным образом получать большие мешки с золотом вошло у «бедняка» в привычку. «Уповая на бога, отец питал несомненную надежду, что он и третьей дочери подаст законного супруга, снова даровав тайно благодетельствующею рукою потребное для сего золото». Ясно, что золото требовалось только для того, чтобы выдать и третью дочь за богатого и знатного человека, каким был отец. Вообще же, как красивая девушка, она легко могла бы найти себе жениха.

И на этот раз отец не обманулся в своих ожиданиях. «Христов угодник Николай пришел и в третий раз и, остановившись на обычном месте, бросил в то же окно такой же мешок золота». Разница только в том, что на этот раз отец нагнал Николая и узнал, кто был его благодетелем.

Есть ли в этой истории что-нибудь умилительное для крестьянина, для рабочего? Сердце Николая раздиралось от жалости к эксплуататору, к паразиту, к рабовладельцу, который, может-быть, промотав свое имущество и привыкнув богато одеваться и вкусно есть, готов был превратить своих дочерей в проституток, чтобы продолжать прежнее сытое, роскошное, беззаботное и бездельное существование. Вот с какими нуждающимися он делился своим имением.

Николай был слеп к страданиям угнетенных, рабов, которые должны были служить прихотям своих господ. Он не видал бедноты, которую самый жестокий голод и самая безграничная зависимость постоянно толкали на проституцию. Три мешка золота он отнес «мужу сему», — ни одной монеты не оставалось у него

для рабов, кровью, потом и слезами которых существовали «мужи сии».

Тот Николай, каким изображает его житие, в настоящее время проливал бы горькие слезы над страданиями паразитов и эксплуататоров, капиталистов и

Легенда о Николае Чудотворце на службе рабовладельцев. Третья деталь той же иконы: непослушного раба Николай Чудотворец избивает палкой.

помещиков, таскал бы большие мешки золота в лагерь самых лютых врагов рабоче-крестьянской России и, таким образом, содействовал бы восстановлению строя, который тысячи и сотни тысяч работниц и крестьянок осуждал на проституцию.

Следом за тем житие рассказывает о путешествии Николая в Палестину и упоминает о чудесах, совершенных им во время путешествия: об укрощении бури, воскрешении разбившегося корабельщика, об исцелении «многих больных и бесноватых». В Палестине, когда Николай «ночью хотел войти в святую церковь на молитву, замкнутые церковные двери отверзались сами собою, открывая невозбранный вход тому, для кого были отперты и небесные врата».

На обратном пути из Палестины Николай опять укротил бурю и затем прибыл в город Миры, где в то время как раз скончался епископ. Собрались все епископы Ликии, чтобы избрать преемника, но «среди избирающих было большое несогласие». После молитвы старейший из епископов рассказал, что «пред ним явился светозарный муж и повелел ему ночью отправиться к дверям церковным и наблюдать, кто прежде всех войдет в церковь». «Сей, — сказал он, — и есть мой избранник; примите его с честью и поставьте в архиепископы; и мя мужу сему Николай».

Таким образом, из уст старейшего епископа остальные с самого начала узнали, что епископом должен быть Николай. И, разумеется, оказалось, что первым пришел в церковь именно будущий святитель Николай.

Из истории известно, какая жестокая борьба развертывалась каждый раз при смене епископа и какие средства пускались в ход для того, чтобы избрание постепенно заменить назначением. По житию, конечно, выходит, что Николая назначил не «старейший из епископов», а сам бог.

Как полагается, Николай долго отказывался от избрания и согласился только потому, что вспомнил о видении, бывшем ему ночью: «перед ним стоит спаситель во всей своей славе и подает ему евангелие, украшенное золотом и жемчугом. По другую сторону себя Николай увидел пресвятую богородицу, возлагающую на его рамена святительский омофор».

Здесь уже появляется та троица, о которой упоминалось выше: Иисус, богородица и Николай угодник.

Дело началось с «сонного видения», рассказанного самим Николаем.

Сделавшись епископом, Николай «не скрывал уже, как прежде, своего добродетельного жития»... По принятии им архиепископского сана жизнь его стала открыта для всех, — конечно, как уверяют жития, «не

Легенда о Николае Чудотворце на службе рабовладельцев. Четвертая деталь той же иконы: избитый раб приводит рабовладельцу выкуп — стадо.

по тщеславию перед людьми, но ради их пользы и умножения славы божией». Иначе епископы не пользовались бы таким влиянием, что они могли по своим сновидениям назначать даже новых епископов.

В то время шла последняя борьба христианства за господствующее положение в Римской империи. И в

то же время шла борьба между несколькими полководцами, желавшими захватить императорскую корону. Временно победили Диоклетиан и Максимиан. Началось гонение на христианство. И Николай был заключен в тюрьму. Один из полководцев, стремившихся к короне, Константин, сообразил, что христиане составляют уже большинство в его войсках. Он предоставил им завести собственные знамена, — крест, — и вообще покровительственно относился к христианам. С их помощью он победил своих соперников. Начались расправы с язычниками, ставшими на сторону этих соперников. За такое покровительство церковь назвала Константина святым и равным апостолам.

«В то время еще много оставалось эллинских (греческих) капищ, которым нечестивые люди привлекаемы были дьявольским внушением, и многие из жителей Мир пребывали в погибели». Конечно, язычники таким же образом смотрели на христианские храмы и на христианских богов. Христианство они считали изуверской религией и были уверены, что христиане приносят человеческие жертвы, едят тело и пьют кровь своего бога, т. е. едят тело и пьют кровь людей, приносимых в жертву этому богу.

«Архиерей бога вышнего, одушевленный ревностью божией, прошел по всем этим местам, разоряя и обращая в прах идольские капища и очищая свое стадо от скверны дьявольской. Так, ратоборствуя с духами злобы, святой Николай пришел в храм Артемиды, который был очень велик и богато украшен, представляя собой приятное для бесов жилище. Святой Николай разорил сей храм скверны, сравнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху, ополчившись более на бесов, нежели на самый храм. Лукавые духи, не перенося пришествия угодника божия, испускали скорбные вопли, но, побежденные молитвенным оружием непобедимого воина христового, святителя Николая, должны были бежать из своего жилища».

И много же было в старину чертовщины! И много же веры было у старинных христиан! Они веровали в

существование не только своих, но и языческих богов, хотя и признавали их бесами, или злыми богами.

Еще не успело христианство окончательно разделиться с язычеством, как началась борьба среди самого христианства. В этой борьбе, как и в борьбе с языческими богами, Николай сражался не только словами, но и руками. Известен рассказ о том, как на соборе святых отцов в Никее он дал пощечину Арию, одному из этих отцов.

За рукоприкладство Николая хотели лишить епископского звания. Спасло его уже знакомое нам видение, явившееся некоторым из святых отцов: «с одной стороны святителя стоит Христос господь с евангелием, а с другой пречистая дева богородица с омофором, и подают святителю знаки его сана». Нечего и говорить, что эту троицу видели сторонники Николая, а не сторонники Ария. Но их рассказов было достаточно для того, чтобы единомышленники оставили его в епископах. Простые были тогда времена!

V

В Римской империи, в особенности в восточной ее части, где был епископом Николай, развертывалась самая ожесточенная борьба. Полководцы свержали и убивали императоров и сами делались императорами. Одна шайка алчных правителей свержала другую, становилась на ее место и беспощадно расправлялась с побежденными. Церковь, одинаково признававшаяся всеми борющимися, была влиятельной силой, в особенности благодаря покровительству, которое оказывал ей Константин. С ней нельзя было ссориться. Если она Константина возвела на престол, то ей было очень легко отправить в тюрьму того или иного мелкого правителя. Художник Репин вдохновился рассказом о том, как Николай задержал меч палача, уже занесенный над шеей присужденного к казни. На картине Репина маленький старичок ухватился за самое лезвие меча, сжатого в руках невероятно громадного палача с тупо-равнодушным лицом.

Из самого жития следует, что достаточно было бы одного слова Николая, — и казнь все равно была

бы отменена. Житие подробно повествует о том, как правитель Евстафий, назначивший казнь, поспешил на место последней, когда узнал, что в дело вмешался епископ, и как он трепетал перед Николаем.

Государство трутней-рабовладельцев, Римская империя беспощадно грабила и обирала покоренные ею области. Массы населения стонали под ее игом. Бунты следовали за бунтами, и за восстаниями шли кровавые усмирения. Что тут делал Николай?

«В то время в великой Фригии поднялся мятеж. Узнав о сем, царь Константин послал трех воевод с их войсками умиротворить мятежную страну. Это были воеводы: Непотиан, Урс и Ерпилион». То же самое, чем в 1905 году были Ренненкампф, Мин и Меллер-Закомельский, или же чем хотели сделаться Колчак, Врангель и Деникин. Николай «пригласил воевод в город и радушно угостил их». И не только угостил, но и «удостоил благословения», — накануне расправ с измученным населением Фригии. И потом, еще раз «удостоившись его святых молитв и приняв от него благословение на свой путь, воеводы отправились во Фригию, чтобы исполнить данное им царское повеление». Из жития следует, что благословение Николая пошло на пользу вождям карательной экспедиции, выступившей против крестьян и рабов: «прибыв на место мятежа, воеводы быстро подавили его и, исполнив царское поручение, возвратились с радостью в Византию. Царь и все вельможи воздали им великую хвалу и почести, и они удостоились участия в царском совете».

Происходя из «богатого и знатного рода», Николай и в дальнейшем ничем не обнаружил участия к страданиям угнетенных, когда их беспощадно умиряли за всякую попытку сопротивления эксплуататорам. И в дальнейшем он всегда оставался заступником и помощником богатых и знатных.

Житие подробно рассказывает, как против Непотиана, Урса и Ерпилиона началась придворная интрига и как их противникам удалось достигнуть царского согласия на их смертную казнь. В тюрьме воеводы вспомнили Николая и воссылали ему молитвы. И Николай в ту же ночь явился во сне царю и потребовал

освобождения трех воевод: «если ты меня не послушаешь и их не отпустишь, то я воздвигну на тебя мятеж, подобный бывшему во Фригии, и ты погибнешь злою смертью».

Несчастные, обездоленные, угнетенные — просто «пушечное мясо» для Николая, как мы сказали бы в настоящее время. Они живут только для богатых и знатных. Их бунт требуется Николаю не для того, чтобы облегчить их положение, освободить от цепей римского рабства, а для того, чтобы освободить от тюремных цепей вождей недавней карательной экспедиции, отправленной против этих несчастных и обездоленных. Их собственное положение, вся их собственная жизнь не заслуживала никакого внимания в глазах Николая.

Конечно, проснувшись, царь распорядился немедленно освободить воевод, и они, напомнив царю о подавлении фригийского мятежа, обещали и впредь проявлять такое же усердие в исполнении царских велений. Как же было не помиловать таких палачей-генералов? Ведь они еще могли пригодиться, если бы рабы вновь взбунтовались.

Николай оказывал свое содействие и крупным торговцам: «Однажды в Ликийской стране был великий голод, и в городе Мирах ощущался крайний недостаток в пище. Сожалея о несчастных людях, погибающих от голода, архиерей божий явился ночью во сне одному купцу, находившемуся в Италии, который нагружил житом весь свой корабль и намеревался плыть в другую страну. Дав ему в залог три золотых монеты, святитель повелел ему плыть в Миры и продавать жито. Проснувшись и найдя в руке золото, купец подчинился велению». И, конечно, не остался в накладе: нигде нельзя выручить таких головокружительных спекулятивных цен за хлеб, как в голодающей стране.

VI

Мы рассказали по житиям все важнейшие происшествия из жизни Николая. К этому оставалось бы добавить еще только одно: «укрощение бури», — в этих делах Николай, согласно житию, был особый специа-

лист. Да в конце жигия в самых общих выражениях говорится: «Он помогал сущим в бедах, спасал от потопления, избавлял от уз и темницы, обогащал многих бедствующих в убожестве и крайней нищете, подавал голодным пищу» и т. д. Но ведь то же самое принято говорить о всяком скончавшемся церковном сановнике, о всяком епископе, а у Карамзина буквально то же мы найдем почти о всяком великом князе или царе, если только старые летописцы не называли его Святополком Окаянным или каким-нибудь Лжедмитрием, — тех принято костить на все корки и выдумывать про них разные небылицы. Разница только в том, что царям и князьям, когда их прославляют, не приписывается чудес, как Николаю. Обо всех церковных сановниках было принято говорить, что они «оттирали слезы сырых и несчастных, помогали гонимым, вели жизнь подвижника». То же сказано и о Николае. Но не приведено ни одного происшествия, из которого следовало бы, что Николай действительно помогал наиболее измученным, наиболее несчастным людям своего времени, рабам и крестьянам. Расказано только, как он обогатил дочерей разорившегося богача, который собирался торговать ими, чтобы самому жить в довольстве.

Дальше идет рассказ о посмертных «чудесах» Николая. Прежде всего, «его мощи источали благовонное и целебное миро, коим помазывались больные и получали исцеление. По этой причине к его гробу притекали люди со всех сторон земли, ища исцеления своим болезням и получая его. Ибо тем святым миром исцелялись не только телесные недуги, но и душевные, и были изгоняемы духи лукавые».

Любопытная вещь это «миро». У одних праведников все мощи, а у других только голова источают это «миро». И хотя это вещество, как уверяют попы и монахи, готовится где-нибудь на небе, от него пахнет душистыми маслами, смолами и травами, растущими здесь на земле. Монахи несут заботы о том, чтобы не прекращалось его истечение и чтобы золото всегда прилиvalo в монастырские кружки и сундуки. Здесь было еще более полное надувательство верую-

щих простаков, чем в случаях со всяческими «мощами».

Затем в житиях идет четыре длинных рассказа об отдельных случаях чудес. Все эти рассказы возникли явным образом в поповской среде. В одном из них «патриарх с собором» пьянствует у богача. Когда они выпили все вино, сосуды, по молитве хозяина Николаю, опять наполнились вином, о котором патриарх говорит: «никогда не пивал я такого вина». Словом это — переделка евангельского сказания «о браке в Кане Галилейской». А главная мысль рассказа заключается в том, что Николай по достоинству равен с Христом и богородицей.

Веселый патриарх этого рассказа, отказавшийся признать за Николаем столь высокое положение, как за Христом и богородицей, попал на корабль и потерпел крушение. Утопая, он раскаялся. «Внезапно явился святой Николай, шествуя по морю, как по суше, приблизился к патриарху и взял его за руку со словами: «Афанасий, или тебе в бездне морской понадобилась помощь от меня, происходящего от простых людей?»

Происхождение Николая прилеплено здесь ни к селу, ни к городу. Житие ясно говорит, что родители его были «люди богатые и знатные», и всю свою жизнь он был связан с такими же богатыми и знатными людьми. А вот тут уже началась подделка его под «простонародье», и началось искажение сведений о его жизни.

Второй рассказ поучительного содержания. Смысл его тот, что следует хорошо праздновать день Николая: яствами, вином и т. д.

Третий наставительно указывает, что по меньшей мере треть достояния надо отдавать в церковь, т. е. попам.

Четвертый заканчивается «честным праздником», который устроил митрополит.

И в этих сказаниях Николай приходит на помощь людям зажиточным или богатым. Он не с бедными, не с крестьянами, а с богатыми, с пирующими тунеядцами; он благословляет не кусок черствого хлеба крестьянина, а роскошные трапезы у богачей.

Таков Николай в житиях. Крестьянство переделало его по-своему, — а попы оказали покровительство такой переделке, потому что крестьянский Николай привязывает массы к церкви, т. е. попам, много лучше, чем мирликийский епископ, каким он представляется в житиях.

2

КАК ИЗБЕЖАТЬ АДА И ПОПАСТЬ В РАЙ

I

Николай чудотворец — для деревни не столько Николай чудотворец, сколько «Микола милостивый». Деревня дополняет «житие» Николая своими рассказами, которым она верит и не верит, но которые она во всяком случае охотно слушает.

Уж на очень удачное время пришелся праздник зимнего и вешнего Николы. Как раз около дня зимнего Николы «солнце поворачивается на лето, зима — на мороз». Начинают прибывать дни. В далеком прошлом такой перелом отмечался у всех народов религиозными празднествами. Празднества сохранялись и по переходе в христианство, только языческий бог, в честь которого они устраивались, заменился христианским святым, — в данном случае Николаем.

Да и вешний Никола пришелся на удачное время. Около вешнего Николина дня начинаются некоторые важные полевые работы в средней России.

На юге меньше чтят Николая: вешний Никола приходится там на время, когда пахота и посев уже давно закончены. Николай Мирликийский вырос в высоко чтимого бога с того времени, как земледельцы-славяне, принявшие веру из Греции, передвинулись из Приднепровья в теперешнюю Среднюю Россию. Здесь климат такой, что вешний Никола приходится на дни, когда начинается сев яровых хлебов. Вот тут-то он и превратился в крестьянского бога. Одного зимнего Николы для этого было бы недостаточно.

Много рассказов сложила деревня об этом боге, который всегда выступает в них мужицким защитником и печальником. Вот один из этих рассказов.

В холодную осеннюю ночь постучался к деревенскому богатею мужичонко в насквозь промокшем драном зипунишке. «Пусти, ради бога, обогреться! Сбился я с дороги, продрог, из сил выбился!» — «Много вас, всякой шантрапы, шляется! Проходи, а не то выпущу собак, — узнаешь тогда, как бродяжничать».

И побрел мужичонко, подошел к самой бедной хате, постучался в оконце, и горемыка-мужик пустил путника к себе. Да и не только пустил, но усадил с собою за ужин. А весь ужин состоял из краюхи хлеба и пустых щей, подправленных ржаной мукой да ложкою масла, которое блестками плавало в блюде. Поел странник и говорит: «Спаси, вас, господи! Да пошлет вам бог столько червонцев, сколько блессток на щях».

На следующее утро поднялись, поели хлебушка, странник помог хозяевам по хозяйству, порубил дров и отправился в путь. Хозяйка стала мыть посуду. Смотрит, — та миска, из которой ели вчера щи, почти до краев полна золотом. Побежали к соседям, и в несколько минут вся деревня узнала, что Николай чудотворец ночевал у мужика.

Узнал об этом и богатеи и быстро смекнул, что надо делать. Он велел работнику заколоть и обделать самую жирную свинью, а жене скорей принимать застряпню. Сам же побежал в погоню за Николаем. Догнал его за околицей и говорит: «Прости ты меня, Николай чудотворец, не узнал я тебя. Иди ко мне — я во как тебя угощу». Подумал Николай и пошел к богатею.

Сели за стол. Хозяйка не ударила лицом в грязь; щи были покрыты сплошным жиром, который трудно было размахнуть ложкой. Ни одной блестки, ни одного пятнышка, ни одного островка: сплошное жирное море. И кончилось дело тем, что богатеи за все свое усердие ничего не получили.

Я до сих пор ясно помню хорошее «поминанье», которое было у бабушки. Это была маленькая книжечка в коричневом переплете. Сначала шли белые страницы, на которых славянскими буквами были написаны имена поминаемых «за здравие» и «за упокой». Я наизусть знал все имена. И каждый раз, когда дьякон добирался до них, я начинал усердно креститься и отвешивать поклоны, украдкой бросая многозначительные взгляды на окружающих: глядите, мол, я не какой-нибудь, это поминают «моих». Эвона сколько у меня сродников! И на том свете, и на этом!

Однако наиболее обычным чувством в таких случаях было величайшее негодование на дьякона: он читал из пятого в десятое, присочинял имена от себя, чтобы ни на секунду не прерывать своего бормотания, читал «за здравие» имена, которые следовало помянуть за упокой, вообще испытывал долготерпение божие и человеческое. Мне становилось обидно. Да и правда, нехорошо это. Ведь за здравие поминают затем, чтобы поминаемые дольше прожили. Значит, дьякон отнимает годы жизни у моей бабушки и у других родственников. А за упокой поминают затем, чтобы покойникам лучше жилось на том свете. А вот этот дьякон, — может быть по злобе на нас, — ничего не делает для того, чтобы облегчить тот адский огонь, в котором, гляди, сидят наши усопшие родственники.

Я начинал вспоминать, что этот дьякон — величайший пьяница. Я припоминал, что в последний раз, как причт ходил по приходу с крестом и святой водой, его у нас не приняли: не было денег, пришлось от попов прятаться. И за это должна расплачиваться вся наша семья: живые умрут раньше, а умершие должны с головой сидеть в адском огне. А это — куда как несладко.

Я не сомневался, что дьякон, при своем способе поминовения, старается наказать нас и наших покойников.

«Поминанье», та книжечка, о которой я говорю, было замечательно хорошее поминанье. Там были не только чистые страницы, на которых записывались

имена, но и назидательные рассказы, и хорошие картинки к этим рассказам.

Большое впечатление произвел на меня один короткий рассказ. Занимал он всего каких-нибудь 7—8 маленьких страничек, напечатанных крупной печатью. Да и на этих страничках рассказом была занята только верхняя половина, а на нижней помещались картинки, которые вразумительно изображали то, о чем рассказывалось наверху.

На первой картинке было нарисовано море огня, из которого едва выдавалась человеческая голова с

«Вечный огонь ада» — подобными изображениями церковники всех религий запугивали и запугивают темных людей.

лицом, искаженным от мук и отчаяния. Сквозь языки пламени только кое-где виднелось голое человеческое тело, искривленное судорогами неопишуемых страданий.

На следующей картинке — тот же несчастный грешник, но посаженный в пламя уже только до плеч. Затем он представлен в пламени только до поясицы, потом до колен. И, наконец, последняя картинка: грешник совсем вышел из пламени. И, выйдя из пламени, он уже идет. Очевидно, «тело» его души сделано из

такого огнеупорного материала, что, не сгорая, выносило такое пламя, перед которым «адский» жар доменной печи показался бы освежающей прохладой. А вот «душа» одежд, очевидно, превратилась в пепел, и потому грешник, пока он сидел в огне, был в чем мать родила.

Итак, душа грешника, одетая в прямую длинную рубаху до пят («хитон», — мундир, присвоенный званию всех ангелов, всех праведников и самому богу-отцу и богу-сыну), смиренно сложив на груди руки, грядет из огня, который пылает за ее спиною. И грядет она в предшестве ангела, одетого в такую же рубаху и указывающего ей путь к престолу всевышнего, сидящего над облаками и бросающего лучи, подобно солнцу.

Хорошие это были картинки. А тут еще старший брат захотел усилить их исправительное действие на нашу греховную природу и разрисовал адский огонь пламенеющими красками. Не стану скрывать от читателей: тяжело мне было думать, что мои покойные родственники остаются, хотя бы только по колено, в гееннском огне.

Рассказ к картинкам был так же прост и так же прямо бил в цель, как сами картинки. Некто умер. И явился он во сне родственникам в том виде, как изображено на первой картинке, и горько жаловался на свои мучения. И родственники, когда хоронили его, на третий день по смерти, устроили поминание по нем. И через несколько дней опять явился покойник в том состоянии, как представлено на второй картинке, и сетовал, что, освободив от огня его голову, родные уже начали забывать о нем. И родственники устроили ему поминание на девятый день и тем освободили его от огня до поясицы. Новый сон и новое поминание в двадцатый день и, наконец, в сороковой, после чего покойный сделал еще один, уже благодарственный визит своим родственникам и затем более не являлся.

Читатель поймет теперь, почему я с такой тревогой следил, поминает ли дьякон тех сродников, которые были внесены на чистые страницы такого хорошего, но и такого устрашающего поминанья.

ПРИТЧА О БОГАТОМЪ И О ЛАЗАРѢ.

Церковный плакат для одурманивания бедняков. Изображает, как бедный Лазарь попадает после смерти в рай, а богач идет в ад.

Страшные для богачей порядки установили апостолы. Вспомните хотя бы притчу о богатом и бедняке Лазаре. Богатый осужден на страшные муки просто за то, что он богат, а бедного ожидает блаженство только за то, что он был на земле беден. Евангелие прямо говорит, что помещику и буржую так же не пробраться в царство небесное, как верблюду не пройти сквозь игольные уши. Это царство — не для них, а для бедноты.

Но все это существует в евангелиях и «Деяниях апостолов» единственно для самоуслаждения бедноты, только затем, чтобы примирить ее с горькой долей, с тем «крестом», который заставляют ее нести богачи. А сами богатые могут посмеиваться над всеми этими ужасами, если даже они в них верят, а не делают просто вид, будто бы верят.

Во всякой благоустроенной церкви около одного из клиросов стоит низенький стол с натканными в него большими и маленькими металлическими трубочками, в которые вставляются свечи. Это — так называемый «канун». Купить и поставить свечку на «канун» — это значит принести жертву богу за избавление покойника от мук в адском огне.

На «кануне» есть буржуи, середняки и пролетарии. Буржуи, это — свечи толщиной с ручищу того купца или купчихи, за которых они поставлены. А пролетарии, это — копеечные свечи, тонкие, как высохший палец замороженного зеленого пролетарского ребенка. Такая свечка сгорает в какие-нибудь десять минут, — сгорает, пожалуй, раньше, чем бог успеет заметить ее мерцающий огонек, который совершенно тонет в ярком пламени толстых свечей.

Но и те, за кого поставят копеечную свечку, счастливы по сравнению с безродными бедняками. Кто вспомнит о них? К кому пойдут они из своего адского жительства, чтобы умолять о поминовении? Или к тому кулаку, который пустил их по миру? Он проснется, пойдет в церковь, купит за свое здоровье рублевую просвиру, напишет свое имя на особой записочке, сам передаст ее попу, — ее-то уж никак не про-

пустят, — отслужит заздравный молебен. Все он делает для себя, а для бедняка не ударит пальцем о палец. Нет, бедняку никак не отвертеться от адского пламени.

Но свечи, хотя бы и полпудовые, это все же мелочь. У богатого и его сродников, оставшихся в живых, есть более действительные средства для того, чтобы добиться до бога. Наследники, благодарные покойнику за оставленные им капиталы и довольные тем, что наконец-то он помер, во многих церквах и монастырях заказывают «сорокоусты». Попы ежедневно наособицу поминают усопшего, а в девятый, двадцатый и сороковой дни служат по нем не только панихиды, но и «заказные» обедни. Они так пристают к богу с мольбами, чтобы он взял покойника в свои обители, так много звонят, поют и читают, что с ними ничего не поделаешь: и великого грешника приходится взять в рай, чтобы он не явился во сне своим родственникам и не заставил их вновь завести ту же музыку.

Однако и при жизни богатей умеет подготовить себе хороший уголок в райских селениях. Он не надеется на наследников. Он знает, что жадность их обуяет, и не ждет, что они позаботятся об его вечном поминовении. Он печется о благолепии храма, жертвует образа и богатые ризы на них, строит пределы и колокольни, покупает большущие колокола. Как начнется трезвон, тут уж все большие и малые боги знают, что колокола вызывают об успокоении души раба божия Дмитрия или Павла. А этот Дмитрий еще при жизни ловил себя на той мысли, что, каковы бы ни были его прегрешения, он уж во всяком случае не засидится в аду. Да еще бы засидеться! Небось, прозвонят все уши обитателям райских селений. Всякому великомученику, который на земле выдерживал страшные пытки, не по себе станет, когда к нему каждый день станут приставать с одним и тем же.

Или возьмите какого-нибудь царя-кровопийцу, вроде Ивана Грозного. Неужели он мог думать, что ад уготован для него? Начать с того, что его гробница находится в московском Архангельском соборе, на са-

мом видном месте, так что никакие боги ни на минуту о нем не забудут. А затем вклады на всякое поминовение, неугасимые лампы, колокола, панихиды в день смерти. И если скромных приношений было до-

Церковная иллюстрация на тему: «Ангелы несут душу Лазаря в рай». Душа изображена в виде человечка—точной копии тела (см. стр. 112).

статочно для того, чтобы грешника понемногу выпустили из адского пламени, то Иван мог быть уверен, что попы постараются и ни на час не оставят его в царстве дьявола.

А зато посмотрите, какая короткая и быстрая расправа с рабом. Несколькими десятилетиями позже Николая Мирликийского жил Нифонт, епископ Кипрский, которого церковь считает святым (его память чтится 23 декабря). Он видал, как исходящие из тел души шествуют по воздушным мытарствам, через заставы, поставленные дьяволами. Речь об этих заставах будет впереди. А теперь скажем только об одном видении Нифонта.

Житие Нифонта говорит: «блаженный Нифонт увидел, как бесы влекли душу в ад. Это была душа одного раба, которого господин изнурял голодом и бил. Он не стерпел такого мучения и, по наущению беса, взял веревку и удавился. Ангел же хранитель его шел вдали и горько плакал, а бесы радовались. Плачущему же ангелу было повелено богом итти в город Рим и охранять одного новорожденного младенца, которого там в это время крестили».

Души господ сопровождаются по мытарствам обыкновенно двумя ангелами, часто целыми сонмищами. Ангелы долго спорят и ругаются с бесами, не отступаются от доверенной им господской души, торгуются, выискивают добрые дела и по большей части выхватывают господскую душу из когтей дьявола.

А вот несчастная душа злополучного раба отправилась в путь с одним провожатым, да и того скоро откомандировали от нее с другим поручением. И он разом отступился, не сказав ни слова в ее оправдание.

А казалось, чего бы было проще? Вы, мол, нечистые дьяволы, овладели душой богача, господина этого раба: дожидайтесь же, когда она пойдет по мытарствам, хватайте и тащите ее. А это — душа человека, который много страдал и терпел, но не вынес дьявольских мучений.

Церкви надо припугнуть бедноту. Великий грешник — всякий раб, который сбежит от господина, хотя бы он сбежал посредством смерти. Ему нет оправдания и спасения, великие муки ожидают его за гробом в дополнение к земным мукам.

Вот какой смысл и какое назидание заключается в «видении» епископа Нифонта.

Надо говорить прямо. «На том свете», куда, по учению попов, отправляются души покойников, имеются два отделения, которые называются раем и адом. Ад существует для рабов, для безродных, для бедняков, для несчастных, которых некому и не на что помянуть. Богачи же, если они что-нибудь смекают, отправляются в рай. Впрочем, бывает, что сначала они угодят в ад. Но их пребывание в аду во всяком случае окажется очень коротким, — опять-таки, если они люди не совсем без мозгов в голове...

Очень любят верующие утешительные для них рассказы о боге Николае. Для них невдомек только одно: богачи и попы смеются над этими рассказами. Пусть беднота утешается своими собственными измышлениями, — так она будет терпеливее. Толстые свечи, их горластые колокола и сорокоусты, панихиды и заупокойные обедни показывают, что они лучше разбираются в деле. Они знают, что тот горемыка-мужик, который получил от Николая миску червонцев, первым делом велел написать огромный образ Николая чудотворца и заковал его в тяжелую серебряную ризу с золотым сиянием вокруг головы и попал в рай не за то, что когда-то приютил чудотворца, а за то, что, сделавшись церковным старостой, всегда прилежал к божьему храму: всегда подавал серебряный рубль на тарелку и в кружку, ставил толстенные свечи, сам зажигал лампадки и умиленно крестился перед ними. А как же там разобраться, что церковные деньги не отделялись у него от своих? Учитывали его прихожане, учитывали, да так, не разобравшись, и выбрали его в старосты еще раз и еще раз, а потом привыкли и перестали учитывать. И так у него все перемешалось и перепуталось, что и небесные, и адские счетчики и бухгалтеры не могли взять себе в толк, на какие деньги он живет, ставит свечи и покупает колокола.

Но, — возразит верующий читатель, — это — поповская, кулацкая и купецкая вера, а не та вера, которой учат отцы церкви. И начнет путать, и понесет околесицу о том, что говорят святые отцы об ангелах и дьяволах, о душе и теле, о страшном суде, об аде и рае.

Приходится познакомиться с тем, что говорит церковь обо всех этих вещах.

3

ОБ АДЕ, РАЕ И ОБ ИХ ОБИТАТЕЛЯХ

I

Я еще теперь хорошо помню, что с адом познакомился раньше, чем с раем. И помню, что адские муки всегда представлял себе яснее, чем райское блаженство. В нравственно-религиозном воспитании ад и его обитатели, — не к ночи будь они помянуты, — много важнее, чем рай и божии ангелы.

Развозишься бывало, дашь волю своему языку, а бабушка уже ворчит: «ах ты, озорник этакий! Вот, смотри, повесят тебя в аду за язык на крючок». А иногда уверяла, что за дерзкое слово придется языком лизать раскаленную сковородку.

Меня не смущало, что нельзя одновременно быть подвешенным за язык и тем же языком лизать сковородку. Очевидно, одни будут подвешены за язык, другие станут лизать раскаленную докрасна сковородку. И на картинках, изображающих ад, я сам видал то и другое.

Каково быть подвешенным за язык, я представлял себе не особенно ясно. Но одно знал твердо: лизать раскаленную сковородку, — это будет куда похуже, чем вылизывать блюдо после варенья или тарелку после сладкого пирога. Как-то в жестокий мороз старший братишка посоветовал мне лизнуть топор, только что принесенный с улицы. Он уверял, что будет очень сладко. Я лизнул. Не помню теперь, поднял ли я рев от этой сладости. Но еще и теперь чувствую на языке тогдашнее ощущение.

Для меня было ясно, что с раскаленной сковородкой выйдет то же самое, только еще большее и хуже.

Тогда бабушка мне говорила, что за хорошее поведение я попаду в рай. Картинки с изображениемрая

не производили на меня никакого впечатления. На четырехугольном большом ящике, опрокинутом вверх дном и накрытом расписным ковром, сидит дед с большой седой бородой, рядом с ним молодой мужчина без всякого выражения на лице, над ними и немного сзади голубь, а по бокам, сверху и снизу ангелы с перепутанными крыльями и руками и с умиленными лицами, и тут же два ряда мужчин и женщин в длинных рубахах и с почти одинаковыми лицами. Вот все, что художники умели рассказать на своих картинках о рае.

Бабушка рассказывала, что там постоянно поют райские птицы, цветут душистые цветы, никогда не бывает ни холода ни жары, и очень много винограда и яблок. Это было очень приятно, но как-то слабо затрагивало воображение. Нехорошо попасть в когти к нечистым, — это было ясно. Тем не менее даже мысль об аде не оказывала продолжительного действия. Отношение же к раю было почти равнодушным, и мысль о нем вызывала в глубине души некоторую скуку; однако в этом было боязно признаться. Во сне я, кажется, ни разу не попадал ни в ад, ни в рай. Бабушкины рассказы ненадолго волновали меня. В них сказывалась обычная старческая ворчливость, но не было стремления действительно напугать меня.

Еще я знал от бабушки, что чистые душеньки детей, если только они умерли крещеными, все попадают в рай. Когда я стал побольше, меня удивляло жестокосердие родителей, которые лечат заболевших детишек и, следовательно, отдалают переселение их душ в райские селения. А может быть и совсем лишают их райского блаженства. Кто знает, не вырастут ли они сорванцами, буянами, ругателями?

Бабушка много рассказывала мне о дьявольских проделках. Я любил слушать эти рассказы. И в настоящее время нахожу, что они были очень занимательны. Но теперь я знаю, что бабушка их не выдумала, а взяла из житий святых. Хотя многое и перемешивала и перепутывала. Но хорошо перепутывала. Суть всегда оставалась такая же, как в житиях.

Первые христиане живее и ярче представляли себе блаженство в райских селениях. Эти селения они помещали на земле, которая, как они верили, со вторым пришествием должна очиститься от греха и превратиться в рай.

Ириней, один из христианских учителей во втором веке, писал: «Придет время, когда будет расти виноград, каждый куст из десяти тысяч лоз, каждая лоза с десятью тысячами больших побегов, каждый побег с десятью тысячами ветвей, каждая ветвь с десятью тысячами гроздьев, в каждом из гроздьев до десяти тысяч ягод, и в каждой ягоде сока на двадцать ведер вина... Молодые девушки будут развлекаться в обществе юношей; старцы будут пользоваться такими же правами, и их печали рассеются среди удовольствий».

Преследуемые Римской империей, претерпевая страшные пытки, мученики укрепляли себя не столько мыслями об адских муках за отпадение, сколько мыслями о вечном блаженстве за верность своей вере. Они переносили «временные» муки, они добровольно отрекались в «этой жизни» от наслаждений, от всяких удобств, чтобы сподобиться за то радостей «будущей» жизни, которая, по их убеждению, должна была наступить для них в самом непродолжительном времени, — пожалуй, раньше, чем успеют истлеть их тела.

Несколько раз назначались сроки «конца мира» и «второго пришествия», после которого для воскресших праведников начнется новая блаженная жизнь. Уверенность в близости страшного суда была настолько яркая, что откладывались все попечения о земном.

Предсказания не оправдывались. Приходилось все истолковывать по-другому. В то же время среди учителей христианства появилось много людей, знакомых с римскими и греческими писателями. Они отвергали грубые, чувственные представления о рае. Они начинали говорить, что райское блаженство — в «лицезрении», в «созерцании» божества. Или же говорили, что никому, кроме ангелов и особо избранных святых, не

дано видеть бога. Блаженство — просто в близости к божеству.

Рай — не продолжение земной жизни, а совершенно новая жизнь. И находится она не на земле, а где-то там, далеко и высоко на небесах.

Но о таком бесцветном и бесплотном рае говорили только ученые люди, сделавшиеся христианами. Для широкой массы верующих рай оставался цветущим садом, переполненным виноградниками и яблоками и звенящим от пения птиц и ангелов. С такими представлениями о рае жили и умирали многие, с такими представлениями о нем шли на страдания и казнь многие мученики. Они веровали, что в раю их ожидают земные утехи.

Вот например, как один человек описывал рай, в который Филарет Милостивый попал после своей смерти и который этот человек посетил в сонном видении. «Однажды, — рассказывал он, — через несколько времени по кончине блаженного Филарета, ночью с ужасом почувствовал я себя перенесенным в какое-то место, которого нельзя и описать. Там я увидел какого-то человека, светлого видом, который показал мне огненную реку, протекающую так шумно и грозно, что зрелища сего не мог бы вынести никто из людей. По другую же сторону реки виден был прекрасный рай, полный невыразимой радости и веселия, благоухающий невыразимым ароматом. Громадные, красивые и многоплодные деревья колыхались там от тихого ветра и производили чудесный шелест. И невозможно даже передать на словах о всех благах того рая. И там я увидел множество людей в белых одеждах, радующихся и вкушающих плоды тех райских деревьев. Внимательно смотря на тех людей, я увидел одного мужа (то был Филарет, но я не узнал его), облеченного в светлую одежду, сидящего на золотом престоле посреди того сада. С одной стороны возле него стояли новопросвещенные дети со свечами в руках, с другой стороны — множество нищих и убогих в белых одеждах, которые теснились вокруг него, так как каждый из них хотел поближе подойти к нему», и т. д. (см. «Жития святых» под 1-м декабря, днем памяти Филарета).

Святой, как царь, сидит на престоле, и вокруг него, как придворные, теснятся святые, которые чином пониже. Дети остались детьми, нищие и убогие — нищими и убогими.

Филарет умер полторы тысячи лет тому назад, а рассказ о нем сложился много позже. И это описание рая, в котором друг и родственник Филарета будто бы узрел его, было сочинено церковью для того, чтобы оправдать провозглашение Филарета святым.

Но в таком рае уже не было привлекательности и заманчивости прежнего рая, от которого ждали самых чувственных наслаждений. Он был слишком уже неподвижен и скучноват. Из-за него трудно было бы обрекать себя на пожизненные лишения. Поведение спасающихся людей все больше начало определяться мыслью об аде и его страшных жителях. Спасающиеся бежали в пустыни, заключали себя в пещеры, обречали на пожизненное стояние на каменном столбе («столпник») для того, чтобы избавить себя от адских мучений. У них не было стремления к добру, они были глубоко равнодушны к своим ближним: они боялись их, потому что «ближние» несут с собою бесовские искушения. У них в сущности не было ненависти к злу: у них оставался почти только страх перед адом. Работы для ближних они не знали и не признавали. Вся их жизнь, все их помыслы были заняты борьбой с греховностью собственной природы и благочестивыми «упражнениями», задача которых — свое личное спасение.

Запугивая меня раскаленной сковородкой, бабушка применяла воспитательные приемы, давным-давно усвоенные христианством и многими другими религиями.

III

Но что такое ад? Где он находится и как о нем узнали?

Жития святых рассказывают, что около 250 года нашего летосчисления в Смирне был схвачен христианский пресвитер (священник) Пионий (церковь чтит память этого своего святого 11 марта). От него и дру-

гих христиан, арестованных вместе с ним, требовали, чтобы они принесли жертвы языческим богам. В ответ на это Пионий обличал пагубные заблуждения язычников и между прочим говорил:

«Вспомните об извержениях горы Этны и потоплении острова Сицилии. Если же это кажется вам далеко от вас, то подумайте о теплых водах, выходящих из земли: почему они нагреваются и бывают горячи? Не от огня ли, приготовленного для грешников внутри земли? Отсюда мы узнаем, что будет суд миру и казнь огнем для грешников от бога» (Минеи Четьи. Книга 7. М. 7906. Стр. 241—242).

Итак, то, что современные люди считают огнедышащими горами (вулканами), это для святого Пиония представлялось отдушиной в ад. С развитием горного дела люди дознались, отчего происходят землетрясения и извержения огнедышащих гор. Они узнали, что внутри земли такой большой жар, что все камни могут расплавиться от него и превратиться в огненную жидкость (в лаву). Они в конце концов поняли, что раньше и на поверхности земли был такой же жар и что вся она кипела и клочкотала от этого жара. Земля вся насквозь была тогда огненным адом. Тогда не было «грешников», — тогда ни люди, ни животные не могли бы существовать на земле. Какой же это огонь, «приготовленный для грешников»? Эта теплота с течением времени улетучивалась, и земля стала постепенно покрываться твердою корой. Только на огромной глубине еще сохранилась жара.

И поняли люди, что водяные источники, бьющие с большой глубины и проходящие через горячие пласты земли, должны кипеть горячим ключом. Признали это и теперешние церковные пастыри. Попы и епископы, монахи и митрополиты сами ездят лечиться на такие источники и не проклинаят своих «духовных чад», когда они отправляются купаться в воде, истекающей из самых «врат ада». Ну, а житие своего святого Пиония они рассказывают попрежнему и поддерживают в простаках веру, что их грешные души будут поджариваться на подземном огне.

Не могут же они прямо признать, что их святой Пионий был невежественный человек, и не могут они

отказаться от запугиваний: кто стал бы без запугиваний доставлять им доходы?

Если бы Пионий попал в некоторые области Кавказа и в особенности в Баку, он по возвращении рассказал бы, что был в самой передней у Вельзевула («князя бесовского»). А если бы он узнал о существовании острова Исландии, о вулканах Гекле и Крабле и о громадных столбах воды, бьющих из земли (гейзеры и другие), он стал бы потом говорить, что там слышно завывание бесов и истязаемых ими грешников и часто можно почуять серный дух, распространяемый дьяволами, вылетающими вместе с огнем.

Во всяком случае ад, по верованию христиан первых веков, помещался под землею. Там на вечном огне грешники вечно горели и не сгорали.

И по евангелиям так выходило. Иисус отправил грешников «в геенну огненную», «где будет плач и скрежет зубов».

IV

Страшно попасть в ад, который через земные отдушины исторгает столбы огня, клубы серного дыма и расплавленный камень. Всю жизнь надо устроить таким образом, чтобы спасти свою душу от вечных мучений.

В житиях святых (книга седьмая, стр. 171 в русском издании московской синодальной типографии) имеется назидательная «повесть о затворнике, которому бог открыл об участии принимающих милостыню». Она начинается так:

«Некоторый затворник весьма славился в монастыре своем, так как проводил в юности святую жизнь. Отрекшись от всех удовольствий мирских, он заключил себя в тесной келии и служил богу, умерщвляя тело свое постом и всенощным бдением, молясь владыке всего о себе и о всем мире и упражняясь умом своим в богомыслии. В определенное время он принимал небольшое количество пищи из рук служителя монастырского; а из того, что посылал бог через христиан братии монастырской — золота, серебра, пищи и вина, — он ничего никогда не брал себе».

Но однажды затворник поддался слабости. Пришел в монастырь начальник города и дал всей братии по сребреннику (серебряной монете), а затворнику дал златницу (золотую монету). Уступая настоятельным просьбам и «устыдившись сего честного мужа, старец взял златницу и положил себе в карман».

Вечером, сотворив положенные молитвы, затворник лег в своей келье, намереваясь немного уснуть. «И вот ему показалось, что он находится с остальной братией того монастыря на просторном поле; все поле то было наполнено тернием, и некоторый юноша (это был ангел господень) говорил монахам монастыря того: «жните терние».

Подошел этот юноша и к нему (затворнику) и сказал: «подпояшься и жни терние».

Когда же затворник начал отказываться, ангел сказал: «у тебя не должно быть никаких отговорок, потому что ты вчера нанялся с прочими монахами, взявшими у того христолюбца по сребреннику; ты взял златницу, и потому ты должен трудиться более других, пожиная терние, как принявший большую плату. Терние же, которое ты видишь, это — дела того человека, у которого вы вчера приняли милостыню; итак, приступи и жни с прочими».

«Проснувшись и размышляя о виденном, затворник весьма опечалился и тотчас послал за человеком, давшим ему милостыню, и упрашивал его взять свою златницу. Христолюбец же тот не хотел брать ее обратно и сказал затворнику: «оставь ее у себя, отче, или отдай ее кому хочешь».

«Тогда старец сказал ему: «я не хочу пожинать терния чужих грехов, не будучи в силах избавиться и от своего греховного терния. Затем он выбросил ту златницу из келии своей и затворил окно».

Все одинаково назидательно в этом рассказе, насквозь пропитанном торгашеским, даже капиталистическим духом. Подать милостыню, это значит нанять принимающего. Принявший должен отработать свою плату, — должен и может загладить часть грехов подающего («сжечь тернии» за него): «нанялся — про-

дался». Но чем больше он работает на других, тем меньше работает на себя: чем больше заглаживает чужих грехов, тем меньше уничтожает своих терний.

Столь же поучительно, что за серебряную монету наймиты сожнут меньше терниев, изгладят меньше грехов подающего, чем за золотую монету. Плохо же положение того, кто может подать только медяк, и совсем безнадежно положение не какого-нибудь монаха, а настоящего нищего, который всегда принимает милостыню и не в состоянии подать даже ломаного гроша. Не миновать ему ада! Рай существует только для богачей.

Не менее назидательно и поведение прославленного затворника. Вся жизнь его — только для себя, для отмаливания своих собственных грехов. Его обуяла такая безграничная жадность и такое безграничное себялюбие, что ничего не остается у него для ближнего. Он охватывается трепетом, когда узнает, что ему приходится поработать не только на себя, но и на другого, притом на какого другого? на «христолюбца», на «честного мужика»!

Спohватившись, что получается очень нехорошо, жития торопятся спасти славу затворника и заканчивают: «Узнав причину неприятия милостыни своей старцем, муж тот стал заботиться об исправлении своей жизни и начал творить многую милостыню нищим и убогим, помня, что по писанию милостынею и верою очищаются грехи».

Отказался работать на «христолюбца» затворник, так христолюбец заставил работать на себя «нищих и убогих». Не даром он был «начальник города», — много было у него сребренников и златниц.

И, разумеется, не отказалось работать на него и за него белое и черное духовенство, попы и монахи. Во всяком случае они охотно принимали у него и сребренники и златницы, уверяя, что начисто выполняют за него все тернии.

Очень хорошая повесть перепечатывается в житиях. Всем богатым она указывает способы миновать ад.

«Жития святых» рассказывают басни о том, как некоторые люди якобы побывали в аду и, возвратившись на землю, рассказывали, что они видели. Таков напр. Таксиот, о котором рассказывается в мартовской книге «Житий» (стр. 582—583). Таксиот жил в Карфагене и был «воин, проводивший жизнь свою в великих грехах». «Однажды город Карфаген постигла заразная болезнь, от которой умирало много людей; Таксиот пришел в страх, обратился к богу и покался в грехах своих. Оставив город, он с женою своею удалился в одно селение, где и пребывал, проводя время в богомыслии».

«Спустя некоторое время, по действию диавола, он впал в грех прелюбодеяния с женою земледельца, жившего с ними в соседстве; но по прошествии нескольких дней по совершении греха того он был ужален змеею и умер».

В третьем часу дня его похоронили, а в девятом часу услышали его крик, доносившийся из могилы. Могилу разрыли и нашли Таксиота живым. Таксиот плакал и рыдал, но на все расспросы не давал никакого ответа и, наконец, попросил отвести его к епископу. Епископ три дня упрашивал Таксиота рассказать, что он видел, но только на четвертый день погребенный стал разговаривать.

Сейчас мы не станем рассказывать, как он умирал и как его душа шла по мытарствам: об этом в житиях имеется более подробное повествование, которое будет изложено ниже. Достаточно только сказать, что его погубил последний грех. Ангелы, сопровождавшие его, говорили ему: «все телесные грехи, которые содеял ты, находясь в городе, простил тебе бог, так как ты покался в них». Но злые духи ответили: «когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женою земледельца твоего».

«Услыхав это, — рассказывал Таксиот, — ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому, и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз;

земля расступилась, и я, будучи введен узкими входами через тесные и смрадные скважины, сошел до самой глубины темниц адовых, где во тьме вечной заключены души грешников, где нет жизни людям, а одна вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов. Там всегда раздается отчаянный крик: «горе, горе нам! увы, увы!» И невозможно передать всех тамошних страданий, нельзя пересказать всех тех мук и болезней, которые я видел (это во «тьме-то вечной» видел!). Стонут из глубины души, и никто о них не милосердствует; плачут, и нет утешающего; молят, и нет внимающего им и избавляющего их. И я был заключен в тех мрачных, полных ужасной скорби местах, и плакал я, и горько рыдал от третьего часа до девятого».

Очевидно, Таксиот-воин никогда не слышал об огнедышащих горах и горячих источниках. Поэтому, хотя и для него ад находился под землею, однако, в его описании ада нет пламени и огня, — и вообще он очень мало расширяет христианские представления об этом учреждении: «адовы темницы», «вечная мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов», «тьма вечная». Обо всем этом давно уже рассказывали не только христиане, но и так называемые язычники, например древние греки. Из-за этого не стоило пускаться в загробное путешествие.

Поучительнее рассказ о том, как Таксиот возвратился на землю.

«Потом, — продолжал Таксиот, — увидел я малый свет и пришедших туда двух ангелов; я прилежно стал умолять их о том, чтобы они извели меня из того бедственного места для раскаяния перед богом. Ангелы сказали мне: «напрасно ты молишься, — никто не исходит отсюда, пока не настанет время всеобщего воскресения».

«Но так как я продолжал усиленно просить и умолять их и обещался раскаяться во грехах, то один ангел сказал другому: «поручаешься ли за него в том, что он покается, и притом от всего сердца, как обещается?» Другой сказал: «поручаюсь». Потом подал ему руку».

Выходит, что у ангелов совершенно такие же обычаи, как у людей. И выходит, что из адовых темниц все же кое-кого выпускают, но только под поручительство ангела: совершенно так же, как у людей некоторых заключенных в тюрьмах выпускают под надежное поручительство, «отдают на поруки». Неизвестно только, кто у кого заимствовал все это: люди ли у ангелов или ангелы у людей.

Ударив по рукам, — говорит Таксиот, — ангелы «вывели меня оттуда на землю и провели к гробу, где лежало тело мое, и сказали мне: «войди в то, с чем ты разлучился».

«И вот я видел, что душа моя светится, как бисер, а мертвое тело — как грязь, черно и издает зловоние, и потому я не хотел войти в него. Ангелы сказали мне: «Невозможно тебе покаяться без тела, которым совершал грехи». Но я умолял их о том, чтобы мне не входить в тело. «Войди, сказали ангелы, а иначе мы опять отведем тебя туда, откуда взяли».

Угроза подействовала. «Тогда я вошел, ожил и начал кричать». Этот-то крик слышали и разрыли могилу.

«Жития» рассказывают, что по воскрешении Таксиот прожил сорок дней и очистил себя покаянием. Конечно, за ним после того не осталось никаких долгов, и добыча на этот раз вырвалась от злых духов, хотя и побывала в аду.

VI

Ровно тысячу лет тому назад в Константинополе неизвестно откуда появился человек, который называл себя Василием. Самые страшные пытки не могли вынудить у него признания, кто он такой и откуда. Он быстро завязал широкие и тесные знакомства среди знати и купцов.

В разлагающемся высшем обществе Византии он скоро стяжал славу чудотворца, провидца и высокоумного человека. Из его жития видно, что он принимал самое прямое участие в дворцовых переворотах, обычных в те времена.

«Его почитали не только миряне, но также многие из духовных: иноки, иереи и священники нередко посещали святого и получали от него помощь душе и телу. Князья же и вельможи призывали его в дома свои, прося посетить недужных и молиться о них. И когда блаженный приходил куда-нибудь к больным, то сейчас же с молитвою возлагал на них руки и исцелял их; бесов же прогонял единым словом... Он же возвестил царице Елене, супруге царя Константина Багрянородного, что она родит сначала дочь, а потом сына, который, придя в возраст, воцарится, — что и исполнилось». Да и вообще он был очень близок к придворным кругам.

Этот Василий напоминает тех людей, которые в древней России назывались юродивыми и блаженными, — с той, впрочем, разницей, что в его юродстве было очень много напускного и деланного, если только все его юродство не было ловкой подделкой. Поэтому он в несравненно большей мере напоминает людей, которые при дворе последних Романовых назывались «старцами» и так сильно поспособствовали крушению этой семьи вырождков. И не даром в житиях этот Василий называется «Василием Новым», а Григорию Распутину дали другую фамилию: Григорий Новых.

Старец Василий, по рассказу «Житий святых», жил тысячу лет тому назад. Не было тогда силы, которая задержала бы полное разложение греческого общества, и не было силы, которая революционным способом устранила бы паразитов, виновных в его разложении. Поэтому, едва Василий скончался, как церковь поспешила причислить его к лику своих праведников. И основанием для того послужили рассказы о его удивительном будто бы даре прозрения и о многих совершенных им исцелениях и чудесах: путешествии по морю на дельфинах, изгнании бесов. Но главным основанием для прославления «преподобного Василия Нового», — так называет его церковь (память этого бога приходится на 26 марта), — послужило следующее:

«После того (после смерти Василия) было видение одному благочестивому мужу, жившему в Царьграде.

Он увидел дом великий и прекрасный, у которого врата были украшены золотом и драгоценными камнями, а над ними находилась надпись, гласившая: «обитель и вечный покой блаженного Василия Нового». Прочитав эту надпись, муж тот стал удивляться красоте здания. Тогда из него вышел прекрасный юноша и сказал благочестивому цареградцу (т. е. жителю Константинополя, «Царьграда»): «Чему ты так удивляешься? Вот ты увидишь нечто еще более дивное».

«С этими словами он отверз врата здания, и глазам удивленного мужа предстали палаты весьма высокие и прекрасные, красота коих превосходит все, что только можно вообразить. В одной из палат он увидел преподобного Василия, сидящего среди великой славы на царском престоле и окруженного многими светлыми мужами и юношами. Видны были там и сады прекрасные, переполненные всем, что только может радовать и веселить сердце человеческое. При этом был слышен глас, исходящий изнутри: «такое воздаяние приемлют по преставлении все возлюбившие бога и усердно послужившие ему».

«Сие видение муж тот поведал многим», и дело было кончено: «все слышавшие прославили бога, почитая память угодника божия преподобного отца нашего Василия Нового».

Так просто в старые времена возводились в чин святых. Да и совсем в недавние времена дело обставлялось столь же просто.

Как и в случае с Филаретом Милостивым (см. выше, стр. 99), кому-то приснилось, что Василий обитает и вечно покоится в «палатах, весьма высоких и прекрасных», сидит на царском престоле «среди великой славы, окруженный многими светлыми мужами и юношами», значит, он святой. И «Жития» до сих пор посвящают его жизни более полусотни страниц! И много, неисчислимо много таких же святых найдется в этих житиях.

Житие Василия Нового не особенно щедро в описании рая. Рай Василия Нового — это тот же дворец с роскошными садами, престолом и окружающими его придворными. Скучное воображение «благочестивого

мужа» даже придворную обстановку изобразило очень плохо. «Прекрасный юноша» — это все, что осталось от девяти чинов ангельских, составляющих в других «видениях» великие полчища.

Но мы не ради рая, а ради ада, и не столько ради ангелов, сколько ради бесов, останавливались на житии Василия Нового. Из него попы до сих пор черпают свои знания о том, как умирает человек и что делается с ним по смерти, и этими знаниями пичкают и обрабатывают верующую простоту.

VII

Заведя знакомство с константинопольской знатью, Василий поселился у «благочестивого и боголюбивого гражданина Константина, прозванного Варваром». Константин обставил келью для блаженного «подобно тому, как это сделала некогда сонамитянка для пророка Елисея», «затем поручил некоей добродетельной старице Феодоре, давно овдовевшей и много лет проводившей жизнь в богоугодном целомудрии, прислуживать человеку божью. Блаженная старица, живя в горнице, находившейся недалеко от кельи преподобного, усердно прислуживала ему, как ангелу божью. Если кто-нибудь приходил, желая видеть святого Василия и побеседовать с ним, Феодора извещала о нем преподобного, а тот приходил из своей кельи в ее горницу и здесь принимал приходившего».

Значит еще при жизни старец Василий был возведен старицей Феодорой в святые и почитался за ангела божия. Неизвестно только, откуда Феодора узнала, что у божиих ангелов имеются слуги, и откуда узнала, как эти слуги прислуживают своим господам.

Среди близких к Василию людей был «один мирянин, по имени Григорий, который сделался учеником святого и очевидцем многих чудес его и который впоследствии написал пространное житие его».

«От скончавшихся родителей своих он получил в наследство дом в Константинополе и много имений». Имения были, несомненно, очень доходные:

Григорий «со всяким благолепием» украшал излюбленную им церковь Стефана. Этот самый Григорий вставил в написанное им житие огромный рассказ о бывшем ему «сонном видении»; из этого сна святая церковь знает большую часть того, что, по ее уверениям, она знает об участи, ожидающей ее праведников и ее грешников перед гробом и за гробом. Один из высших сановников русской церкви, епископ Игнатий Брянчанинов, лет сорок-пятьдесят тому назад написал большую книгу: «Слово о смерти». И главный материал этой книги — рассказ Григория, вставленный Григорием в его описание жизни Василия Нового.

Истинный христианин не может не верить этому рассказу: он дан в житии чтимого святого, и это житие вместе с рассказом о посмертных приключениях и похождениях человека до сих пор перепечатывалось во всех пространных синодских изданиях житий святых. В больших поминаньях для назидания верующих нередко перепечатываются многие сведения из того же рассказа. И у благочестивых старушек до сих пор мороз пробегает по морщинистой коже, когда они слышат о страшных испытаниях, которые им предстоит пережить в самом непродолжительном времени. Ибо этих испытаний не избежит ни одна душа человеческая. Избегнут, впрочем, нехристианские души. Но и тем от этого не будет слаще.

Дело началось так. Блаженная старица Феодора, прислуживавшая преподобному старцу Василию, «приняв иноческий чин, представилась ко господу...». Григорий возымел сильное желание узнать, где находится по преставлении своем Феодора, на десной или на левой стороне, с праведниками или с грешниками, и сподобилась ли она получить от бога милость или какую-нибудь отраду за свою усердную службу старцу. Помышляя об этом, он часто молил преподобного Василия, прося его поведать о душе почившей Феодоры, ибо Григорий веровал, что святому угоднику божию открыто все о почившей. Досаждаемый частыми просьбами, святой старец, не желая отказом опечалить своего духовного сына, помолился к господу, прося

его открыть Григорию в видении о том, что стало с душою Феодоры по преставлении ее.

«В следовавшую затем ночь Григорий в своем видении сподобился увидеть блаженную Феодору в светлой обители, которая была уготована богом преподобному Василию. В сей-то обители, небесною славой озаренной и неизреченных благ исполненной, блаженная Феодора, молитвами угодника божия, и была водворена. Таким образом, кому она усердно и трудолюбиво служила в сем мире, в обители того сподобилась пребывать в жизни вечной, по его святым молитвам».

Ангелы по своему значению разделяются на чины, чины существуют и между праведными. Василий получил в раю собственные чертоги, — собственный дворец с подобающим штатом придворных. А вот Феодоре, которая при жизни прислуживала Василию, отведено какое-то помещение в покоях Василия. И, кто знает, не придется ли ей и там прислуживать Василию, как ангелу божью? Точно так же Василий по смерти восседает «среди великой славы на царском престоле», — а вокруг него то ли просто сидят, то ли стоят для его услаждения «многие светлые мужи и юноши». Уйдя из земного общества с его царскими престолами и с чинами, душа человеческая в раю опять встречается с ними. Кто у кого все это заимствовал? Рай у людей или люди урая?

Но здесь является вопрос, как же Григорий узнал Феодору, или, вернее, ее душу? На земле он знал древнюю старуху. Какой стала ее душа по переселении в рай?

И так называемые священные писания, и жития святых отвечают на вопрос так же, как отвечают народные представления и представления всех культурных, полукультурных и диких народов. Душа имеет совершенно такой же вид, какой перед смертью имело тело. Если у скончавшегося была длинная седая борода, как по картинкам была у библейского пророка Самуила, то и его дух, вызванный живым, например, аэндорской волшебницей по просьбе Саула, предстанет перед ним в таком же виде. Если у покойника был

большой красный рубец на лице, с таким рубцом его душа перейдет в царство небесное. Если человек умер младенцем, младенцем выглядит и его душа — неизвестно только, младенческое ли у него разумение.

Хуже только с одеждой. Древние видели души скончавшихся как раз в тех облачениях, в каких ходили тогда сами. В старой Руси несколько князей церковь признала святыми. И эти царственные праведники ходили по смерти в том самом мундире, который по их должности был им присвоен здесь, на земле.

Но вот современных, теперешних костюмов на том свете не признают. Даже на адские муки теперешние грешники отправляются не в пиджаках, сюртуках, бальных платьях, сапогах, башмаках и т. д., а или в чем мать родила, или же в однообразном одеянии, которое, как в приютах, почти для всех одно и то же: длинная прямая рубаха и сандалии. Впрочем, попам, монахам и митрополитам, повидимому, и там разрешается носить не казенную, а собственную одежду, — такую, какую на земле они носили по своему сану.

Во всяком случае, фигура и лицо у души совершенно такие же, как у тела. Душа, это — точный портрет тела.

Так рисуется, между прочим, и на картинках, изображающих смерть богородицы. Тело лежит мертвое, на смертном одре, окруженное апостолами и знакомыми с одинаковым благочестивым выражением на лице. А сзади возносится на небо ее сын, у которого на руках маленькая кукла, как две капли воды похожая на скончавшуюся. Это — не кукла, а душа скончавшейся богородицы.

Таким образом, встретившись с Феодорой, Григорий легко мог узнать ее и, узнав, обрадовался и, конечно, поспешил расспросить, «как она разлучилась от тела, как претерпела смертные страдания, что видела по своей кончине и как миновала она воздушных духов», т. е. бесов, заведующих мытарствами. Мы скоро узнаем, что это за учреждение — мытарства. А теперь просто отметим, что, значит, Григорий уже раньше слышал и о воздушных духах, и о мытарствах и в своем сне просто получил «подтверждение» того, во

что он верил раньше. Ничего нового он не узнал. Только во сне все вышло страшнее и ярче.

Ответом на вопросы Григория послужил длинный рассказ Феодоры, который мог бы послужить украшением какого-нибудь сборника сказок с духами и привидениями. К сожалению, нам приходится сильно сократить его.

VIII

Но прежде всего — несколько пояснений к дальнейшему. Негры представляют богов чернокожими, а дьяволы у них иногда бывали и белолицыми. В особенности часто так бывает после того, как неграм придется испытать на себе всю зверскую беспощадность и бесчеловечную алчность европейских купцов, солдат и чиновников.

Для христиан-европейцев естественный цвет дьявола — беспросветно черный. Нечистый насквозь прокоптился в аду. В ребячестве я чаще всего представлял себе дьявола в образе трубочиста, и всякий трубочист казался мне если не самим дьяволом, то по крайней мере его племянником. Дьявол для европейцев всегда смахивает на негра или «эфиопа».

А боги, главные и второстепенные, представляются им белыми и светлыми.

И еще одно пояснение. Книг и тетрадей в старину не было. Писали на пергаменте — особым образом выделанной телячьей коже, — позже явилась бумага. Листы не сшивали в тетрадь или в книгу, а скрепляли в длинную полосу, которую закручивали, свивали в валик, в свиток, хартию. Купцы и ростовщики вели свои торговые записи на таких же свитках. Так было у людей. Мы сейчас увидим, что обитатели ада и рая в искусстве записей вообще и торговых записей в частности тоже не пошли дальше.

Итак Феодора рассказывает:

«Когда я приблизилась к концу жизни моей, и настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов, стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели, как угли огненные, и весь вид их был столь же страшен, как

вид огненной геенны. И начали они производить шум и смятение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как псы, некоторые выли, как волки; при этом все они, с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготовляли они и хартии, как бы в ожидании судьи некоего, имеющего притти туда, и развертывали свитки, на которых были написаны все злые дела мои. И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другою смертью, более тяжкою и лютою. Я старалась отворачивать взор мой от видения то в одну сторону, то в другую, чтобы не видеть мне страшных эфиопов, не слышать голоса их, но никак не могла избавиться от них, — ибо везде было их бесчисленное множество, и не было никого, кто бы помог мне».

Но вдруг Феодора увидела двух светозарных ангелов божиих, — очевидно, одного против такой нечистой силы было бы маловато. «Лица их были светлее солнца» (но ведь в таком случае их нельзя видеть), «очи ласково взирали на меня, волосы на головах были белы, как снег, вокруг голов разливалось златовидное сияние, одежда у них блистала, как молния, и была на груди крестообразно опоясана золотыми поясами», — все, как полагается изображениям на иконах.

«И вот один светоносный юноша гневно сказал им (эфиопам): «о, бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем вы всегда поспешаете преждевременно к умирающим и своим бесстыдным шумом устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но теперь прекратите свою радость, так как здесь вы не приобретете ничего, так как с нею божие милосердие».

Эфиопы заволновались «и начали с криком покаявать написания злых дел моих, содеянных с юности».

«Так говоря, они стояли в ожидании смерти».

А смерть, по церковным воззрениям, выраженным в житиях, это — особое божество, наряду с многочисленными добрыми и злыми богами, которые признаются церковью. И изображается она с знаками своей власти, как изображаются боги язычников.

«И вот пришла смерть, рыкая, как лев, вид ее был очень страшен, она имела некоторое подобие человека, но тела совсем не имела и была составлена из одних только обнаженных костей человеческих. С собой она несла различные орудия мучений: мечи, стрелы, копыя, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла и иные орудия неизвестные». Надо полагать, все это она тащила в мешке за спиной на плече, как плотники таскают свой инструмент: рук нехватило бы для такого набора.

«Тотчас же смерть приступила ко мне и, взяв секиру, отсекла сперва ноги мои, потом руки, затем при посредстве другого орудия все остальные части моего тела разрушила и члены от суставов отделила. И не имела я ни рук, ни ног, и все тело мое омертвело. Смерть же взяла и отсекла голову мою, так что я не могла повернуть головою и она была мне чужою».

И жалкая же, несчастная эта саботажница, христианская богиня смерти! Она копается над человеческим телом, как средневековый палач, подвергающий преступника четвертованию. Да и куда годится она со своими средневековыми орудиями: серпами, стрелами, косами и т. д.? Что может поделаться она на современной войне, когда от крупного снаряда весь человек исчезает бесследно, буквально в один миг? Или при взрыве какого-нибудь броненосца, когда в миг же разрываются, сгорают и без следа разносятся в разные стороны сотни людей? Ей остается только еще шире разинуть от изумления свой костлявый рот и еще шире раскрыть свои глазные впадины под пустым лбом. Нет, для нашего времени такая богиня смерти никуда не годится!

Повозившись над телом старицы Феодоры и отрубив у нее голову, смерть все еще не окончила своего дела. «После всего смерть сделала раствор в чаше и, преподнеся его к моим устам, напоила меня». Старая Феодора, верно, начинала заговариваться на земле, а

потому заговаривалась и ее душа в райских селениях. Если голова была отрублена, как же смерть сумела напоить раствором все тело? Но Феодора рассказывает: «И столь горек был раствор тот, что душа моя, не имея сил стерпеть горечи, содрогнулась и вышла из тела, как бы насильно оторванная от него. Святые ангелы тотчас же приняли ее на руки свои. Взглянув назад, я увидела тело мое, лежащее бездушным, бесчувственным и недвижимым. Свлекая его, как свлекают одежду, я смотрела на него с безмерным удивлением».

Итак, хотя смерть четвертовала Феодору: отрубила ей ноги, руки и голову, душа держалась так крепко, что ее пришлось выкуривать горечью. И тело после всех пыток оставалось целехонько. Душа же вышла из него, как рука из перчатки.

Такие представления о душе были не у одних только христиан. Так же представляли ее себе древние греки и римляне, так представляют ее дикие и полудикие народы.

IX

Итак, ангелы взяли исторгнутую из тела душу. «В это время бесы, явившиеся в образе эфиопов, — продолжает Феодора, — обступили ангелов, державших меня, и начали вопить, показывая написания грехов моих: «множество грехов имеет душа эта, — поэтому пусть дает она ответ перед нами».

Но здесь пришли на выручку ангелы и начали вспоминать все добрые дела Феодоры. «Они припоминали, когда я с усердием приходила в церковь и с умилением и сердечным сокрушением молилась там, слушая со вниманием пение и чтение церковных молитв и песнопений, когда приносила в церковь фимиам и свечи или иное какое-нибудь приношение, или вливала деревянное масло в лампы и с благоговением лобызала самые честные иконы».

Благочестивому христианскому рассказчику невдомек, что такое же значение имеют для язычников жертвы, приносимые ими своим богам, и лобызание собственных идолов. И языческие священники убеж-

дают своих верующих, что необходимо зажигать огонь перед идолами и приносить всякие дары в храмы. Значит, и языческие, и христианские боги одинаково любят смотреть на огоньки, их одинаково подкупают, ставя перед ними свечи, подливая масла в лампы, зажигая огоньки. Но удивителен этот все- сильный христианский бог, которому, как и языческим, приходится ждать огня и других жертв от людей! Сам он ничего для себя не промыслит.

Бесконечно тоскливо было бы перечислять все «добрые дела», которые припоминали за Феодорой ее судебные защитники. Должно быть, это — совершенно бездельные, праздные существа, не пригодные ни к чему путному и серьезному. И если напомнить, что на земле живут сотни миллионов людей и ежедневно умирают многие миллионы, то какая же несметная армия бездельников занята подобными пустяками.

Защитники Феодоры дошли до того, что, как рассказывает она, «приводили на память, когда я воздержанно проводила время и когда по средам и пятницам и во все святые посты постилась, и сколько творила поклонов и простаивала ночных бдений». «Все это и все другие малейшие добрые дела мои святые ангелы собирали, готовясь положить их на весы против моих злых дел. Эфиопы же, видя это, скрежетали на меня зубами, желая похитить меня из рук ангельских и низвести на самое дно ада».

Уже здесь началось то ли судебное состязание, то ли лавочный торг между ангелами и бесами, — упоминается уже о весах, как во всамделишной лавочке.

«Но в это время неожиданно явился там преподобный Василий и сказал святым ангелам: «Властелины мои, сия душа много послужила мне, угождая моей старости; я молился богу о даровании мне ее, и господь ниспослал мне сию душу», — для услужения Василию?»

«Сказав это, он вынул из-под одежды своей мешок, чем-то наполненный (думаю, что в нем было одно чистое золото), и дал его святым ангелам, сказав при этом: «Когда вы будете проходить воздушные мытарства и лукавые духи начнут истязать душу сию, вы

искупите ее этим от долгов ее. Благодатию божиею, я богат и много собрал сокровищ трудами и потом своим, — и вот я дарю мешок душе сей, послужившей мне».

А и мало же своего, самостоятельного в этом загробном мире по сравнению с земным миром! Византия, в которой жил Василий Новый, была насквозь пропитана крупно-торгашеским духом. Через нее шла в то время вся торговля с Востоком (Малой Азией, Закавказьем, Индией), который по своему экономическому развитию был тогда много выше Европы. Здесь разворачивали свои операции крупнейшие купцы и крупнейшие ростовщики, эти банкиры своего времени. Золото было предметом самых пламенных вожделений. На золото расценивались все человеческие отношения: и воинская доблесть, и честь, и грехи, и святыя дела.

И вот мы видим, что в загробном мире грехи и святыя дела тоже расцениваются на золото и выражаются на ростовщическом языке. Своей святой жизнью Василий достиг «богатства», — собрал «сокровища трудами и потом своим», — как говорил о себе купец или ростовщик, пускающий в оборот свои капиталы. И Василий пришел с земли с мешком, в котором, надо полагать, «было одно чистое золото». И этим-то золотом он хочет выкупить из долгового рабства у бесов душу несчастной Феодоры. Словом, на каждом шагу в загробной жизни торгашеский язык, торгашеские нравы и торгашеские понятия.

Дальше — то же самое. Нам уже много раз встречалось слово «мытарства», и много раз мы слышали упоминание о «шествии души по мытарствам». Что это такое?

Жития и на этот счет не оставляют нас в неизвестности.

Мытарства, — пишут они, — нечто вроде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к престолу небесного судии. При них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в представлении им на вид противоположного этому греху доброго дела.

Названия «мытарства» и «мытари» заимствованы из истории еврейской. Мытарями у евреев назывались люди, назначаемые римлянами для сбора податей. Они обыкновенно брали на откуп соби́рание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, не пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Мытари стояли при особых таможенных, или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались мытницами, «мытарствами».

«Мытарь», «мытарство», «мытницы», это — переводы на старый русский язык. Таможенная пошлина называлась у нас «мытом» или «мытным». О старинных «мытницах» до сих пор напоминает селение Мытищи, километрах в двадцати от Москвы, и так называемый Мытный двор и Мытный переулочек в московском Китай-городе.

Еще в первой половине пятого века, т. е. полторы тысячи лет тому назад, душа превратилась для христианской церкви в товар, а ее загробная дорога — в торговый путь, прегражденный многочисленными заставами. Превращение это совершилось прежде всего в Александрии, городе, лежащем при впадении Нила в Средиземное море, одном из наиболее выдающихся центров мировой торговли того времени, как Константинополь сделался центром мировой торговли десятого века.

Пути мировой торговли того времени были полны трудов и великих опасностей. На море и на суше суда и караваны подстерегались сухопутными разбойниками и пиратами. И этими разбойниками и пиратами были не какие-нибудь люди, гонимые законом и государством, а сами государи и князья.

На сухопутных дорогах государи, рыцари и князья узаконили свои грабежи. При вступлении товаров в их владения они брали таможенные пошлины разных наименований и под разными предлогами: за охрану, которой в действительности не давалось, за поправку дорог и мостов, которых никто не устраивал и не поправлял, за беспокойство, за потраву растительности, просто за прикосновение к своей земле и т. д. Государства были крохотные. Бывало, что на протяжении

какой-нибудь сотни километров приходилось несколько раз останавливаться перед заставами и уплачивать таможенные поборы в пользу князя и в пользу самих сборщиков. А дорожные разбойники в свою очередь устраивали заставы, — сегодня здесь, завтра в другом месте, вчера внезапно выскакивали из перелеска, а сегодня — из оврага.

Многотруден и полон опасностей был путь товара, сделавшегося предметом мировой торговли. Кирилл, епископ александрийский в пятом веке, и Григорий, друг Василия Нового, человек, далеко не чуждый мировой торговле того времени, не нашли ничего более страшного для души человеческой, как представить ее товаром, совершающим свой загробный путь от одной таможенной заставы к другой.

И тяжело же приходилось купцам того времени от мытарей — таможенных чиновников и откупщиков таможенных сборов. Не даром к ним приравнивали бесов, преграждающих душе человеческой путь к раю, к тому месту, где товар, душа человеческая, получит ту оценку, из-за которой она пускается в путь, полный непредвиденных случайностей и опасностей.

Ну, а купцы, препровождающие этот товар в страну, где он будет окончательно пристроен, это, конечно, ангелы, сопутствующие душе человеческой в ее загробном странствовании. Они станут доказывать, что все сборы уплачены еще в той стране, из которой вышел товар. На случай же, если их доводы не подействуют, они запаслись мешком с золотом, чтобы добиться от беспощадных таможенных стражей пропуска своего товара, души человеческой.

Х

Возвратимся же к душе человеческой, которая трепетно ждет начала своего путешествия.

Итак, Василий принес мешок со своим золотом и ушел. «Лукавые же бесы, видя это, пришли в недоумение, а затем, огласив воздух плачем, скрылись».

«Между тем угодник божий Василий снова пришел и принес с собою много сосудов чистого елея и мира многоценного; открывая сосуды один за другим, он

возливал елей и миро на меня, так что я исполнилась духовного благоухания и вместе с тем изменилась и стала светлым существом».

Словом, приняты всевозможные меры для того, чтобы показать товар лицом. Но удивительное дело: и в загробном мире миро оказывается многоценным. Неизвестно только, откуда знает это душа Феодоры. Вернее всего «миро» было такое, какое она видала и на земле. Но плохо же в таком случае поставлено парфюмерное производство у святых, если они не додумались до чего-либо лучшего, чем имеется у людей. И, дальше, неужели и там кто-нибудь торгует такими вещами, как на земле торгуют попы? А ведь только в этом случае миро имело бы какую-нибудь цену и могло бы быть «многоценным». Либо миро не похоже ни на что земное. Как же может знать тогда Феодора, что за него платят высокую цену? Не лучше ли представить себе, что в раю текут целые реки из мира и что оно так же не имеет никакой цены, как наша простая вода в наших обыкновенных реках?

Но Феодора все прикидывает на золото. И, прикидывая на золото по-земному, она тем не менее «стала светлым существом».

Василий обратился к ангелам с последнею просьбой: «владыки мои, после того, как совершите все необходимое для души сей, введите ее в уготованную мне от господа обитель, и пусть она пребывает там».

Значит, те палаты, в которых по смерти Василия некий благочестивый муж увидел его восседающим на престоле, были построены в раю очень заблаговременно: Василий пришел к готовой казенной квартире. И обо всем этом: и о свидании с душою Феодоры, и о видении благочестивого мужа, поведало нам одно и то же лицо — Григорий, ученик и друг Василия. И оно же, рассказав Василию о своем сне, сообщило ему, что райский дворец для него закончен постройкой.

Ну, а где расселяют праведников попроще и чином пониже? В избышках? Под лестницами дворцов Филарета, Василия и других? Или они ночуют просто под райскими деревьями и кустами? И какое же это блаженство, — толкаться с другими, чтобы подойти

поближе не к богу, а всего лишь к Василию или Филарету?

Наконец, Феодора с ангелами двинулись в путь.

«Когда мы поднимались от земли к высоте небесной, нас встретили сначала воздушные духи первого мытарства, на котором судят за грехи языка, за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное. Тут мы остановились, и бесы вынесли к нам свитки, на которых были написаны все легкомысленные слова, сказанные мною от юности, — все что я говорила неразумного и скверного, особенно же кощунственные и смехотворные речи, которые я допускала произносить в юности, как это бывает у многих. Предстали передо мною там все мирские бесстыдные песни, которые я пела когда-то, все бесчинные восклицания мои, все мои легкомысленные речи, и бесы обличали меня всем тем, указывая времена, места и лица, когда, где и с кем я предавалась грешным беседам... Видя все это, я молчала, как безгласная, потому что не имела что-либо сказать лукавым духам: они обличали меня вполне справедливо, — и я удивлялась, как они ничего не забыли, ибо много лет прошло с тех пор, как все эти грехи были сделаны мною, и я давно забыла о них... Они же приводили все слова мои, как будто они были только что произнесены мною, все подробно и до тонкостей припоминали, как оно и было в действительности».

Удивительно праздный и бездельный народ эти бесы!

Но и то сказать: добрые спутники Феодоры несколько не деловитее. Феодора рассказывает: «когда я со стыдом молчала, в то же время трепеща от страха, святые ангелы в противовес тем грехам моим представили нечто из моих добрых дел, содеянных в последние годы жизни моей». Мы уже видели, как пусты, ничтожны, каким себялюбием были проникнуты эти «добрые дела»: отбила столько-то поклонов, вливала деревянное масло в лампы, лобызала иконы и т. д. И ангелы, состязаясь с бесами в праздности, всему этому ведут аккуратный бухгалтерский учет.

Уже здесь сопоставление дебета и кредита повернулось не в пользу Феодоры. «Так как святые ангелы

не могли перевесить тяжести грехов моих, то недостаток восполнили из того, что было даровано преподобным отцом моим Василием». Значит, на первой же заставе пришлось уплатить таможенную пошлину.

То же повторилось и на следующих мытарствах. На мытарстве чревоугодия «злые духи тотчас же убежали нам навстречу, радуясь, как-будто приобрели что-либо... При этом одни из них держали блюда и сковороды с яствами, другие же — чаши и кружки с питием, и я увидела, что пища та и питье были подобны смердящему гною и нечистым испражнениям. Святые ангелы, взяв не мало от дарованного преподобным Василием, положили за меня выкуп».

«Поднимаясь со мною выше, ангелы стали там беседовать друг с другом: поистине великую помощь имеет душа эта от угодника божия Василия, если бы его труды и молитвы не помогали ей, великую нужду претерпела бы она, переходя через воздушные пространства».

Получается очень поучительный вывод: очень полезно получить заручку какого-нибудь человека, достаточно влиятельного в загробных пространствах. И лучше всего заручиться поддержкой церкви, которая деянием своих святых накопила много «золота». Этим «золотом» она сумеет выкупить на «заставах» грешные души человеческие, если те своими дарами духовенству снискали благодать церкви.

Значит, почаще ходи в церковь да побольше давай духовенству, — и тогда не страшны будут тебе «эффиопы»: своим «золотом» церковь выкупит душу из эфиопского плена.

Так-то и шествовала душа Феодоры: где, ссылаясь на плату, внесенную самой Феодорой, а где уплачивая золотом из мешка, оставленного Василием, душа ее попала, наконец, в селения райские. Феодора рассказывает Григорию: «видела я там обители апостольские, пророческие, мученические, преподобнические и другие, особые для каждого чина святых. Каждая обитель была неизреченной красоты, широтою и длиною равнялась, сказала бы я, Царьграду (Константинополю), но при этом отличалась несравненно боль-

шею красотою, имея много светлых палат нерукотворных».

Для Феодоры — или для Григория — Константинополь был, действительно, «всем городам царь», — и по величине и по роскоши. Поэтому их рай, очевидно, очень сильно смахивает на богатейшие части Константинополя. Оба они — горожане, и в их представлениях ничего не осталось от того прекрасного сада на Востоке, каким был библейский рай и каким оставался рай Филарета Милостивого.

Оба они знали разделение на «чины» при дворе византийских (греческих) императоров. На такие же «чины» разделяются у них и праведники. Но неужели один «чин» не завидовал другому? Неужели же между ними не шла такая же мелкая борьба и подсиживание, как при дворе земного греческого царя?

Показав Феодоре место мучений и райские обители, ангелы водворили ее в палатах, предназначенных для Василия. И Феодора поняла, что «пришла в это место успокоения в сороковой день по разлучении от тела».

Сонное «видение» Григория сочинено церковниками для того, чтобы в точности подтвердить все, что церковь втолковывала и втолковывает о загробных скитаниях души человеческой. Оно призвано служить как бы «достоверным свидетельством» о загробной жизни.

XI

Ангелы — боги: они знают все хорошее, что содеял человек в своей жизни, хотя бы это хорошее было таким пустым, ничтожным и мелким, как «добрые дела» Феодоры. У ангелов есть нечто от того всеведения, которое христиане приписывают своему главному богу.

Но бесы — тоже боги. Они «подробно и до тонкостей» знают все злые дела человека, подбираемые ими с усердием досужих бездельников. Притом бесы каждой заставы, едва лишь к ней подойдет душа человеческая в своих сорокадневных блужданиях, уже вычитывают все дела, совершенные новым пришельцем.

Однако на поверку оказывается, что это — не божественное всеведение, а хорошо поставленное человеческое торговое счетоводство. Ум Григория, а за ним и ум церкви, решает, что у ангелов и бесов хорошо налаженная бухгалтерия с целыми полчищами счетчиков и писцов: своего рода огромная торговая контора с бесчисленным множеством торговых агентов, по пятам следующих за каждой штукой товара.

Ангелы рассказали Феодоре. Феодора, приснившаяся Григорию, ему, а Григорий всей церкви, как устроен весь механизм учета грехов и святых дел.

«Всякий христианин от святого крещения приемлет от бога данного ему ангела-хранителя, который, невидимо храня человека днем и ночью, наставляет его на всякое благое дело во все время жизни его до самого смертного часа и записывает все добрые дела его, в течение всей жизни творимые, чтобы в награду за них человек мог получить от бога милость и вечное воздаяние в небесном царстве. Точно так же и князь тьмы, желающий привлечь человеческий род к своей гибели, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, постоянно следуя за человеком, следит за всеми злыми делами его, творимыми от юности, своими кознями соблазняет его на преступные деяния и записывает все, что человек сотворил злое. Затем, отходя к мытарствам, сей лукавый дух вписывает каждый грех в соответственное ему мытарство, почему и осведомлены воздушные мытари о всех грехах, творимых людьми. И вот, когда душа какого-либо человека разлучится от тела и станет отходить к создателю своему, в небесные селения, то лукавые духи, стоящие при мытарствах, преграждают ей путь, показывая все записанные грехи ее. Если в ней более отыщется грехов, нежели добрых дел, то бесы на время удерживают ее и заключают как бы в темнице, где по попущению божию и мучают ее, пока та душа (не) восприимлет искупление от мук их по молитвам церкви и через милостыню, творимую в память ее ближним ее».

Таким образом душа попадает в долговую тюрьму. Но положение ее не безнадежное: из этой тюрьмы ее могут выкупить родственники, если будут делать вкла-

ды на вечное поминовение и творить всяческую милостыню, в особенности попам и монахам.

На этом можно закончить. Такими-то неумными и, в конце-концов, скучными рассказами и переполненными жития святых, т. е. второстепенных и третьестепенных богов. И все эти сны, и сонные видения, и нелепые чудеса должны служить подтверждением столь же неумных писаний так называемых отцов церкви, которые с глубокомысленным видом невежественных людей преподносят большие выдумки о том, о чем они ничего не знают.

Теперешние попы начинают понимать, что все это слишком глупо даже для некоторых из богомольных старух. Они конфузливо предлагают понимать эту чепуху «не в грубом, чувственном смысле, а, насколько это возможно для нас, в самом духовном». Они не говорят, да и не могут сказать, что это значит. И, хотя требуют понимания «в духовном смысле», однако, приносят богам особые жертвы за покойников в третий, девятый, в двадцатый и в сороковой день, — и получают за принесение этих жертв самые «грубые, чувственные» блага: и золото, и серебро, и хлеб, и яйца, и масло.

В те далекие от нас времена, когда возникали христианские сказания, люди были другие, жили в других условиях, более похожих на захолустно-деревенские, и думали совсем по-другому, не так, как теперь. У них не было научного понимания природы, окружавшей их, и общества, в котором они жили. Им казалось, что весь мир густо населен ангелами и дьяволами, — дьяволами много больше, чем ангелами. Всякое самое ничтожное происшествие объяснялось вмешательством дьявола, — как и теперь еще для дряхлого деревенского старика многое объясняется проделками домового. В старые времена верили, что некоторые люди вступают в договор с бесами и делаются ведьмами, знахарями, волшебниками, одержимыми бесовской силой, — а другие получают откровение от добрых богов. Да и сами святые и колдуны верили в свою святость и в свою бесовскую власть.

Церковь, — попы, монахи, епископы, патриархи, — рассказывая о чудесах и видениях, была тогда так

простодушна, что и сама верила в свои сказания. Она некоторое время и сама обманывала себя так же, как обманывала других.

В настоящее время ко всему этому почти каждый поп и монах относится так же, как к рассказам о домовых: пусть, мол, невежественная масса верит таким сказкам.

Но так они думают только про себя. А в церквях и душеспасительных разговорах со своими духовными овцами они всеми силами поддерживают веру во всяческую чертовщину. И в их молитвах — каждое десятое слово о дьяволе и нечистом.

Да и не могут они по-другому. Вся их жизнь, все их доходы — только от того, что они сказками запугивают простаков. Всей своей бездельной жизнью, всеми своими доходами они обязаны дьяволу и страху перед дьяволом и его подземным царством. Без дьявола не было бы попов, монахов, митрополитов, патриархов, не было бы всей церкви.

4

О БЕСАХ И БЕСОВСКИХ ИСКУШЕНИЯХ

I

Участь всех язычников, магометан и вообще нехристиан — глубоко печальная. Христианская душа, освободившись от тела, после тягостных испытаний, после многотрудного шествия от одной бесовско-таможенной заставы к другой, все же может войти в селения райские. И если даже на одной из таможен торжествующие бесы сволокут ее в ад, для нее далеко не все потеряно. Явившись во сне достаточно богатым родственникам, оставшимся в живых, она может рассказать им о своих страданиях, и они, удвоив и утроив свои милостыни попам, заказав сорокоусты, отслужив десятки панихид, сделав вклады на вечное поминовение, могут выкупить душу от дьяволов.

И ничего-то этого нет перед неверными. Душа Федоры говорит Григорию: «сим путем (путем мытарства) восходят и такие истязания принимают только те, кто просвещены верою и святым крещением. Неверные же язычники, сарацины и все вообще иноверцы этим путем не идут. Еще будучи живы телом, они душою уже мертвы, погребены во аде; потому, когда они умирают, то бесы тотчас же, без всякого испытания, берут души их, как по праву принадлежащие им, и низводят в пропасти ада».

Переходя в царство бесов, души нехристиан переходят в царство своих богов. Только немногие христиане первых веков, — да, впрочем, даже и очень поздних веков, — решительно заявляли, что языческие боги сделаны из камня и дерева, что они не живы, что они — творение рук человеческих. И в доказательство этого они разбивали перед негодующими язычниками статуи их богов. Станным образом, по писаниям выходит так, будто никому из нехристиан не приходило в голову повторить тот же опыт с изображениями, которым поклоняются христиане.

Да чего тут! Кто же не знает, что, когда французы занимали Москву, они очень непочтительно обходились с иконами, и всемогущие православные боги были неспособны защитить себя от оскорблений. Или возьмем татарское нашествие на древнюю Русь, когда, как говорят летописцы, храмы превращались в конюшни. И больше того: десятка полтора-два лет тому назад некий ловкий вор похитил в Москве Казанскую икону богородицы, считавшуюся чудотворной, снял с нее все драгоценные украшения и, чтобы скрыть все концы, расколол икону на мелкие дощечки и сжег. И, всегда чудотворная, икона оказалась на этот раз просто раскрашенной доской.

Мне совестно в этом признаться, но хотя я и теперь краснею при этом воспоминании, все же признаюсь, что еще в ребяческом возрасте, когда мне было не более десяти лет, я, оставшись один, учинил детское издевательство над иконой. Надо мною не разразился гром с небес, и разрисованная доска так же не шевельнулась, как если бы это была самая простая картинка. После этого опыта я покончил со всяким

идолопоклонством, а вскоре и со всякою верой в бога и вельзевула, бесов и ангелов.

Однако некоторые жития признают, что изваяния богов — просто их изображения, а не самые боги. Дария, обращаемая в христианство только что обращенным Хрисанфом, будущая христианская мученица, а в то время еще жрица при храме языческой богини Афины, говорит Хрисанфу: «Если бы невежественный народ мог почитать богов без изваянных кумиров, то не следовало бы их изваявать и поставлять. Отливаются же они из золота, серебра и меди и делаются из мрамора и дерева, чтобы люди, видя их очами, знали, кого им надо представлять в уме, почитать и бояться».

Это — буквально то же самое, что говорят и теперешние христианские попы об иконах, которым они поклоняются. Но делают попы вовсе не то, что они говорят. Некоторые доски с нарисованными на них изображениями признаются «чудотворными иконами». Это значит, что на них не просто изображены боги, но и сами они обладают особой чудесной силой, какой нет в других деревянных досках с совершенно такими же изображениями. И христиане верят, что эти доски способны изгонять нечистую силу из одержимых бесами, и если принести им надлежащие жертвы, то они могут содействовать исполнению всяких желаний. Это — как раз те воззрения на своих богов, которые христиане обыкновенно приписывают так называемым язычникам.

Жрица храма Афины, позднейшая христианская мученица, Дария говорит Хрисанфу: «изваянных идолов почитают люди простые, невежды, мы же почитаем те самые вещи, и изображения которых поставлены».

Наши попы и монахи тоже должны были бы признать, что иконам молятся, а некоторые из них почитают даже «чудотворными», «люди простые, невежды». Для просвещенных христиан нет нужды ни в каких иконах.

Но они не захотят и не могут в этом признаться: тогда исчезли бы все их доходы, которые они получают около своих идолов, именуемых Иверской, Ка-

занской и т. д., и около капищ и храмов, построенных в честь этих идолов.

Не легко им отречься и от тех идолов, которые они называют мощами.

Мощи для них — вовсе не нетленное тело. Святым и мощами они признают всякий скелет, даже всякую косточку, всякий осколок ребра, всякий зуб, если, по их уверениям, это — остатки человека, которого они объявили святым, отчего эта косточка, по их словам, способна творить чудеса.

Как бы ни изворачивались попы и монахи, а все же выходит, что они заставляют поклоняться ребру, зубу и т. д. и что эти ребра, зубы, ногти и волосы обладают, по их учению, божественной силой. Чтят, как святого, как бога, преподобного Сергия, — но святыней почитают и прах, который выдают за его мощи.

В конце концов надо прямо сказать, что некоторые первоначальные христиане смотрели на языческих идолов так же, как смотрела на них Дария, когда она была язычницей. Христиане не отрицали, что, кроме изображений языческих богов, существуют и самые боги. И не отрицали они, что эти боги обладают большой силой. Они говорили только, что сила языческих богов — дьявольская, так как и сами они — бесы, или ангелы, взбунтовавшиеся и восставшие против бога, и еще говорили, что эта сила меньше силы христианского бога.

Житие Георгия Победоносца (Егория) прямо начинается следующими словами:

«Недостойный правитель Римского царства нечестивый Диоклетиан был ярым последователем и покровителем идолослужения. Выше всех богов чтит он Аполлона, слывшего за прорицателя будущего. Ибо бес, обитавший в его бездушном идоле, пророчествовал о будущем, но предсказания эти никогда не сбывались».

«Однажды Диоклетиан спросил Аполлона о некоей вещи. Бес же ответил ему: «Не могу истинно провещать будущее, ибо мне препятствуют люди праведные, почему и лгут в капищах волшебные треножники: праведники уничтожают нашу силу».

Конечно, это — христианская выдумка, и выдумка нескладная. С какой стати Аполлон стал бы признаваться своему поклоннику в своем бессилии? И с какой стати стал бы он говорить, что его прорицания — ложные и что противники — люди праведные? Неужели же Аполлон мог рассчитывать, что Диоклетиан и после того будет поклоняться и приносить жертвы живому, неправедному и бессильному богу?

В этом же житии сказочного Георгия Победоносца имеется настоящая сцена для электро-театра: она служит особому прославлению христианского бога. Георгия, уже претерпевшего великие пытки за верность христианству, привели в храм, где все было приготовлено для языческого жертвоприношения. «Святой подошел к идолу Аполлона, простер к нему руку и спросил его, бездушного, как бы живого: «Ты ли хочешь принять от меня жертву, как бог?»

При этих словах святой сотворил крестное знамение. Бес же, обитавший в идоле, воскликнул: «я не бог, не бог и никто из подобных мне. Един бог тот, кого ты исповедуешь. Мы же отступники из ангелов, служивших ему: мы, одержимые завистью, прельщаем людей».

Святой тогда сказал бесу: «Как же вы смеете обитать здесь, когда сюда пришел я, служитель истинного бога?»

«При сих словах святого поднялись шум и плач, исходившие от идолов. Затем они пали на землю и сокрушились».

Неверны слова жития, будто Аполлона, «бездушного», Георгий спросил, «как бы живого». Из дальнейших слов следует, что в статуе (идоле) обитал бес, как, по религиозным верованиям, в теле обитает душа, и что этот бес делал статую «живой», способной двигаться и говорить, как «душа», которая, по христианским верованиям, управляет телом.

Итак, Георгий явным, чудеснейшим образом посрамил беса, обитавшего в статуе.

Непостижимым образом это яркое засвидетельствование истинной веры не произвело должного впечатления на язычников. «Тотчас жрецы и многие из народа, как неистовые, яростно устремились на святого,

стали его бить и вязать и зывали к царю: «Убейте сего волхва, о, царь, убей его прежде, чем он погубит нас».

Значит, для Георгия языческие боги — бесы, их жрецы — волшебники, колдуны, волхвы. Напротив, для язычников бог Георгия — действительно существующая сила, только злая, а сам Георгий — чудесник. Каждая сторона не отрицает богов другой стороны, но каждая сторона признает только своих богов истинными и добрыми богами, а богов противника — злыми богами, дьяволами. Такие же примеры я уже приводил и из так называемого нового завета (см. И. Степанов, «Религия и христианство». Глава четвертая. Новейшее издание вышло под названием «Беседы о вере»)¹.

Только что рассказанное происшествие, как уверяет житие Георгия, случилось в Риме, в присутствии самого императора, в начале четвертого века нашего летосчисления, и взволновало весь город. И, однако, римские писатели, от которых мы знаем о многих мелких событиях, ни слова не упоминают о полном разгроме их храма, произведенном чудесной силой Георгия. Но такова уж общая судьба всех христианских сказаний: чудеса, о которых они поведают, существуют только для повествователей, только для верующих христиан. Не принадлежащие к христианской церкви обыкновенно не замечают этих чудес, хотя бы это были такие необыкновенные и страшные происшествия, как, например, уничтожение огромным змеем отряда в триста воинов, высланных для поимки святой (житие преподобномученицы Евдокии. «Жития», книга седьмая, стр. 30).

Языческие боги оставались бесами для христиан и триста лет тому назад. Так, в житии Диодора (или Демьяна) Юрьегорского (Первое дополнение к житиям, стр. 432) рассказывается о препятствиях, которые чинились бесами при постройке церкви на Юрьевой горе: «В прежнее время здесь было языческое кладбище, ложным богам приносились жертвы, и место это было нечисто. Когда начали строить храм, гора тряслась,

¹ См. настоящий сборник, стр. 25 — 63.

слышны были в ней крики. Плотники испугались и хотели оставить работу. Тогда святой совершил на горе молебное пение, окропил место святою водою, и бесы с шумом и криком бежали в Юрьево озеро, а потом исчезли в лесу».

Очень близкий к этому рассказ имеется в житии Николая Мирликийского (см. выше).

Стефан Пермский, введивший христианство среди «пермян», главным образом, зырян (четырнадцатый век), говорил обращаемым, что «единый христианский бог лучше многих языческих, потому что они — не боги, но бесы, сверженные с неба в бездну и прельщающие безумных людей в бездушных идолах. Они не только не помогают людям, но, напротив, вредят и всегда стремятся делать злое; будучи злыми, не милосердными, гневными, полными ярости, завистливыми ненавистниками, они готовы были бы тотчас истребить род человеческий, если бы их не связывала и не удерживала сила небесная» («Жития», апрель, стр. 441).

Иногда даже высокие сановники христианской церкви не без некоторой тревоги шли на борьбу с бесами, каковыми для них являлись языческие боги. Так, в житии александрийского епископа Кирилла, жившего в пятом веке («Жития», книга десятая, стр. 156—157), рассказывается, что близ Александрии находилось место Мафунин, в котором было капище, т. е. языческий храм или часовня, «служившее обиталищем демонов». «Место это внушало всем ужас, и еще патриарх Феофил хотел очистить его от бесов и освятить для славословия божия. Но отвлекаемый другими заботами, он не успел привести своего намерения в исполнение. Святой Кирилл, восприяв после Феофила александрийскую кафедру, решил исполнить желание своего дяди и предшественника и усердно молился богу, да подаст он ему помощь свыше и силу для одоления и изгнания из Мафунина нечистых духов».

Любопытно, что Кирилл, подобно Николаю Мирликийскому, получил епископское место тоже от дядушки.

Но для борьбы с языческими богами собственных сил Кирилла было недостаточно. Кириллу «явился в

видении ангел господень, повелевая ему перенести в Мафунин честные мощи мучеников Кира и Иоанна, чтобы прогнать оттуда силу бесовскую». Кирилл принес в Мафунин мощи святых и устроил там во имя их церковь. «Нечистые духи немедленно были изгнаны оттуда, и место то стало источником исцелений от мощей мучеников».

Таким образом, языческие боги были вытеснены христианскими богами, и место, некогда священное для язычников, сохранило свою святость и для христиан. Это — обычное явление при смене религий: религиозные центры остаются прежние, они попрежнему столицы богов, — но низвергнутые боги объявляются злыми, дьяволами, ложными богами, а их торжествующие победители — добрыми, истинными богами.

Таким образом, христианство не отрицает существования языческих богов, изображаемых идолами. Борьба против язычества является для него борьбой христианских богов против бесов, дьяволов, демонов.

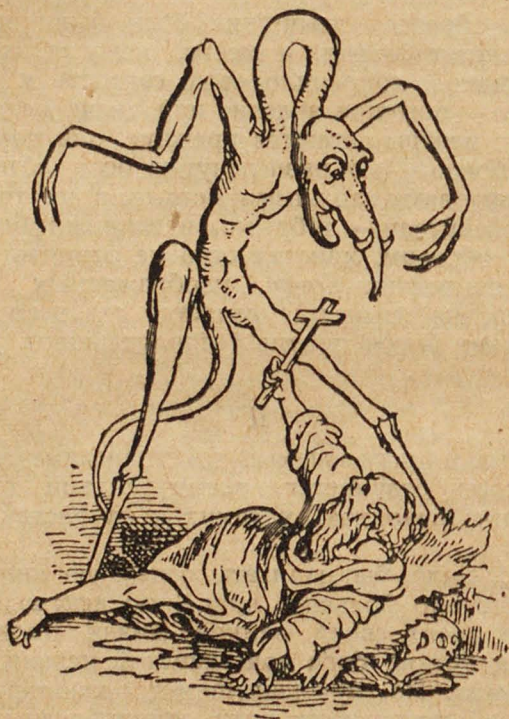
II

Гонимые и посрамляемые христианскими праведниками, бесы, разумеется, всеми силами стараются мстить им и наводить их самих и их паству на путь гибели.

Можно было бы написать огромную книгу — или даже несколько больших книг — об искушениях, которым во время своей земной жизни подвергались крупные и мелкие боги христианской церкви, именуемые святыми. Но, при кажущемся разнообразии, все сказания об искушениях очень однообразны.

Праведник, озабоченно и даже трусливо оберегая свою праведность, которая является проходным свидетельством в рай, бежит от общества, от «мира», — иногда после того, как он пресытился богатством, роскошью и пороками упадочных, разлагающихся слоев этого общества. И вот бес приходит к нему и рисует картины жизни этого общества, одна другой ярче, одна другой соблазнительнее. И чем отчаяннее старается праведник заглушить воспоминания о покинутой им жизни, тем соблазнительнее картины, кото-

рые рисует перед ним память о прошлом. Спасаящийся решает, что все это делает дьявол, который хочет подчинить своей власти уже почти окончательно спасшуюся христианскую душу.

Бес искушает святого. Средневековая карикатура.

Золото, как предмет, на который можно купить все наслаждения, часто предлагается бесами в неограниченном количестве. Но большинство праведников достаточно быстро и успешно справляется с этим соблазном.

Мысль о яствах и питиях тоже часто тревожит людей, вся пища которых состоит из небольшого куса черствого хлеба, да и то не каждый день, и из дико растущих растений. Но на этом дьяволам не удавалось уловить ни одного праведника, — вероятно, потому, что жития рассказывают только о спасшихся, о достигших святости и ничего не говорят о соvrащенных бесами.

Обольстительная женщина — вот где истинная опасность для умерщвляющих свою плоть. Современный человек положительно не может представить себе, как можно было ухлопывать столько сил на подавление естественной потребности. Изменить свою природу праведники не в состоянии, и потому эта потребность снова и снова заявляет о себе: в знойных сновидениях, в бреду, наяву, в постоянных помышлениях об одном и том же, — о соблазнительной женщине, о сотнях и тысячах соблазнительных женщин и о сладости греха с ними. Спасаящийся старается не говорить с женщинами, отвращает от них свои взоры. От них он больше, чем от какого-либо другого соблазна, бежит в пустыню, становится отшельником (анакхоретом), пещерником, столпником.

Но можно уйти от живой женщины, — нельзя уйти от женщины грез, сновидений, от женщины больного, лихорадочно расpalенного бреда. Эти женщины идут за спасающимся в его уединение. Для него это значит, что бесы преследуют, искушают его, делают на него повторные приступы.

Почти спасшийся человек, с отчаянием видя, что достигнутый рай уходит от него, с удвоенной силой начинает смирять дьявола, — изнурять свое греховное тело. Он ничего не ест и не пьет многими сутками, боится заснуть, потому что во сне он совершенно беспомощен перед бесовскими кознями, день и ночь проводит в коленопреклоненной молитве, которая, однако, не идет в голову, надевает на себя тяжелые железные цепи, усталый, на минуту ложится на холодный голый камень и камень же кладет вместо изголовья. Все тщетно! Чем больше слабеет тело, чем больше расшатываются нервы бессонницей, страхами и постом, тем неудержимее, необузданнее работает

воображение, тем меньше сил справиться с ним. Бли-зится торжество дьявола!

Жития повествуют о тех праведниках, которым в конце концов удалось спастись от соблазнов. Но они, понятно, ни словом не упоминают о тех тысячах спасавшихся, которые «пали» в непосильной для них борьбе с дьяволом. Да, впрочем, быт монастырей и жизнь высшего духовенства достаточно красноречиво говорят о том, что «власть дьявола» обыкновенно не встречает сопротивления. Ей охотно подчиняются, ее жаждут. Не бес ищет монаха, а сам монах идет к бесу.

«Святых» женщин вообще много меньше, чем святых мужчин; иначе оно и быть не могло при том пониженном положении, какое женщина занимала в обществе. Отшельниц среди женщин очень мало. Да и отшельничество у них имело иногда особенный характер. Так например, все житие преподобной Домнины (1 марта) рассказывается так: «Преподобная дева Домнина подвизалась в Сирии. Живя в палатке, ею самой устроенной, в саду при доме ее матери, она непрестанно источала слезы, питалась только чечевицею, омоченною водой, и каждое утро и вечер ходила в храм божий для молитвы, покрытая с головы до колен покрывалом, чтобы никто не видел ее лица. Она скончалась в мире между 450 и 460 годами». Чернила у писцов-дьяволов, верно, плохие, и записи грехов и греховных помышлений были смыты потоками слез слезоточивой Домнины.

Соблазнительные помыслы семнадцать лет мучили Марию Египетскую (1 апреля) после того, как она удалилась в пустыню от своей жизни иступленной «блудницы» (проститутки). Она говорит о «соблазне», о «смущавших ее желаниях», о «блудных вожделениях», но не приписывает их бесам. Во всяком случае этот пример отшельничества и пустынножительства, обычный для святых мужчин, остается довольно исключительным для спасшихся женщин. Спасшиеся женщины, вообще, не страдали в такой мере от грез о соблазнительных мужчинах, как мужчины — от дьяволов, представавших перед их глазами в образе обольстительных женщин. А, впрочем, могло быть и так, что они больше стыдились об этом рассказывать.

Напротив, спасшиеся мужчины оставили такие жгучие рассказы об испытанных ими соблазнах, которые дышат явным сладострастием, обузданным лишь внешне и наполовину. Уж очень ярко, слишком охотно и подробно говорят они о появляющихся им прелестницах!

Две главных полосы искушений приходится переживать спасающимся мужчинам. Первый натиск на праведника бесы делают в его молодые годы, когда он только что отрешился от мира и, быть может, от разгульной жизни, — в особенности, если он происходит из высших слоев общества. Здесь воспоминания и привычки покинутого быта еще так живучи и сильны. Посрамленный в многолетней борьбе дьявол на продолжительное время оставляет спасающегося в покое. Затем в дряхнушем или почти совсем одряхлевшем отшельнике, — обыкновенно уже стяжавшем широкую славу и привлечшем многочисленных поклонников и учеников, — вновь загораются предсмертною вспышкой, казалось, совершенно улегшиеся помыслы, страсти и вожделения. Это дьявол делает последнюю атаку, чтобы овладеть такой заманчивой добычей: особо досадить богу, вырвать из его рук уже совсем спасшуюся человеческую душу, уменьшить воинство божие и увеличить свое собственное. Конечно, жития в общем рассказывают о случаях, когда дело заканчивается посрамлением дьявола. Но, как мы увидим потом, изредка они приводят и другие примеры.

III

Очень легко было бы раскрыть то, что на военном языке называется диспозицией, размещением бесовских войск, и выяснить основные направления их наступления. Путаться с обыкновенными людьми, с мирянами, бесам нисколько не интересно. Громадному большинству мирян и так суждено сделаться «жертвою ада», они все равно, без каких бы то ни было усилий и соблазнов со стороны дьявола, не минуют его коварных сетей, — они, сами того не замечая, постоянно барахтаются в этих сетях.

С белым духовенством они тоже не особенно связываются: не стоит рук марать. Сребролюбие, чрево-

угодие, пьянство, зависть, жадность и т. д., — надо ли бесу добавлять что-нибудь к этим свойствам, которыми, по народным воззрениям, и без того отличается эта среда.

С обыкновенными монахами дело тоже нехитрое. Сюда можно отправить каких-нибудь мелких дьяволят. Этого будет достаточно. Они, шутя, легко справятся со своим поручением и, пройдя здесь первоначальную выучку, подготовятся к более серьезным делам.

Архимандриты, епископы, архиереи, митрополиты, — здесь дело уже куда интереснее. Это ведь офицеры, генералы и главнокомандующие христового воинства. И великое злорадство нечистому доставляет, когда здесь окажутся многочисленные перебежчики. Поэтому бесы особенно усердно осаждают святителей церкви. Иногда и миряне замечают, что здесь что-то неладное: бесы, особенно в образе прелестниц, кишат целыми стаями около их преподобий и преосвященств.

Еще больше бесов в таких монастырях, как, например, древний Киево-Печерский или Афонский, куда шли люди, которые хотели сделаться духовными подвижниками. Для нечистого очень лестно вырвать их из-под божией власти и подчинить своей собственной. В самых монастырях, в самых кельях так много бесов, что некоторые спасающиеся — и впоследствии спасшиеся — чувствовали, что дьяволята ползают по ним, как «маленькие человечки», как клопы или блохи.

И здесь же, в этих монастырях и кельях, происходят постоянные отчаянные сражения между доблестными христовыми воинами и полчищами дьяволов, которые то являются с мешком золота, то с самыми соблазнительными яствами, то предстают в образе обнаженных прелестниц и схватывают изнемогающих от борьбы мучеников в свои пламенные объятия. И много доблестных воинов пало в жестокой борьбе, — но из многих сотен тысяч, старавшихся спастись таким способом, несколько десятков все-таки попали в святцы.

Самые главные и отборные силы бесовского воинства направлены в те самые пустыни, куда уходят спасающиеся отшельники. Около всякого пещерника,

анахорета, столпника всегда кружат несметные рои бесов, во главе которых стоят их офицеры и генералы, а часто и сам вельзевул, князь и главнокомандующий бесовский. Вдумавшись в жития таких подвижников, придется признать, что, убегая в пустыни от бесовских соблазнов, пустыnnики как раз здесь и подвергались главному натиску бесов.

Всю свою жизнь они жили для себя, — и ни для кого больше. И весь подвиг их жизни заключался единственно в том, что они боролись с самими собой, — со своими помыслами, желаниями, естественными потребностями.

Однако не у всех так называемых подвижников жизнь была в одинаковой мере переполнена своей собственной личностью, борьбой со своими собственными влечениями, принимавшими для них вид бесовских сил. Так было, главным образом, в странах, где отшельники могли вести совершенно праздную жизнь, потому что природа — а впоследствии почитатели — без всякого труда с их стороны доставляли им то немногое, что требовалось для их существования. Они могли круглыми сутками стоять на коленях с молитвенно сложенными руками, могли годами скитаться без всякой одежды, могли целиком отдаваться праздной созерцательной жизни, презам и с а м о л ю б о в а н и ю.

Самолюбование — не редкая вещь среди подвижников. Так например, рассказ о Марии Египетской начинается с того, что святой Зосим подумал о себе: «есть ли на земле инок, могущий меня наставить и показать пример такого постничества, какого я еще не прошел? Найдется ли в пустыне человек, превзошедший меня?» Точно так же про Антония Великого (Египетского) рассказывается, что «ему пришло однажды на мысль, что нет еще другого инока, который был бы так совершен, как он, нет никого, кто поселился бы раньше его в пустыне и избрал столь уединенную жизнь» (Житие Павла Фивейского. «Жития», январь, стр. 484). И ни в том, ни в другом случае, несмотря на заповедь христианского смирения, эти помыслы не считаются греховными.

В России от средней Оки до Белого моря со времени ее колонизации славянами, с тринадцатого до

шестнадцатого века, отчасти и позже, было много отшельников, которые сделались потом основателями многочисленных монастырей.

Суровая природа, все условия расселения, безлюдность лесных пространств не позволяли отшельникам отдаваться бездельно созерцательной жизни. Им самим приходилось рубить лес, обтесывать бревна, строить избу, заготавливать и возить дрова и воду, корчевать и выжигать пни, сеять и жать: иначе они умерли бы с голоду.

Прославившись и сделавшись игуменом братии, подвижник, может быть, еще больше охватывался хозяйственными заботами. Надо было наладить варку соли, гонку смолы и дегтя, установить постоянные связи с купцами, подготовить сплав товаров. Еще больше хлопот доставляли окружающие крестьяне: они, не страшась дьявола, то производили порубку леса, который монастырь объявлял своей собственностью, то захватывали монастырские запашки, вообще всегда враждебно смотрели на своих святых соседей; бывало и так, что подпускали святым отцам красного петуха или ломали им ребра. Затем для игумена начинались постоянные хлопоты о получении денег на постройку новой церкви, о даровании монастырю «угодишек» и «людишек» или «бобылишек», т. е. о захвате окружающих свободных крестьян вместе с их землями в монастырскую собственность. В то же время монастырь все шире развешивал свои торговые и ростовщические операции.

Игуменам и братии здесь было не до бесов, да и дьяволу в такой обстановке, видимо, чувствовалось не по себе. Когда все помыслы направлялись на такие простые и ясные вещи, как столько-то бочек дегтю, столько-то десятков килограммов соли и меда, как наем плотников и каменщиков, наряд крестьян на барщину, взыскание и повышение оброков, борьба с порубщиками, тяжбы с соседними крестьянами и помещиками, — что тут оставалось делать дьяволу, как не посматривать со стороны и радостно потирать руки? И без его хлопот и явного вмешательства все шло, как по маслу.

Конечно, иногда и в этих монастырях появлялся лукавый и творил свои проделки. Но как неизобретателен был он по сравнению со своим восточным братом и как мелки и по-своему ясны и просты были его искушения! Налить воды в квас или брагу, заставить мед скиснуть, попортить тесто для хлеба, припрятать или утащить топор, — это собственно не тот страшный, надменный и сильный дьявол, который искушал Антония Великого, Иакова Постника и афонских монахов. Это, в сущности, всего лишь наш проказливый и, несмотря на проказы, добродушный домовый. Нередко рассказы о бесах совершенно ясно преследуют вполне определенную цель: запугать разбойников и местных крестьян и отбить у них охоту от покушений на собственность одинокой обители («Жития». Дополнение 1, стр. 492 и сл. Житие Нила Столобенского, или Столбенского).

Но напряженная хозяйственная деятельность, развитие монастыря в поместье с кипучим строительством, с широкими торговыми и ростовщическими оборотами создавали основу для превращения монахов в трутней, в сытых бездельников. Проходил десяток-другой лет по смерти основателя, — и монастырь становился крупнейшим ростовщическо-торгово-промышленным предприятием с богатыми и пьяными монахами, с хлебосольным и оборотистым игуменом и с немногими подвижниками, главное содержание жизни которых составляет постоянная борьба с бесами, со всех сторон осаждающими монастырь и ютящимися в каждом уголке келии.

IV

Беса не даром называют лукавым. Он редко нападает открыто. Он может принимать на себя вид благочестивого человека и незаметно вовлекать праведника в бездну вечной гибели.

Его ремесло сопряжено со многими опасностями. Он может погубить праведника, но и праведник может причинить ему много неприятностей, — может даже превратить его в жалкого слугу и раба. Так расправился с ним, например, мученик Конон. Его житие рас-

сказывает о нем следующее («Житие», книга седьмая, стр. 125):

«Пребывая в своем доме в безмолвии, Конон увидел множество бесов, ополчившихся на него. Все бесы, жившие на острове и изгнанные из людей и идольских капищ, вооружились против святого. Увидав бесов, святой именем Иисусовым связал их, так что они не могли двигаться. Тогда бесы стали молить Конона, чтобы он не посылал их в бездну, но пусть повелит им сделать, что ему угодно. Святой, запретив им делать вред людям, послал их на различные работы: одним велел копать в огородах землю и вырывать худые травы, терновники, крапиву, другим — вспахивать нивы и сеять на них, иным стеречь плоды, кому пасти стада и охранять их от зверей, кому колоть дрова и носить воду и исполнять всякую домашнюю работу».

Значит, бесы делали на Конона все, что делали на себя сами северно-русские отшельники. Может быть, в этом сказалось рабовладельческое презрение к труду, как исключительно рабскому делу; труд — не к лицу праведнику; это дело подобает нечистому и рабам. И, как бы подтверждая это предположение, житие продолжает: «бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону до тех пор, пока ему было угодно, исполняя с усердием всякое указанное им дело, ибо, связанные непобедимо силою божией, они были порабощены божью угоднику».

Это были не только работники, но и верные сторожевые псы. На Конона напали разбойники, «надеясь найти у него богатую добычу, ибо он был славен во всей той стране». Связав его, они требовали, чтобы он указал место, где спрятано у него золото, и уже начали пытаться его и мучить. Но на выручку святого пришла дьявольская сила. «Вдруг явились служащие святому бесы, схватили разбойников и немилосердно били их». Привыкнув воздействовать на грешников адским огнем, они и здесь остались верны себе. Правда, укрощенные праведником, они уже не могли изрыгать пламень прямо из себя: им пришлось обратиться к обыкновенным человеческим приспособлениям. Они «развели огонь в печи и стали опалять тела

разбойников, а святого освободили из уз». Но «святой, смилостившись над разбойниками, запретил бесам, и те прекратили истязания над разбойниками, которые были едва живы». Значит, милосердный святой не особенно торопился остановить дьявольский самосуд над разбойниками. Настолько не торопился, что только «по молитве святого разбойники пришли в себя». После этого «блаженный отпустил их с миром, дав им заповедь оставить свои разбои». И мы можем поверить, что они свято исполнили эту заповедь: несомненно, лишь полукалеками и калеками вырвались они из бесовских лап.

Усердие бесов простиралось и еще дальше. Они «даже оберегали честь его имени. Ибо, если кто-либо из неверующих исаврян (среди которых жил Конон, сам уроженец Исаврии) дерзал хулить Конона, тотчас на таковых невидимо нападали бесы и били, так что имя Конона стало предметом почитания и страха. Однажды двое идолопоклонников вспомнили о Кононе и стали поносить его дурными словами. Тотчас же на них напали бесы, били их, протащили по дороге за волосы и повергли хулителей к ногам святого. После того у всех неверующих страх перед Кононом так был силен, что они не дерзали даже помыслить что-нибудь худое про святого Конона».

По всей вероятности, особенно хорошо мыслили о нем те два идолопоклонника, которых бесы били и таскали за волосы по дороге.

Ходячие представления о бесах таковы, будто они служат только ведьмам и колдунам; в обычных условиях христиане признавали бы и самого Конона колдуном. Но в данном случае житие повелевает христианам смотреть на дело совершенно иными глазами.

В житии ни разу не упоминается, чтобы святой по милосердию своему воспретил своим верным бесам кулачные расправы. Напротив, самое их повторение свидетельствует, что они делали именно то, что от них требовалось. Таким же способом бесы охраняли даже яблоки праведника. «Однажды какой-то человек проник в сад Конона с намерением украсть яблоки. Но невидимые служаки схватили его, избili и вместе с ослом и мешком, наполненным плодами, привели к

святому. Святой дал ему наставление и, заповедав более не красть, отпустил с миром» — и, конечно, с видимыми следами невидимых побоев.

Бесы же по повелению святого невидимо догнали волка, утащившего ребенка, и, вырвав последнего из звериной пасти, поставили его перед святым.

Но в конце концов от всей этой чертовщины приключилась великая беда. Конон превратил бесов в своих рабов и пленников, но, к несчастью, далеко не всех бесов. Некоторые из оставшихся вольными «начали наводить на жителей той страны различные болезни, а больше всего оспу». «Святой, уразумев козни бесовские, помолился богу и тотчас получил власть и над этими бесами. Собрав их всех, одних прогнал в пустыню, других отослал в бездну» (как известно, павшие ангелы были тоже низвергнуты в «бездну». Что такое эта бездна и где она находится, об этом нигде не рассказано). «Третьих же бесов Конон связал (верно не веревками, а опять-таки словом) и заключил в тридцати залитых оловом горшках и, запечатав их крестным знаменiem, зарыл в землю под своим домом».

Дело началось хорошо, местность была окончательно очищена от бесов. Но, как впоследствии оказалось, это было только начало, а не конец.

Неизвестно, сколько лет томились бесы, залитые оловом и запечатанные крестом. Несмотря на всю силу, они не могли разбить глиняных горшков, — крест их обессиливал.

Но вот Конон умер, замученный язычниками. На этот раз бесы почему-то не защитили его. Верующие решили обратить дом Конона в церковь. Стали рыть землю для фундамента и нашли в земле тридцать горшков с заточенными в них бесами. Думая, что в них золото или серебро, обрадовались и на свою пагубу разбили один сосуд. «Тотчас вышли из него бесы в виде густого и смрадного дыма и, помрачив воздух, произвели страшный вихрь. Все люди пришли в ужас, — некоторые попадали от страха, а некоторые бежали оттуда. Бесы же летали по воздуху и, производя большой шум, призывали друг друга по именам. Все в том селении пришли в сильный ужас, так что

никто не осмеливался после солнечного заката выходить из своего дома, ибо ночью являлись многие бесовские страшилища и пугали людей и животных».

Житие продолжает, что все это «на время было допущено богом в наказание сребролюбивым людям, ожидавшим найти в сосудах сокровище». Кончается же рассказ совсем успокоительно: «по молитвам святого Конона, были прогнаны бесовские привидения. Прочие двадцать девять сосудов, заключавших в себе бесов, были зарыты под церковью святого Конона».

Но извольте тут сохранять спокойствие! В настоящее время этой церкви нет и в помине. Вдруг при каких-нибудь земляных работах, например, при постройке железной дороги или при разработке рудников, разобьют все двадцать девять глиняных горшков. Дрожь пробежит по телу, как подумаешь, чего могут натворить бесы, обозленные своим почти двухтысячелетним заключением в старой посудине!

И все это — не бабушкины сказки, не старушечьи выдумки: все это с самым серьезным видом рассказывается в синодском издании житий святых, отпечатанных не полтысячи лет тому назад, а в 1906 году (Книга седьмая, стр. 125 и сл.).

V

Бесы по временам пускают в ход удивительно хитрые способы искушения. Праведник невинен ни душою, ни телом, ни помыслами, ни делом. А бесы подстроют так, что перед всей соблазненной паствой разоблачается греховность пастыря, — конечно, мнимая, потому что может ли пастырь грешить?

Так было, например, со святым Василием, епископом рязанским, жившим шестьсот лет тому назад (память его празднуется 12 апреля). Его житие указывает, что о первоначальной полосе его жизни нет никаких известий. Неизвестно о его происхождении и воспитании, нет сведений о его «пастырских трудах и скорбях», — но, конечно, надо предполагать, что труды и скорби были: как бы иначе церковь признала его святым? Его житие начинается собственно рассказом об искушении.

Да и после того, как это искушение заставило Василия покинуть Муром, где он первоначально был епископом, и переселиться в Рязань, о жизни Василия ничего неизвестно. Житие просто пишет: «можно думать, что и здесь он претерпел ряд скорбей, лишений и огорчений». Вероятно, это предположение, совершенно естественное по отношению ко всякому епископу, и было основанием для того, чтобы признать его святым, а через триста лет по его смерти — отыскать и открыть его мощи.

Во всяком случае жития (Дополнение второе, стр. 570) передают только одно достоверное сообщение о подвигах Василия, и это сообщение — именно рассказ об искушении.

«Враг человеческого спасения, — говорится в житии Василия, — древний губитель душ христианских начал всячески вредить святому, желая выставить его блудником, дьявол принимал вид девицы и являлся в окне святительской келии перед народом, иногда же выходил в таком виде из храмины епископа. И народ и бояре не раз видели это и обвинили праведника в нечистой жизни, потом решили наказать его своею властью, помимо высшего церковного суда». Значит, церковный суд не внушал им доверия: они полагали, что вопреки несомненным обстоятельствам суд церкви признает Василия человеком праведной жизни, как впоследствии решение церкви признало его святым.

Итак, «в один день к вечеру собрались они, пришли к храмину (жилищу) своего епископа, и вот перед многолюдной толпой девица побежала по ступеням лестницы, ведущей в келию святого Василия, держа сапоги в руках своих».

На современном греховном языке мирян это называется «пойман с поличным», «накрыт на месте преступления», притом накрыт многочисленными свидетелями — «народом и боярами».

И не только на современном, но и на тогдашнем языке грешных людей это называлось так же. «Возмущенный народ громко закричал: «о, епископ! Непозволительно тебе иметь девицу в храмине своей, на ложе своем».

Святой Василий сказал народу: «неповинен я этому блудному делу». Слыша это, народ еще громче кричал: «лжешь ты, епископ, ибо все видели девицу, бежавшую к тебе». Видел праведник мятеж; слышал шум собравшегося народа; до него долетали угрозы: «убьем его за это».

Дело из-за девицы-дьявола принимало самый серьезный, прямо скверный оборот. Тогда епископ обратился к своим обвинителям с мольбою: «дайте мне немного времени — только до третьего часа утра».

Народ внял мольбам своего владыки и разошелся по домам. А епископ после того всю ночь служил всенощную, литургию и молебны по разным храмам Муром. Затем, взяв образ богородицы, он пошел на Оку, чтобы покинуть греховный город.

На поверку оказалось, что епископа хотели не убить, а просто изгнать из Муром. «Народ и вельможи, собравшиеся изгнать владыку, по их мнению недостойного, хотели дать ему судно, чтобы он плыл на нем, куда хочет».

«Но, — продолжает житие, — святому не понадобилась услуга оскорбившей его паствы... Он, сняв с себя мантию, простер ее по воде и вступил на мантию, держа в руке святую икону. И тотчас святой Василий быстро понесся против течения реки. Увидев такое чудо, муромцы от стара и до мала со слезами говорили вслед ему: «О, святой владыко Василий! Прости нас, грешных рабов твоих, согрешивших пред тобою. Кому оставляешь нас сирых? Не забудь нас, рабов твоих».

«Но святитель был уже далеко: во мгновение он исчез из глаз муромского народа вверх по р. Оке». Через шесть часов он был уже под Рязанью, в двух сотнях километров от Муром. И, хотя тогда не было ни телефона, ни телеграфа, рязанцы каким-то способом заблаговременно узнали, когда прибудет к ним Василий на своей мантии. «С большим торжеством, — рассказывает житие, — встречен был святой Василий в Рязани: сам князь, все духовенство города с крестным ходом вышли навстречу ему».

Греховные муромцы были наказаны тем, что они, как уверяет житие Василия, получили обидное прозвище «святогонов», а изгнанный ими святой был возна-

гражден тем, что сделался епископом рязанским, и с этого времени епископский престол навсегда перешел из Муром в Рязань. Таким образом, очень и очень светская борьба между Муромом и Рязанью получила церковное завершение.

По политическим причинам рязанцы стали на сторону Василия и создали сказания об особенной святости своего первого епископа и о его чудесном путешествии в Рязань. Отстаивая свою политическую самостоятельность, всякая крупная область древней России создавала многочисленных святых и окружала их память сказаниями об их прижизненных и посмертных подвигах и чудесах. Это — местные христианские боги, подобные языческим богам — покровителям отдельных городов и мелких государств.

Особенно много таких богов выдвинул Новгород. В борьбе сначала с Киевской Русью, потом с Владимирско-Суздальской и, наконец, с Московской он как бы стремился к тому, чтобы по числу святых не уступить соперникам: старался противопоставить им достаточно внушительное небесное воинство.

Епископы и архиепископы новгородские — почти сплошь святые, почти все они творили чудеса при жизни и по смерти и почти все оставили мощи. Но и великим же искушениям подвергались почти все эти святители. С некоторыми, например, с архиепископом Иоанном (память его чтится 7 сентября), бывали и такие происшествия, как с Василием Рязанским. Новгородцам казалось, что он не чуждался прелестниц и вообще жил очень весело. И дальше все произошло с ним точка в точку так же, как с Василием. Только не мантия, а плот понес его против течения. Здесь явным образом или житие Иоанна списано с жития Василия, или, наоборот, житие Василия с жития Иоанна. Пожалуй, новгородцы не хотели ударить лицом в грязь пред рязанцами: смотрите, мол, и у нас есть чудодеев не хуже вашего.

Житие святого Никиты («Жития», книга пятая, стр. 930 и сл. Дополнение второе, стр. 193 и сл.), который был епископом в Новгороде 700 лет тому назад, показывает, насколько трудно бывает отличить пра-

ведника от совращенного дьяволом и как легко беса принять за ангела или даже за самого бога.

Никита начал свои подвиги в Киево-Печерском монастыре. Он попросил у игумена благословения подвизаться в одиночестве и уединиться в затворе, но получил в ответ: «сын мой, не будет тебе пользы при твоей юности сидеть праздно». Игумен сослался на примеры затворников, прельщенных бесами. Но Никита не послушался, заключился в пещере, крепко загородил вход и неисходно молился.

Искушение началось с того, что как-то, «воспевая молитвы, Никита услышал голос, молящийся вместе с ним, и почувствовал необъяснимое благоухание. Прельщенный инок подумал: «если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь такого благоухания святого духа».

Никита начал с еще большим жаром молиться, взывая: «господи, явись мне сам, чтобы я мог видеть тебя». И тогда был к нему голос: «не явлюсь тебе, потому что ты юн, — чтобы ты не возгордился и не пал». Затворник продолжал слезно просить: «никогда, господи, я не соблазнюсь. Меня научил игумен не внимать бесовским искушениям, — но я исполню все, что ты повелишь».

Из рассказа не видно, кто до сих пор подпевал молящемуся Никите, т. е. повторял за ним слова молитвы,

Один из христианских святых — св. Христофор песьеголовый (снимок с древней иконы; оригинал хранится в Антирелигиозном музее в Москве).

кто распространял благоухание и кто говорил с ним. Мог ли дьявол участвовать в таких душеспасительных упражнениях? Сомнительно! Но если это был бог или ангел, то приходится признать, что они подготовляли ловушку, в которую бес уже совсем легко мог поймать Никиту. Выражаясь современным языком, Никита сделался жертвой самой ужасной, самой злостной, поистине сатанинской провокации.

Житие продолжает: «тогда душепагубный змей, получив власть над ним, сказал: человеку, облеченному плотию, невозможно видеть меня. Поэтому я посылаю ангела моего, чтобы он пребывал с тобою, а ты твори его волю».

Подделка, — если не при содействии, то по меньшей мере при безграничном попустительстве божием, — выполнена столь искусно, что никакой праведник не сумел бы пронюхать в ней пагубную игру нечистого. То же и дальше.

«Затем тотчас предстал пред Никитою бес в образе ангела. Никита пал на землю и поклонился ему, как ангелу».

Человеческое общество изменяется, изменяются люди, а вместе с тем изменяются и соблазняющие их бесы. И даже в одно и то же время для людей разных общественных положений существуют разные бесы. Молодую солдатку они соблазняют на прелюбодеяние, чиновника — на казнокрадство и взятки, владельца постоянного двора — на убийство заночевавшего богатого путника, заплывшего жиром монаха — на чревоугодие, пьянство и блуд, подвижника — на то, чтобы пуститься во все тяжкие. И, разумеется, появление самых соблазнительных помыслов всякий приписывает бесу.

Хотя Никита умер в начале тринадцатого века, но сказания о нем окончательно сложились в шестнадцатом веке, отчасти, может быть, во второй половине пятнадцатого века. Россия того времени глубоко втянулась в мировую торговлю. Через нее пролегали главные торговые пути из Западной Европы на богатый Восток: в Персию, в Туркестан, на Кавказ, отчасти даже в Индию и Китай, более удобные пути были загорожены для западных европейцев турками.

Вся экономическая жизнь России стала перестраиваться по-новому: на нее все быстрее надвигался торговый капитал. Желая получить наибольшее количество продуктов, которые можно было бы обменять на заманчивые предметы роскоши, идущие с Востока: на шелковые ткани, парчу, вина, драгоценные камни, пряности, помещики все больше обдирали и закрепощали крестьян. Развертывал свою деятельность скупщик, без которого мелкий ремесленник уже не мог сбыть своих изделий, и закабалял себе этого ремесленника. Мелкие и средние купцы, торговавшие внутри России, попадали в экономическую зависимость от крупных купцов, которые вели оптовый торг с заграницей.

Разрушались прежние экономические устои. И те слои, которые больше всего страдали от этого разрушения, с великой ненавистью смотрели на погрязший в грехах Запад, изменивший прадедовским обычаям, и на все, что шло оттуда.

Расширение торговых связей и дел требовало расширения и тех жалких знаний, того скудного образования, которого было вполне достаточно для древней России. Перемены коснулись в конце концов и религии. Приходилось дать себе ясный отчет в основах вероучения. Во второй половине пятнадцатого века впервые были переведены на славянский язык и собраны те сочинения, которые называются библией. Многие из высших духовных лиц впервые получили возможность познакомиться с ветхозаветными книгами.

Это было уже само по себе новшеством, вызывавшим подозрительное отношение. А тут еще появилась ересь, которая у победивших противников получила название ереси «жидовствующих» и которая, по их уверениям, признавала только книги ветхого завета.

Сказания о епископе Никите все перепутали: они, как мы сейчас увидим, отнесли к самому началу тринадцатого века то, что могло произойти только в шестнадцатом веке и во всяком случае не раньше конца пятнадцатого века. Сказанию, сложившемуся в пятнадцатом-шестнадцатом веке, придан такой характер, что оно служит посрамлению «жидовствующих», как слуг

дьявола, и опорачивает чтение книг — даже ветхозаветных божественных книг, — как служение бесам!

Возвращаемся к сказанию. Никита пал на землю и поклонился бесу, явившемуся перед ним в образе ангела. И сказал ему бес: «с этого времени ты уже не молишь, но читай книги. Этим путем ты будешь беседовать с богом и будешь подавать полезные наставления приходящим к тебе, а я всегда буду молить творца всех о твоём спасении».

Бес явился в образе ангела и обещал молиться творцу всех! Уж не он ли вместе с Никитой напевал молитву и не он ли и раньше говорил с ним? Поистине сатанинская провокация! Перед ней меркнут все подвиги провокаторов Азефа, Гернгросс, Жученко и Романа Малиновского.

Житие позествует дальше: «Затворник поверил этим словам и, обольщенный, уже более не молился, но стал ревностно читать книги. При сем он видел беса постоянно молящимся о нем и радовался, думая, что это ангел творит за него молитву». Думал, очевидно, потому, что бес принимал вид ангела и молился так, как молятся все самые православные христиане. И бог почему-то не положил конца такому дьявольскому обману! Ему зачем-то понадобилось подвергнуть Никиту такому испытанию, перед которым, пожалуй, не устоял бы и сам ангел.

Никита, — продолжает житие, — «начал пророчествовать, и все предсказанное им сбывалось... Точно так же, когда приходили к затворнику искавшие у него слова утешения, то бес, почитавшийся им за ангела, сообщал ему все случившееся с ними».

Сколько бывало в разных монастырях старцев, затворников, прозорливцев! И они сами и приходящие к ним считали их дар прозрения даром духа святого. А вот теперь оказывается, что это — от дьявола. Житие приводит изумительный случай пророчества Никиты. Однажды он сообщил князю Изяславу: «сегодня убит князь Глеб Святославович, поторопись послать на освободившееся место своего сына Святополка». И все произошло так, как сказал Никита, отдаленный от места происшествия сотнями километров, почти непроходимыми топами и лесами.

Современные авторы житий сами начинают чувствовать, что Никита несколько не похож на слугу дьявола, а похож скорее на сотни святых, о которых рассказано в этих очень больших, очень толстых и, в общем, очень неумных четырнадцати книгах. Составители житий начинают изворачиваться и от себя делают такую вставку: «на самом деле бес, конечно, не знает будущего; но, что он сам делал, — если, например, он научил злых людей убить или украсть, — то он и возвещает».

Замечательно убедительное объяснение! Совершенно так же можно сказать: «ангелы и сам бог не знают будущего, но что они сами делают, — если например, они попустят злым людям убить или соблазнить человека, или погубить его душу, или если они научат добрых людей совершить хорошее дело, — то они и возвещают». Какая же в этом отношении разница между добрыми и злыми богами?

Но в чем же в таком случае проявлялась власть бесов над Никитой и как были раскрыты козни дьявола? Жития говорят:

«Но вот что обратило на себя особенное внимание печерских сподвижников: никто не мог сравняться с Никитою в знании книг ветхого завета; все он знал наизусть: книгу Бытия, Исход, Левит, Числ, Судей, Царств, все пророчества по порядку. Вообще все книги ветхозаветные он знал очень хорошо, а святых евангельских и апостольских книг, данных нам по благодати божией для нашего спасения и утверждения в добре, он никогда не хотел ни видеть, ни слышать, — не только читать. Ни с кем он не хотел и беседовать о новом завете. Отсюда и стало ясно для всех, что инок Никита прельщен врагом человеческого рода».

Сектанты (еретики) пятнадцатого-шестнадцатого веков, действительно, с большой любовью обращались к так называемым ветхоз ветным произведениям. Новозаветные книги их менее привлекали. Они возникли в разложившемся римском обществе. В них много рабской приниженности, много нищенского смирения, в них часто сказывается безнадежно-равнодушное отношение к подлой действительности, в них нет при-

зывов к решительной борьбе с эксплуататорами, с угнетателями.

Напротив, в ветхом завете еще сохраняются смутные воспоминания о тех временах, когда широкие народные массы умели постоять за себя. Он рассказывает, как народ свергал тиранов-царей. Ветхозаветные пророки обрушиваются с пламенными обличениями и проклятиями на ростовщиков, на знать, захватывающую землю у крестьянства, на купцов, на всех паразитов, которые теснят, грабят, разоряют, пожирают и высасывают крестьянство.

По отрывочным сведениям, которые дошли до нас о секте «жидовствующих», она нашла много приверженцев среди эксплуатируемых классов того времени. И, подобно западноевропейским сектам, духовное оружие против эксплуататоров она искала в ветхом завете.

Можно же представить себе, какой страх нагнала она на эксплуататоров, если они дошли до того, что изучение книг ветхого завета, т. е. книг священных и для них, объявили бесовским делом!

Только потому, что Никита, не разгибаясь, сидел над этими книгами, «стало ясно для всех, что он соблазнен дьяволом». «Не могли потерпеть этого преподобные отцы печерские», продолжает житие. Для его обличения и спасения к нему пришел целый синклит святых: игумен Никон, Иоанн, который был игуменом после Никона, Пимен постник, Исаия, впоследствии ростовский епископ, Матфей прозорливец, Исаакий затворник, Григорий чудотворец и т. д., и т. д.; житие перечисляет тринадцать святых, живших тогда в Киево-Печерском монастыре.

Усилия стольких праведников принесли немедленные результаты. «Все они, прославленные добродетелями, пришедши, вознесли молитвы к богу о Никите и отогнали от него беса, так что Никита уже не видел его», т. е. перестал видеть ангела, про которого только впоследствии решили, что это был не ангел, а бес.

Произошло глубокое, полное исцеление. «Выведя Никиту из пещеры, они просили, чтобы он сказал им что-либо из ветхого завета. Он же стал клясться, что никогда даже не читал тех книг, которые недавно знал

наизусть; он даже не умел прочесть ни одного слова из них. Теперь его едва-едва могли научить грамоте».

Вот как основательно сделали свое дело святые отцы! Отогнали беса и вместе с тем вышибли из головы весь ветхий завет. Да и не только ветхий завет, но и самое умение читать. Современные люди, насквозь испорченные «бесовской» наукой, скажут, что с

Вознесение Магомета на небо
(по арабскому преданию).

Никитой, под воздействием тринадцати праведников, — дюжины, которая получила далеко не благочестивое название, — произошло внезапное умопомешательство и он впал в младенчество. А благочестивые люди сказали, что от него отогнали врага рода человеческого.

Дальше все пошло по-хорошему. «Пришедши в себя по молитвам преподобных отцов, Никита исповедал свой грех и горько раскаивался в нем. После этого он наложил на себя особенное воздержание и подвиги, начал вести строгую и смиренную жизнь и превзошел других в добродетели. Человеколюбивый господь, видя такие подвиги блаженного Никиты, не

отвергая и прежних его добродетелей, в которых он упражнялся со дней юности, принял его истинное покаяние и знамение принятия покаяния дал блаженному Никите. За премногую любовь его, обнаруженную в соблюдении заповедей, господь сотворил его пастырем своего словесного стада, возведши его на Новгородский епископский престол».

Солнечный бог Гелиос, по верованиям древних греков, ежедневно раскатывает на своей колеснице по небу. Христианское и еврейское представления об Илье-пророке (громовержце), вознесшемся на небо, родственны этому представлению древних греков.

В чем заключалось упоминаемое «знамение», в житиях не рассказано. Таковым не могло быть назначение епископом. В житиях рассказывается о многих епископах, которые были грешниками, распутниками, взяточниками, проходимцами, сторонниками ереси «живодствующих». А, с другой стороны, если бог мог являться в образе благочестиво молящегося ангела, почему бы и бесовскому слуге не принять вид благочестивейшего и преосвященнейшего епископа?

Однако голова пойдет кругом, если мы станем разбираться, почему церковь того или другого монаха

возвела в епископы, и даже больше: почему она какого-нибудь монаха или епископа объявила святым. Вот, например, новгородский архиепископ Геннадий (конец пятнадцатого и начало шестнадцатого века). Жития прямо говорят, что он был взяточником и что после постановления собора, угрожавшего за поборы, производившиеся при назначении на духовные места, извержением из епископского сана, «стал брать мзду за постановление еще более прежнего» (Дополнение первое, стр. 466). Но церковь объявила этого архиепископа-взяточника святым, 4 декабря служит ему молебны и уверяет, что в московском Чудовом монастыре почивают мощи этого блаженного взяточника-архиепископа. Такое отношение господствующей церкви Геннадий снискал тем, что он был озлобленным гонителем «жидовствующих», требовал и добивался их ссылки, наказания кнутом на площади, клеймения, заключения в тюрьмы, даже смертной казни.

Во всяком случае назначение Никиты в епископы никак нельзя признать «знамением». И, дальше, напуганные теми знамениями, которые раньше получал Никита, верующие могут спросить: да была ли какая-нибудь возможность установить, что и новое знамение не было от дьявола? И не случилось ли так, что, повихнувшись в уме, он только тут и попал в сети врага рода человеческого? И где доказательства, что раньше он был в бесовской власти? Что ни вопрос, то бездна недоумений.

Путаются святые отцы, когда они говорят о бесовских искушениях и о явлении ангелов. Смотря по обстоятельствам, они и беса объявят ангелом и ангела бесом.

5

«ОТЕЦ СЕРГИЙ» ТОЛСТОГО

Когда появилось посмертное издание произведений Толстого, много писалось и говорилось об его «Отце

Сергии». Но, кажется, никто еще не указывал, что это произведение навеяно на Толстого житиями святых.

По содержанию ближе всего подходят к рассказу Толстого жития преподобного Мартиниана (13 февраля) и в особенности Иакова Постника (4 марта).

Подвижничество Мартиниана (он жил, как рассказывали «Жития святых», в четвертом веке, т. е. более полуторы тысячи лет тому назад) началось с 18 лет и без всяких искушений продолжалось 25 лет. Он уже начал совершать исцеления и другие чудеса. После многих безуспешных попыток совращения дьявол выдвинул самое сильное бесовское средство против подвижника.

«Случилось, — рассказывают жития, — что некоторые жители Кесарии беседовали между собою о добродетельном житии Мартиниана. Они много дивились его мужеству и терпению. Некая жена блудница случайно услышала сию беседу. По дьявольскому наущению она приступила к сим мужам с такими словами:

«Почему вы так дивитесь житию этого подвижника? Разве уже он так тверд в добродетели? Если только захочу, я могу поколебать его, как ветер колеблет лист на дереве. И что достойное хвалы нашли вы в нем? Уж не то ли, что он, подобно дикому зверю, удалился в пустыню, не будучи в состоянии бороться в городе с похотью плоти и мирскими соблазнами? И что удивительного, если он бесстрастным остается, не видя никогда ни одной женщины?» и т. д.

«После сих слов она поспорила на деньги с теми мужами и отправилась к себе в дом. Здесь она сняла свои богатые одеяния, облеклась в худые и разодранные одежды, покрыла себе голову рубищем и опоясалась веревкой. А всю богатую одежду, кольца и серьги, золотые перстни и все, что прельщает ум и глаз юношей (в данное время Мартиниану было 43 года, — возраст далеко не юношеский), она вложила в мешок и взяла его с собою. Вечером она вышла из Кесарии и ночью пришла на ту гору в пустыне, где жил преподобный. Ночь была дождливая и бурная».

После великих колебаний, полный страха перед соблазном, Мартиниан, уступая ее мольбам, в конце-концов впустил ее и, разведя огонь и дав финиковых

плодов, оставил во внешней половине кельи, а сам удалился во внутреннюю и, заперев за собой двери, стал воспевать псалмы и молитвы. «После сего он лег на землю и уснул. Но сатана смутил его в ту ночь похотью плотскою. В полночь жена, встав, вынула из мешка все свои украшения и надела их на прельщение святого». Утром он вышел и, увидав ее в богатой одежде и украшенную, «в ужасе остановился и долгое время молчал».

Последовал продолжительный разговор. Блудница оказалась сильной не только в своем ремесле, но и в богословии. Она буквально засыпала его доказательствами из священного писания. «Разве не сказал апостол Павел: «честна жена и ложе нескверно»? Кто из пророков лишился царствия небесного лишь за то, что имел жену? Праотец Авраам имел трех жен — и был наречен даже другом Божиим. У Иакова было две жены и две наложницы, а он мог бороться с ангелом и удостоился зреть Божию славу» и т. д. «Слыша слова, какие говорила сия жена или, лучше сказать, сам дьявол, древний человекоубийца, ее словами, Мартиниан нашел иссохший хворост, взял его и внес в свою келью. Положив его посредине келии, он зажег его. Когда огонь сильно разгорелся, святой, сняв свои сандалии и вступив в огонь, стоял там до тех пор, пока огонь не начал опалять все его тело».

В конце концов, повествуют попы, он не только не пал, но и обратил на путь истинный ту женщину, которая пришла соблазнить его, но вместо того сделалась подвижницей и под именем святой Зои вошла в святцы (память ее, как и Мартиниана, 13 февраля).

Рассказ о преподобном Иакове Постнике в начале очень близок к рассказу о Мартиниане. Отличия не особенно существенные: по внушению дьявола враги Иакова наняли женщину, чтобы она соблазнила праведника. Впущенная во внешнюю половину кельи, женщина притворилась больной и стала плакать и стонать, прося о помощи. Иаков, «зажегши огонь и принеся святой елей, сел около нее. Держа свою левую руку на огне, святой омокнул правую руку в святой елей и прикоснулся телу женщины, то творя крестное

знамение, то помазую и согревая рукою ее сердце, ибо она жаловалась на сильную боль в сердце».

«Движимая нечистыми пожеланиями, женщина хотела и в святом возбудить похоть и склонить его ко греху, и потому говорила ему: «умоляю тебя, отец, еще помажь меня елеем и согрей рукой мое сердце, дабы совсем прекратились мои страдания». Блаженный Иаков, будучи прост сердцем и незлобив, поверил словам женщины и исполнил, что она просила. Но, зная бесовское прельщение, воздвигающее брань против плоти, и боясь, как бы от излишнего милосердия и соболезнования к женщине не привести свою душу к вечной гибели, в течение двух или трех часов держал свою левую руку на огне, с твердостью преодолевая боль до тех пор, пока не отвалились суставы пальцев».

И конец на этот раз такой же, как в житии Мартиниана: святой устоял и спас женщину. После этого глава его возросла, и он творил многочисленные чудеса. Но продолжение жития такое же, как в «Отце Сергии». Житие рассказывает, что Иаков впал в тяжкое прегрешение. «Это произошло, вероятно, потому, что он стал много думать о своей святости и богоугодной жизни и считать себя великим подвижником».

Дело началось с того, что «исконный враг рода человеческого, дьявол, завидующий проводящим жизнь богоугодно и непрестанно копающий для них ров гибели, вошел в отроковицу, дочь одного богача, и стал мучить ее, призывая ее устами Иакова и говоря: не выйду из нее, если не отведете меня к Иакову Пустыннику».

Родители уступили ее настояниям. «Святой, став на молитву, столь усердно помолился о ней богу, что даже самое место, где он стоял, потряслось. По окончании молитвы, Иаков дунул на отроковицу и сказал нечистому духу: «именем господя нашего Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из сей отроковицы». И тотчас дьявол, как бы опаленный огнем, вышел из девицы».

Родители, боясь возвращения дьявола, попросили святого оставить их дочь у себя на три дня. Их опасения были основательны: бес, очевидно, был ошелом-

лен и «опален» огнедышащим праведником, но не отогнан достаточно прочно: не даром он сам просил, чтобы девицу отвели к пустыннику. «Видя, что святой находится в пустынном уединенном месте вдвоем с отруковицей, и находя, что настало самое удобное время для его козней, дьявол воздвиг на подвижника бурю нечистых помыслов и скверного плотского вожделения и так разжег его похоть, что святой муж, — тот самый, который раньше не мог быть уловлен прельщением посланной к нему самарянами блудницы, тот, который ради сохранения целомудрия и чистоты жег на огне свою руку, тот, что сотворил многие чудеса и изгонял бесов, — так сильно был разожжен блудною похотью, что, забыв страх божий и свои многолетние постнические подвиги и посланную ему от бога благодать и силу исцелений, будучи уже в маститой старости, был побежден диаволом и пал. Он изнасиловал девицу, растлил ее и свое девство и, осквернив тело и душу, погубил все свои прежние подвижнические труды». Совершив одно преступление, он пошел дальше: чтобы скрыть следы, убил девицу и бросил ее труп в реку. «Таков плод горделивого самомнения, ибо, если бы инок не считал себя святым и великим в добродетели, то не впал бы в такие лютейшие грехи и не поругался бы враг над старостью того, кто в юности некогда победил его ухищрения».

Житие рассказывает о глубоком отчаянии, охватившем Иакова, и затем о раскаянии. Он поселился в пещере, где некогда хоронили мертвецов, и провел в ней десять лет, питаясь травами, произраставшими в тех местах. После такой жизни ему было «откровение», что грехи его прощены. Не покрывались ли все преступления десятилетнею давностью? Посему он снова начал совершать многие чудеса, «ибо все приводимые и приносимые из всей той страны больные, одержимые каким-либо недугом, тотчас получали исцеления, и бесы были прогоняемы словом святого».

Так как свое преступление он совершил уже будучи «маститым старцем», то дьявольские соблазны теперь, по прошествии десяти лет, конечно, уже не имели над ним никакой власти. Как ни убивал он свою

плоть, время искушений для него, естественно, уже давно миновало.

Перед нами — святые, вся жизнь которых была ухлопана на помыслы исключительно о своей душе, о своей собственной драгоценной особе. Можно ли при действительной любви к людям бежать от людей, от человеческого общества? Эти святые и сами не скрывали, что к бегству их побуждал страх перед людьми. Не добра, а зла ждали они от людей и поворачивались к ним спиной.

Можем ли мы чтить этих людей? Мы тоже ненавидим существующий пока еще во всем мире кроме нашей страны общественный строй: эксплуататорский, угнетательский, собственнический. Но мы не доставим угнетателям удовольствия видеть, как мы бежим от их общества и становимся где-нибудь в сторонке, бездельно скрестив на груди бездельные руки. Да и не можем бежать мы из этого общества, так как нас — миллионы и многие десятки миллионов и с каждым днем нас становится больше.

Наша задача — не скрыться, не отойти в сторону от мира злобы и угнетений, а пройти по нему освежающей бурей, очищающим великим потоком: перевернуть этот мир вверх дном и навсегда уничтожить всякую эксплуатацию, всякое угнетение.

Теперешний рабочий, теперешний крестьянин, захваченный великой революционной борьбой, отнесется с великой жалостью и состраданием к церковным святым. Если только они жили так, как говорят о них сказания, то они убивали свои, часто большие, силы не на борьбу с действительным злом и неправдой, а на войну с призраками, порожденными их собственным больным воображением, которое они калечили и в то же время разжигали безнадежными попытками сломить и сокрушить свою собственную природу.

Теперешний рабочий, теперешний крестьянин, захваченный последней, решительной схваткой с миром эксплуатации и угнетения, не доставит помещикам и капиталистам радости, что он будет убивать свою плоть; он не пойдет на то, чтобы, отдавая им почти все продукты собственного труда, для себя, для сво-

их детей и внуков согласиться на полуголодное существование, лишенное всякого света, всякого луча радости.

Он скажет им: ваша эксплуататорская церковь, слуга всех угнетателей и сама угнетательница, призывает к лишениям, к подвигам, к умерщвлению плоти? Хорошо, я отберу у вас собственность, которая обеспечивала вам бездельное и роскошное существование, а миллионы и сотни миллионов работников осуждала на вечные лишения и нужду, на голод и вырождение; я поставлю вас в такие условия, что вам тоже придется работать.

Сломав и уничтожив ваш мир, я построю новый, в котором человек до полного расцвета развернет все человеческие силы. Я, как орел, — нет, не как орел: человеческий взор сильнее, — окину взором всю природу, весь сияющий мир, я подчиню его своей воле, — я превращу его в рай, о котором и не грезилось вашим святым.

Ваши святые — не мои герои, не мой идеал. Им суждено погибнуть вместе с вашим миром: с его богом, его ангелами и его дьяволами, — со всеми этими призраками, страхом перед которыми угнетатели хотели держать угнетаемых в покорности.

6

ПОЧЕМУ ПАДАЕТ ВЕРА И НАРАСТАЕТ БЕЗВЕРИЕ

I

Много бесов было в те времена, когда жили праведники! Мир был переполнен ими. И много же видений было этим праведникам! Ни одна ночь не проходила без бесед с ангелами, с усопшими праведниками, с богородицей, с самим богом или без споров с мелкими бесенятами и с большим бесом, иногда с самим князем бесовским.

Опустел мир с тех времен! Куда-то сгинули бесы, заменившиеся в деревне каким-нибудь простодушным

лешим или шутником-домовым. Не являются ангелы, бог не беседует с людьми, нет праведников, не видна на каждом шагу рука чистой или нечистой силы. Опустел наш мир.

Только деревенские старухи да богаделки считают свои сны вещими, — да и они через какую-нибудь неделю забывают о своих путешествиях в ад или рай, о беседах с ангелами и святыми, о дьявольских наваждениях. Бывает, что видят они и мерзкого дьявола, и своих родственников, горящих и не сгорающих в вечном гееннском огне. Приходится поставить лишнюю свечку, положить несколько больше обычного земных поклонов, лишний раз подать записочки или поминание с именами за здравие и за упокой, да почаще читать: «Да воскреснет бог», или встревоженно приговаривать: «аминь, аминь, рассыпся», и ежедневно отстаивать одну лишнюю кафизму.

Но не те теперь времена! Все только подсмеиваются над старушечьими снами и страхами. И сами богаделки помнят их только до следующего сна, т. е. до завтра, — и только особенно страшные и «вещие» сны не выходят из их высохшей головы неделю-другую.

Впрочем, попадают люди, которые уверяют, будто они наяву разговаривают с большими и малыми, с главными и подвластными богами. Они сами верят в свои рассказы и видения. Если сравнить их с сотнями повествований, внесенных в жития святых, то окажется, что между ними нет никакой существенной разницы. Но весь мир стал другим. И людей, которых в старые времена объявили бы праведниками, блаженными, юродивыми, прозорливцами, этот мир признает теперь сумасшедшими, нервными людьми. К ним не идут десятки и сотни поклонников и почитателей, у них не ищут разрешения мучительных вопросов: их отправляют в больницы и там лечат и излечивают, — излечивают от болезни, но вместе с тем и от их божественных видений и от их святости.

Весь таинственный мир, о котором рассказывается в так называемом священном писании и житиях святых, куда-то исчез, он не существует, его просто нет для теперешнего здорового человека. Весь тот мир

сохранился только в народных сказках, которые, однако, все больше забываются даже в деревне. Взрослые относятся к ним, как к праздным измышлениям, и только бабушки рассказывают их своим внукам, да и они рассказывают отчасти для того, чтобы слегка припугнуть расшалившихся ребятишек, а больше для того, чтобы их позабавить. Сделавшись сказочным миром, — миром простоватых чертей, которых проводит мужик, миром домовых и колдуний, ведьм и русалок, — этот мир лишился всякой таинственности. Он уже не запугивает, не тревожит здоровых и умных людей, он не оказывает влияния на их жизнь и поведение. И это — все, что осталось от тех страшных дьяволов, которые когда-то соблазняли подвижников!

Переводится все таинственное, все чудесное. Умерли святые, умерли бесы и ангелы, умирает сам бог. Они совсем захирели в городском воздухе, да и в деревне влачат малоприметное существование, далеко не такое яркое, как было в старые времена.

II

Несколько лет тому назад, когда я жил в Астраханской губернии, я был не мало удивлен, увидав, что на всех дверях и окнах одной деревенской избытки наклеены бумажки с надписью: «Прасковьи Ивановны дома нету».

Сама Прасковья Ивановна, которая в действительности сидела дома, рассказала мне, что она уже несколько недель мается от лихорадки и сделала эти надписи, чтобы отделаться от нее.

Придет лихорадка, прочитает записочки, увидит, что Прасковьи Ивановны нет, и уйдет прочь.

Это — народное поверье, это — суеверие, скажет почти каждый читатель. А поп назидательно возвестит, что все это — от темноты народной.

Но тот же поп одобрит рабу божью Параскеву, если она запишет свое имя на бумажке и подаст ее для поминовения за здоровье. Поп назовет ее имя, дьячок прокричит сорок раз «помилос-помилос-помилос» (господи помилуй) и быстро пробормочет другие молит-

вы. Это с точки зрения попа не суеверие, а истинное благочестие, дело истинной веры.

Если призовут ворожею и она, шепча заклинания против сестер-лихоманок, польет водой угольки и потом изо рта спрыснет больную этой водой, — перед нами будет явное суеверие, и всякий поп станет с сокрушением говорить о той власти, какую суеверия имеют над простыми умами.

А если пригласить того же попа отслужить над больною молебен, он придет, будет петь и читать об отогнании дьявола и с огромной кисти побрызгает на больную водой, которую все называют святой водой. Это — дело веры, и приглашение попа — пример, которому должны подражать все добрые чада церкви.

Нелепость и суеверие, когда приглашают колдуна исцелять «порченную». Но благочестивое дело — свозить эту порченную к чудотворной иконе, силой которой из нее могут быть изгнаны какие-то бесы, так учат попы.

Язычество и нелепость признавать священными камни, деревья, источники, великое суеверие приписывать божественную силу кусочкам от этих камней, щепочкам от этих деревьев, воде из этих источников.

А вот жития святых, изданные епископами и попами, рассказывают, как больной получил исцеление от земли, лежавшей около костей Иулиании, признанных за это и за другие «чудеса» мощами, как несколько больных исцелились, выпив кваса, взятого из Звенигородского монастыря, и жития приводят врачевания этим божественным квасом в доказательство, что Савва Звенигородский (Сторожевский) — действительный святой, действительный бог.

Попы легко изворачиваются. Все это для них — вера, а не суеверие.

И это вера потому только, что их вера — господствующая и что жрецы этой веры до Октябрьской революции принадлежали к господствующим классам общества.

Они не терпят конкуренции старинных верований. Они объявили старинных богов бесами, а старинные верования — суеверием.

Свои заклинания они называют молитвами, а старинные заклинания — колдовством.

В этом — вся разница между верой и суеверием.

III

Работали летом, работали осенью, работали весной. И работали не даром, ожидался большой урожай. Напала туча с грозой и градом, и в какой-нибудь час поля были побиты. Откуда и почему она пришла, неизвестно. Значит, ее послал бог.

Вчера лошадь была совсем здорова. А сегодня, когда утром вошли в стойло, она стояла измученная, вся взмыленная, как будто на ней бешеным галопом мчались десятки километров. Что приключилось ночью с лошадью, неизвестно. Значит, это — дело нечистого.

Вера в бога и нечистого является там, где знание недостаточно, где вообще нет знания. Верующий человек не скажет: «я этого не знаю». Вместо этого он говорит себе: «это от бога» или «это от дьявола».

Если человек говорит: «я этого не знаю», он тем самым говорит нам: «я этого пока не знаю». Если я пока не знаю, получается прямой вывод: «это надо узнать». Мысль начинает работать и не успокоится до тех пор, пока не попытается до действительного объяснения.

Когда человек говорит: «это от бога», или «это от дьявола», он настраивает свою мысль на смиренный лад и усыпляет ее. Работа познания разом упирается в серую стену. И, что всего хуже, человек и сам не замечает, что он нисколько не сдвинулся с места. Напротив, ему представляется, что он уже дал достаточное объяснение. Его мысль не только засыпает, но и умирает.

Человечество приходит к знанию путем разрушения веры. Пока оно действительно верило, что молния и гром — это стрелы, выпускаемые Зевсом, Перуном, Иллей или ангелами, поражающими бесовское войско, оно содрогалось, трепетало от ужаса перед разыгравшейся грозой, оно спешило в храмы, оно зажи-

гало умилоостивительный огонь перед идолами, сделанными из камня и дерева или нарисованными на доске. Но оно не дерзало и с с л е д о в а т ь, отчего же в действительности происходят гром и молния.

Когда человечество стало исследовать, умерли Зевс и Перун громовержцы, рассеялись полчища бесов и ангелов, которые вели сражения в облаках и над облаками. Человечество познало действительную силу, которая производит страшные молнии и громовые раскаты. И, познав эту силу, подчинило ее себе.

Теперь эта сила, называемая электричеством, по проволоке и без проволоки связывает телеграфом народы, отделенные тысячами километров один от другого. Теперь она в телефоне передает человеческую речь за сотни километров. Теперь она освещает улицы и дома в городах и двигает десятки и сотни трамвайных вагонов, перевозящих десятки и сотни тысяч людей ежедневно.

А скоро эта сила свяжет телеграфной и телефонной проволокой самые заброшенные деревни и заменит в них не только лучину и свечу, но и лампу. И эта же сила будет приводить в движение мельницы, фабрики, заводы и железнодорожные поезда.

Умерло все таинственное в облаках и над облаками: умер Зевс и Перун, Илья-пророк, бесы и ангелы. Человечество превратило их в своих удивительно быстрых, сильных и неутомимых почтальонов, в своих коней и возчиков.

IV

Удивительно хитрая и сложная вещь — городской электрический трамвай! На столбах подвешены и переплетаются проволоки, которые идут от огромных кирпичных зданий, переполненных машинами и издали заметных по высоким трубам, выпускающим легкие клубы дыма. К проволоке от вагона идет железный рычаг. Вагоновожатый легким поворотом рукоятки заставляет вагон двигаться и останавливаться. Нет здесь ни лошади, ни паровоза, — не видно ничего,

что могло бы тащить или толкать вагоны. А они бегут. Да и как еще бегут!

«Жития святых» рассказывают, что многие праведники бывали в раю, — они попадали туда в «сонном видении». И они много рассказывали о чудесах, которые видели там. Много ходили некоторые из них по разным садам и отделениям рая. Путина была не маленькая. Одни праведники говорили, что рай будет с Константинополь, а другие уверяли, что из него выйдет много Константинополей. И вот такие-то концы они делали пешком, — или в лучшем для них случае «возносились ангелами». Ничего-то подобного такому средству передвижения, как трамвай, не видали они в раю.

Если бы какой-нибудь праведник, живший в старые времена, увидел привычный для нас трамвай на земле, он, конечно, смотря по обстоятельствам, сказал бы, что это дело божественной или нечистой силы, но отнюдь не дело рук человеческих.

Удивительно хитрая и сложная штука этот трамвай! Но и простая это штука, будничная, привычная для нас, — хотя он начал распространяться всего какую-нибудь четверть века тому назад.

Висит туго натянутая проволока, под ней скользит рычаг вагона, — и десятки и сотни таких вагонов во всякий момент везут тысячи и десятки тысяч пассажиров.

Но вдруг гаснут лампочки, и все вагоны, протаскившись несколько шагов, останавливаются. А в них сидят монахи, которые из веры сделали свое ремесло, сидят попы, которые едут почитать и попеть над больным, сотворить над ним заклинания, побрызгать на него с огромной кисти водой, которую они называют святою водой. Сидят богаделки, которые, как только заходит грозовая туча, затепливают лампадки и потом при каждом ударе грома с благочестиво-испуганным выражением на лице прикладывают щепоть правой руки ко лбу, к животу, к правому и левому плечу и шепчут слова заклинаний, называемых молитвами.

Когда в деревне заболит лошадь или корова, к ней призовут и знахаря и попа, помажут ее знахарской мазью и побрызжут на нее поповской водой. Во всяком случае тем или другим способом постараются отогнать нечистую силу. И только когда скотина будет явно околевать, пойдут за помощью к ветеринару.

А вот здесь что-то случилось в огромной машине. И все сидят на местах, выражают только опасение, что из-за этого опоздадут. И монахи, и попы, и богаделки не начинают творить заклинаний, никто не брызгает святой водой на вагон, — знают, что этим вызвали бы только издевательство и насмешки. И старушонка не лезет за чудотворной ваткой от чудотворных мощей или за маслом из лампады при чудотворной иконе, хотя все у нее за пазухой и хотя в других случаях она повсюду суется со своей ваткой и со своим лампадным маслом. И ни попы, ни монахи, ни богаделки даже не крестятся. И все в один голос говорят: «видно, на станции что-то случилось».

В сущности, никто из них толком не знает, что делается на электрической станции и какая связь существует между нею и движением трамвайных вагонов. Но все знают, что эта связь существует и что там сидят люди, которые все это знают до последнего винтика, до крошечного колесика и что эти люди сумеют наладить испортившуюся машину.

На станции разом заметили, что ход машины неправильный. Но никому не пришло в голову, что это — дело нечистого. Никто и не подумал бежать за попами, попросить их отслужить молебен с водоосвящением, почитать и попеть молитвы, которые будто бы способны отогнать дьявола. Никто не начал креститься и читать: «Да воскреснет бог и расточатся врази его». Напротив, кое-кто крепко, очень крепко выругался и полез под остановившуюся машину. Подвинули винтик другой, закрепили какие-то гайки, вынули попорченную часть, заменили новой, — и через пять минут вспыхнули огни в вагонах, и они побежали и по кругам, и поперек города и потащили сотни и тысячи пассажиров.

Весь трамвай построен человеческими руками, которые направлялись знающей человеческой головой. Человечество узнало, что за сила электричество, и сумело подчинить ее себе и использовать. Здесь человек вполне познал силу природы и овладел ею. Здесь нечего делать ни богу, ни вельзевулу, ни бесам, ни ангелам.

То же на каждой фабрике и заводе, на всякой железной дороге. Своим производительным трудом и вытекающим из него познанием взаимной связи явлений человечество рассеяло ту беспросветную темноту и те туманы, которыми вера окутывала силы природы и их действие.

Заставляя силы природы служить своим человеческим целям, человечество оставляло коленопреклоненное положение, в которое ставила его вера, и выпрямлялось во весь свой человеческий рост.

Оно говорило: в мире нет тайн, которыми с детства запугивали меня монахи, попы и старухи. В мире нет ничего такого, перед чем остановилась бы моя преобразующая и творческая рука и мой испытующий ум.

В мире нет тайн, перед которыми мне пришлось бы остановиться в трепетной беспомощности. В мире осталось еще много такого, чем пока не овладел мой все подчиняющий труд, чего еще не познал мой человеческий ум. Но это только показывает, что передо мной лежит еще длинный путь, по которому в ускоряющемся движении я пойду вперед, все вперед, выше, все выше.

V

Стихийные силы, своим непредвиденным вторжением уничтожающие все результаты труда земледельца, и те же темные стихийные силы, в другом сочетании дававшие ему желанные результаты, подавляли его ум и создавали молитвенное настроение. В своей вере он был таким же беспомощным перед богами, как в своем труде был беспомощен перед природой. В своем труде он наталкивался на преграды, непрео-

долимые для его сил; в своем мышлении, сливавшемся с верой, он загораживал дорогу познанию, усыпляя себя теми мнимыми объяснениями, которые дает вера с ее большими и маленькими, добрыми и злыми богами.

Но, кроме сил природы, над человечеством тяготела и еще теперь тяготеет темная власть общественных сил. И эта власть для подавляющего большинства человечества — власть эксплуататорского, грабительского общества.

Оно, это общество эксплуататоров, очень сложно, очень хитро устроено. Оно так устроено, что несчастный, измученный раб паразитических классов воображает себе, будто он свободное существо. Он живет и работает не для себя, а для других, для пиявок, для бездельников, для помещиков и капиталистов, — а воображает, что все делает свободно для себя самого. Его посылают грабить и убивать, усмирять таких же рабов капиталистической и помещичьей собственности, а он верит, будто он идет защищать не эксплуататорский строй, а общее и одинаково дорогое для всех отечество.

Сложно, хитро, запутанно теперешнее человеческое общество, сложны и темны взаимные связи между людьми. Скоро ли разберется рабочий, что ему приходится голодать и ходить голым потому, что он произвел слишком много одежды и пищи? И сразу ли он поймет, что фабриканты выбрасывают его на улицу по одной простой причине: потому, что если они понизят цены товаров, то не достигнут такой большой прибыли, какую получают, если сократят и даже совсем прекратят производство и заставят покупать всякую залежь, заваль и гниль.

Сложно и запутанно теперешнее общество эксплуататоров, — а тут еще угнетатели применяют всякие способы для того, чтобы сделать невозможным его понимание. Там, где надо было сказать: «такова воля капиталистов и помещиков», они говорят: «такова воля божия». По справедливости надо было бы сказать: «паразиты все еще не сыты, — они хотят расширить область своей эксплуатации, они хотят все челове-

ство превратить в данников и рабов своего капитала, который они называют «отечественным капиталом», — а эксплуататоры говорят: «все это ниспослано за ваши грехи». И когда возмущение измученных, задавленных, изнуренных, ограбленных, истекающих кровью эксплуатируемых угрожает вылиться в пламенный бунт, тогда они говорят: «терпите в этой жизни! Зато хорошо вам будет за гробом, так как бог введет вас в свои райские селения».

И задавленные, замученные данники и рабы покорно стоят на коленях и ждут, воображая, будто их смирение требуется какому-то богу, а не обществу эксплуататоров.

«Бог» и здесь останавливает работу человеческого познания. И, видя, насколько хорошо связывает рабов это средство, эксплуататоры переглядываются между собой, их рты раздирает презрительная и издевательская усмешка, и они напоказ поклоняются и приносят жертвы какому-то богу, — этому темному неведомому существу, которое обволакивает ум человеческий непроницаемым туманом, в которое сами они не верят, но которое так хорошо помогает держать массы в рабской покорности.

VI

Пролетарская революция совлекает с общественных отношений те покровы, которые скрывали от эксплуатируемых безграничность власти эксплуататоров.

С какой стати мы будем называть богами или бесами капиталистов и помещиков, которые хотят вернуть себе свою эксплуататорскую власть над крестьянством и пролетариатом? И зачем мы будем называть так капиталистов всего мира, которые хотели тесным кольцом обложить рабоче-крестьянскую Россию и задушить ее, чтобы уничтожить соблазнительный пример для всего мира? Мы ясно видим, что борьба идет не между богом и дьяволом, не между ангелами и бесами, а между самими людьми, между эксплуататорами и эксплуатируемыми...

Все отношения так просты и ясны, что только безнадежно искалеченные рабы умы не сумеют в них разобраться и в самом начале остановят работу своего познания смиренным преклонением перед какой-то божественной или бесовской силой и властью.

С окончательной победой социализма все будет еще понятней и проще.

В умирающем капиталистическом обществе человек — слепое игрище, раб экономических сил. Конечно, и капиталист, и помещик и крестьянин сами налаживают свое производство и властно придавать ему тот или иной характер. Капиталист, например, может наперед рассчитать, что на его фабрике будут работать три тысячи человек и что они произведут в год полмиллиона кусков какой-нибудь материи. Но что из всего этого выйдет, это в конце концов зависит не от него, а от множества причин, которые он не может учесть наперед: это зависит от урожая хлебов не только в его стране, но и в Америке, и в Австралии, это зависит от работы в каменноугольных шахтах, от хода добычи и выплавки чугунной руды, это зависит от того, сколько и при каких условиях произведут его конкуренты. Фабрикант — хозяин в своем производстве; но как только он выступает на рынок, затем ли чтобы купить топливо и сырые материалы, затем ли чтобы продать готовый продукт, он оказывается во власти слепых экономических сил, которые он так же не в состоянии учитывать и направлять, как земледелец — стихийные силы природы.

Социалистическое общество будет учитывать и направлять все общественное производство и все распределительные отношения. Оно само будет сознательно созидать их.

Свободный творец всей своей жизни, человек не станет на колени перед темной властью общественных отношений, не признает ее делом бога или дьявола. ведь тогда не будет самой этой стихийной, запутанной, темной, непроницаемой власти эксплуататорского общества над человеком, не будет самого эксплуататорского общества, а будет человеческое обще-

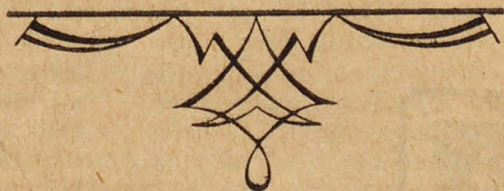
ство, так как только тогда человек и преодолевает свое зоологическое прошлое.

В великой борьбе рождается человечество, взор которого не затуманен никакой верой. Рождается человечество, взор которого изощрен знанием природы и общества.

Уже теперь умирают, переводятся все боги и все бесы, потому что рождается новое человечество, которое своим трудом, своей борьбой приходит к познанию и подчинению сил природы и общественных сил.

Скоро бог и боги окончательно умрут, ибо само человечество будет властелином и природы и своих общественных отношений.

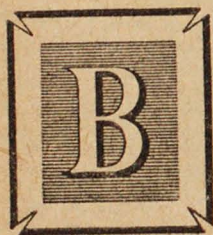
1-е издание вышло в 1920 г.

О ПРАВОЙ И НЕПРАВОЙ ВЕРЕ

I

ВСЯКИЙ народ до поры до времени считает свою веру хорошей и правильной. Ему кажется, что только его боги—истинные, а у других народов не вера, а суеверие. Их боги — не боги, а камни, деревьяжки или злые и страшные демоны, бессильные при встрече с истинными богами.

Пока народ считает свою веру правильной, он верит, что его боги всемогущи и что они могут творить и творят великие чудеса.

Две с половиною тысячи лет назад греки были «язычниками». Главным богом они почитали Зевса,

его жену, его детей и его близких родственников: Геру, Афины, Аполлона, Ареса, Асклепия и так далее. Они делали изображения этих богов (иконы, статуи), ставили их в своих храмах и в этих храмах возносили молитвы богам.

Священники (жрецы), через которых люди обращались к богам, рассказывали о многочисленных чудесах, совершавшихся по молитве благочестивых священников. Греки верили этим рассказам и приносили в храмы богатые дары золотом, серебром, драгоценными камнями, тканями, яствами и питьями.

Много чудес, по рассказам священников, творили изображения (статуи) богов, почитавшиеся чудотворными. И много сокровищ собиралось в храмах от приношений верующих, много богатств накопили священники.

В городе Эпидавре была церковь во имя Асклепия, который был для греков то же, что Пантелеймон-целитель для православных. По соседству с храмом были источники и ключи, почитавшиеся чудотворными. Со всей Греции шли сюда больные и немощные. И священники рассказывали, что ко многим из немощных во сне являлся бог Асклепий и посылал исцеления или указывал, как исцелиться. И они записывали на стенах церкви свои рассказы об исцелениях. Кое-что из этих записей сохранилось до нашего времени. Вот некоторые из рассказов о чудесах, которые за две с половиной тысячи лет верующие язычники приписывали языческому богу Асклепию.

Из города Афин пришла за исцелением кривая женщина Амвросия. Но, пробираясь по церкви, она поддалась греху маловерия. Она думала: может ли быть, чтобы хромые и слепые становились здоровыми? И статочное ли это дело, чтобы я, кривая, стала видеть обоими глазами? Малодушная, печальная, ушла она из храма и легла спать. И во сне ей было видение. Сам бог Асклепий явился ей и сказал, что она станет здоровой. Но в наказание за неверие она должна пожертвовать в его церковь серебряную свинью. Затем Асклепий рассек больной глаз и влил в него какую-то жидкость. И проснулась Амвросия здоровая и, славя

Асклепия, возвратилась в дом свой и затем, как повелел Асклепий, принесла священникам серебряный дар.

И рассказывали священники Асклепия о других исцелениях, совершившихся в его церкви. Пришел немой от рождения мальчик, принес жертвы изображению Асклепия и стал усердно молиться об исцелении. И, видя это, подошел к нему юноша, прислуживавший в храме, и сказал его отцу: «Твой сын получит

Греческий бог Асклепий (целитель) среди учеников.

исцеление; но дай обет, что ты через год придешь сюда и принесешь нам дары». И не успел отец раскрыть уста свои, как сын его, немой до того времени, ответил: «Обещаюсь». И на просьбу отца он повторил это и стал с тех пор говорить. И оба они, восхваляя Асклепия, пошли в дом свой.

И еще рассказывали священники языческого бога Асклепия: Арата, женщина, жившая в Спарте, была больна водянкой. И мать ее пошла помолиться Асклепию. И было ей в сонном видении, что бог Асклепий отсек голову у ее дочери, повесил тело вниз шеей и, когда все воды стекли, опять приложил голову. И, восстав от сна, возвратилась она в Спарту и нашла свою дочь исцелившейся от водянки. И Арата расска-

зала ей, что в одно время с нею она имела такое же видение.

И умели священники Асклепия вызывать в верующих страх и трепет перед своим богом. Рассказывали они о Пандаре, лоб которого покрылся страшными язвами. Помолившись Асклепию, Пандар получил полное исцеление. Возвратившись домой, он встретил земляка Эхедора, который заболел такими же язвами. Узнав об исцелении, Эхедор решил тоже пойти на богомолье в храм Асклепия. Пандар дал ему денег для взноса священникам Асклепия в благодарность за исцеление. Эхедор же, придя в храм, утаил этот дар. И во сне было ему видение. Явился ему сам бог Асклепий и спросил, не принес ли он денег от Пандара. И повелел ему бог восстать, выйти из святилища, омыть лицо из источника и посмотреться в воду. И сделал так Эхедор. И, посмотревшись в воду, увидал, что к его собственным язвам на лбу присоединились язвы Пандара. Так покарал языческий бог человека, утаившего от священников благодарственные дары.

И слушали это верующие, и толпами тянулись к храму Асклепия, и передавали священникам приношения исцеленных, и, ожидая для себя исцеления, прибавляли свои собственные дары.

И шли к храму Асклепия больные и немощные, и повторяли жреческие рассказы о чудесах, и несли украшения в храм, и наделяли богатыми дарами священников. И богатели служители языческого бога Асклепия, и слава о нем наполняла всю Грецию. И все это было в «языческой» Греции за две с половиной тысячи лет до нашего времени и за шестьсот лет до того времени, как появилось христианство.

В то же время великим почетом у греков пользовались храмы бога Аполлона и богини Афины, находившиеся в Дельфах, около горы Парнас. За служителями этого храма, мужчинами и женщинами, укоренилась слава ясновидящих и прорицателей. Сюда шли со всей Греции люди, которые, готовясь к какому-нибудь важному делу, желали получить совет богов. Священники в таких случаях уверяли, что они вопро-

шали богов и их ответ сообщают верующим. И по Греции шла великая слава о чудесных пророчествах служителей этого храма. И со всей Греции стекались сюда жертвы богам и дары для священников. Житницы этого храма ломились от хлеба, погреба были переполнены винами, и сокровищницы горели и сияли от драгоценных камней, золота и серебра. И верующие говорили, что божия благодать почивает на этом святом месте.

Но вот в Грецию вторглись из Азии полчища персов, на которых тогдашние греки смотрели как на дикарей и грубых язычников. И еще через много столетий после того, как это произошло, дельфийские священники рассказывали следующее. Персы прослышали о сокровищах и богатствах дельфийских священников и пошли, чтобы завладеть ими. И смятение охватило весь город, и жители разбежались в разные стороны. Но греческие боги сумели защититься от персов.

Дельфийские священники рассказывали: едва персы подошли к церкви Афины, как с неба упала на них молния, а с Парнаса оторвались две вершины, с шумом великим обрушились на нечестивых и многих из них задавили. В смятении персы бросились в бегство. А в это время два языческих святых, два языческих бога, Филак и Автоной, вышли из своих храмов и в виде двух грозных воинов исполинского роста неотступно преследовали персов, гнали их и избивали целыми полчищами...

Вот какие чудеса за две с половиною тысячи лет до нашего времени рассказывали о своих богах греки-язычники, которые тогда считали этих богов истинными богами и свою веру правильной верой.

II

Прошло шестьсот — семьсот лет. И в Греции, и в Риме, и в Африке, и в Азии появились люди, которые говорили, что и персидская, и греческая, и римская вера — не вера, а суеверие; и говорили они, что и персидские, и греческие, и римские боги — камни и дере-

вяжки или дьяволы и злобные демоны. Правильной верой они стали почитать христианскую веру и истинными богами называли Христа, его мать, его ангелов и святых.

Они шли за свою веру на муки и сами искали мучений за веру. И священники их рассказывали о великих исцелениях и чудесах, которые совершал их бог, когда он жил на земле, и которые праведники творили его именем.

И христиане, умножившись, сжигали и разрушали персидские, греческие и римские храмы, ниспровергали и разбивали языческие священные изображения, которые стали называть идолами.

И христиане, уничтожая образа персидских, греческих и римских богов и их церкви, сдирая с идолов драгоценные ризы и украшения, растаскивая церковные хранилища, с торжеством говорили: какие же это боги, если они не могут сами защищать себя от людей? Это не боги, а камни и деревьяжи.

И христианские священники рассказывали, как их боги посрамляли персидских, греческих и римских богов, которых они теперь называли демонами, дьяволами и языческими богами.

Они рассказывали, будто языческие воины, которые хотели схватить святого и предать его мукам, были постигнуты слепотой.

Они рассказывали, будто целый отряд солдат, посланный на поимку христианской святой, был уничтожен огромным драконом, который изрыгал изо рта пламя и дым.

Рассказывали они, будто по слову святого Георгия статуи Аполлона и других греческих и римских богов ниспровергались на землю и из этих статуй с великим шумом и воплями изошли нечистые духи, обитавшие в них.

И много рассказывали они об исцелениях и чудесах, совершенных христианскими богами, их мощами и их изображениями, которые они называли иконами.

Все это рассказывали христианские жрецы и монахи про своего главного бога и малых богов, которых они называли своими святыми. Но греческие, римские,

египетские, персидские и арабские историки и летописцы, жившие в те времена, не знали и не слыхали о таких великих, чудесных и страшных происшествиях, о которых рассказывали христианские жрецы и монахи.

Но, хотя обо всем этом рассказывали только христианские священники и монахи, далеко расходилась слава о чудотворных христианских мощах, священных изображениях, о монастырях и церквях, в которых находились эти святыни.

Все эти рассказы убеждали верующих, что их вера — правая и что их боги — истинные.

И стекались к храмам и монастырям, к священникам и монахам богатые приношения: и золото, и серебро, и драгоценные камни, и хлеб, и помещичьи и княжеские вотчины, и усадьбы, населенные рабами или крепостными крестьянами.

Росло благолепие храмов и ризниц, переполнялись сокровищницы; золотом и серебром, алмазами и жемчугами горели алтари, раки с мощами, изображения наиболее чтимых богов. Золотом, алмазами и жемчугом сияли ризы священников и митры епископов. И росли земельные владения церквей и монастырей, и умножались доходы священников.

А блеск и благолепие храмов, сияние митр, облачений и посохов говорили верующим, что их вера — правая и что боги, которые дают своим служителям такие богатства, этими богатствами свидетельствуют о том, что они — боги истинные.

III

Прошло еще без малого тысяча лет. Вся Россия к тому времени стала христианской страной. Но она распадалась на множество больших и маленьких государств: Тверское, Владимиро-Суздальское, Рязанское, Смоленское и Новгородское княжества.

В каждом государстве были свои особо чтимые боги, свои иконы и мощи, почитавшиеся чудотворными.

Священники каждого государства рассказывали о дивных исцелениях и чудесах, которые посылали их боги, их иконы и их мощи.

И в Новгороде, и во Владимире, и в Смоленске, и в Чернигове одинаково молились Марии, которую все христиане почитают матерью своего главного бога. Но в Новгороде, во Владимире, в Чернигове и Смоленске были различные изображения на иконах, почтавшихся чудотворными. На одних изображениях Мария была молодой девушкой с ясными голубыми глазами, с светлыми волосами и с пухлым, розовым ртом, на других — сравнительно пожилой женщиной с черными волосами, сумрачным взглядом и строго сжатыми тонкими губами. Но про эти разные изображения говорили, что они представляют одну и ту же богиню.

Тогда часто бывало, что одно русское государство вело войну против другого: Смоленск дрался с Москвою, Владимир шел войною на Новгород.

И служители новгородского изображения богородицы рассказывали, как во время сражения они вынесли изображение своего бога, как оно само повернулось спиною к владимирцам, как из его глаз полились слезы, как на владимирцев нашла тьма и страх и как они, избиваемые видимой и невидимой силой, в смятении сами избивая друг друга, обратились в поспешное бегство.

И новгородцы слушали эти рассказы, и одевали изображение своего бога в драгоценные ризы, горевшие золотом, серебром и самоцветными камнями. И несли они священникам этого бога многочисленные дары, а князья наделяли священников землями с крестьянами.

Через несколько лет князь Андрей Владимирский (Боголюбский), предпринявший поход на Новгород, был убит своими боярами. И владимирско-суздальские священники объявили своим святым, т. е. своим богом, этого князя, против которого ополчилась сама новгородская богородица, один из главных богов всех христиан.

И рассказывали владимирско-суздальские жрецы, что во время походов на новгородские и на другие

русские государства их святыня, изображение той же Марии, наводила страх на врагов и обращала их в бегство.

И верующие слушали эти рассказы, и все тяжелей от золота и камней становились ризы на владимирской иконе Марии, все богаче делались ее храмы, все больше вотчин, крестьян, золота и серебра накоплялось у ее служителей.

Дрались между собою христианские государства и несли с собою в сражения изображения одних и тех же богов, и возносили молебствия о победе одним и тем же богам: Иисусу, Марии, Николаю, Георгию Победоносцу. И жрецы христиан говорили, что в битвах сражались не только люди, но и их боги. И владимирцы, и черниговцы, и новгородцы слушали это и верили этим рассказам. И в каждом государстве свои мощи и свои чудотворные иконы считались самыми сильными иконами и мощами.

Но вот Москва уничтожила самостоятельность всех княжеств и объединила их под своей властью. И сделав своими все русские города, она признала своими святыми всех местных богов: и Андрея Суздальского, и Михаила Тверского, и Иоанна Новгородского, и других новгородских, черниговских, киевских и рязанских князей, бояр, епископов и архиепископов.

И чтобы заставить местных богов служить впредь Москве, а не другим княжествам и городам, московские жрецы перевезли в свои церкви и монастыри многие мощи и образа, в разных местах России почитавшиеся чудотворными. Заодно они забрали себе драгоценности ризниц и капиталы церковных и монастырских храмов.

И они говорили, что их вера — правая и что все эти великие и малые боги — истинные боги, великие защитники и покровители русской земли.

И говорили они, что Москва возвеличилась силой и своих местных, и новгородских, и смоленских, и казанских богов, обитающих на московской земле. Они рассказывали о дивных исцелениях и чудесах, совершавшихся бесчисленными святыми, свезенными в мо-

сковскую землю со всех концов объединенного русского государства.

Верующие слушали их, и возрастало благолепие храмов, и множились богатства епископов и монахов московских.

IV

Прошло еще с полтысячи лет или несколько больше.

Много войн вели люди в последние годы. Христиане сражались с магометанами, православные с католиками и протестантами, католики с католиками и православные с православными.

Громадные снаряды попадали в китайские пагоды, в буддийские и брахманские храмы, в христианские соборы, церкви и монастыри, в иудейские синагоги, в магометанские мечети.

И все эти особые обиталища богов, все этиместилища священных предметов, статуй, мощей и икон, почитавшихся чудотворными, одинаково разносились в прах чудовищными снарядами. Ни щепочки, ни уголька не оставалось от чудотворных икон, ни косточки от мощей, ни камешка от божественных изваяний.

Одинаково не могли защитить себя от артиллерийских снарядов ни буддийские, ни магометанские, ни еврейские, ни христианские боги. Не могли защитить ни себя, ни своих обиталищ.

Католические солдаты вторгались в православные соборы и монастыри, православные солдаты — в католические храмы и даже в собственные православные церкви. И жадной рукой обдирали солдаты богатые ризы с икон, в поисках скрытых сокровищ раскрывали раки с мощами. Чудотворные кости выбрасывались на улицу, раздетые иконы безмолвно и неподвижно висели, где были повешены. И солдаты, сдернув с них облачение, с удивлением открывали странные, нескладные и уродливые фигуры, нарисованные рукой неискусного маляра: неумелые были те древние живописцы, которые рисовали иконы, признававшиеся потом чудотворными.

И не было ни грома с небес, ни всеопалющей молнии, не отрывались утесы от гор, если только в них не попадали снаряды, и не появлялось божественных воинов, которые навели бы тьму на дерзновенных и нечестивых врагов и погнали бы их своей божественной мощью.

Враги прогонялись только человеческой силой, которая пушечными снарядами разносила в прах соборы, синагоги, мечети, церкви и монастыри, оглушала грохотом взрывов, слепила и удушала ядовитыми газами.

Ни у магометан, ни у христиан, ни у евреев, буддистов и брахманистов не нашлось такой чудесной божественной силы, которая сокрушила бы силу людей и сумела бы сама себя защитить.

Где же правая вера? Где же всемогущие боги, о которых говорили священники всех религий? Почему они безмолвствуют, не карают злых и не посылают спасения добрым? Почему не видно дивных чудес?

Нет веры правой, нет истинных богов. Нет и не может быть. Все веры неправые, все боги выдуманные, созданные человеком.

Нет «чудес», совершаемых божественной силой. Есть чудеса, творимые трудом и умом человека.

Паровоз, пароход, аэроплан, электрический трамвай, телеграф, телефон, взрывчатые вещества — вот дивные чудеса, сотворенные работающей рукой и познающим умом человека.

Своим знанием он все глубже проникает в природу. Откинув страх перед божественными и дьявольскими силами, создаваемыми и поддерживаемыми священниками всех религий, он все дальше идет в познании естественных сил, действующих в природе, и все больше заставляет их служить своим, человеческим нуждам.

Захватив все, что создала трудовая рука и познающий ум человека, эксплуататоры, паразиты совершали чудеса разрушения.

Уничтожив власть эксплуататоров, познающее и творящее человечество даже порох и динамит заставит служить единственно созидательным целям.

Мощными взрывами оно проложит пути в каменных горах, разделяющих страны, и разорвет перешейки, останавливающие бег кораблей.

Трудящееся человечество построит свой трудовой мир и превратит проклятую землю, угрюмый и мрачный ад для подавляющего большинства человечества, в сияющий радостью рай, в щедрую мать для всякого человеческого существа.

Оно скажет: для меня всякая вера неправая, и всякие боги выдуманные.

Истина и правда — в творящей руке, все больше подчиняющей силы природы, и в познающем уме человека, направляющем созидающий и полезный труд.

1-е издание вышло в 1921 г.

О „ТАИНСТВЕ СВЯТОГО ПРИЧАЩЕНИЯ“

1

ЛЯ всех верующих христиан таинство причащения — величайшее из всех таинств.

Бывают христиане только по имени, только по названию, христиане, вся душа и все помышления которых далеки от христовых учений. Но о них нечего говорить, надо говорить только о верующих христианах.

И вот для этих христиан нет таинства выше, чем таинство причащения. Они веруют, что его установил сам Христос на тайной вечери, на своей последней трапезе со своими учениками, за несколько часов до своих мучений, закончившихся крестною смертью.

Верующий считает таинство причащения возвышеннейшим из таинств, ибо в нем верующие теснейшим образом соединяются с подателем всякой жизни, Иисусом Христом.

Поэтому и литургия, или обедня, на которой совершается это таинство, для каждого верующего — важнейшая из всех церковных служб. И возникла она, как рассказывают историки церкви, в самые первые времена христианства. Уже ученики Иисуса, апостолы, со своими последователями на вечерах любви преломляли хлеб и пили чашу господню в воспоминание об учителе (Первое послание к коринфянам. XI, 23—33). Таким образом, для верующих христиан совершение таинства причащения не прерывалось с тайной вечери, с последних дней жизни Христа.

Таинство причащения называется также греческим словом *евхаристия*. Это слово означает: благодарственная или умилоостивительная жертва.

Таинство причащения, по учению церкви, является умилоостивительной жертвой за грехи всего общества верующих, за грехи всех людей как живущих теперь, так и скончавших живот свой.

Но в то же время таинство причащения — благодарственная жертва за искупление, принесенное Иисусом Христом человечеству.

И потому-то церковная служба, на которой приносится сия жертва, называется литургией, что означает общественное богослужение: это есть моление за все общество, за живых и умерших.

И величие, возвышенность, божественность христианства по сравнению со всеми другими религиями доказывается для верующего христианина тем, какой вид имеет эта жертва. Языческим богам приносят кровавые жертвы: скот и птицу, а у грубейших народов убивают в жертву богам даже людей.

И ветхозаветная религия не даром считается верующими христианами только приуготовлением к христианству, этой высшей и единственной истинной религии. Ветхозаветному богу Иегове, т. е. богу-отцу, все еще приносились кровавые жертвы: быки, коровы, телята, овцы и козы.

Служители церкви учат, что по своей греховности люди не могли разом усвоить наиболее совершенную религию. Они должны были шаг за шагом приходить к ней, постепенно возвышаться до нее.

От человеческих жертвоприношений — к жертвоприношениям животными. От кровавых жертв — к бескровным жертвам.

Литургия — важнейшая церковная служба, ибо на этом богослужении совершается величайшее христианское таинство и приносится богу возвышеннейшая жертва.

И эта жертва — бескровная, ибо она состоит из хлеба и вина.

Возвышенно христианство, и возвышенны христианские жертвы.

II

Страшны, чудовищны, омерзительны были те жертвы, которые приносили своим божествам язычники, не познавшие света христовой истины.

Четыреста лет назад в Америке, до которой тогда добрались европейцы, существовало государство язычников, называвшееся Перу.

Тогдашние жители Перу веровали в существование великого бога, который, по их мнению, создал людей и животворит всю землю. Кроме этого бога-творца они поклонялись еще четырем главным богам, сильным, по их верованиям, но уступавшим в могуществе богу-творцу. Затем следовали многочисленные боги различных ступеней и чинов.

В честь этих богов совершались торжественные служения, в особенности в такие дни года, которые имеют особую важность для земледелия.

Величайшей жестокостью отличались жертвоприношения перуанцев, совершавшиеся весной на «Великом празднике сотворения», на котором прославлялся бог-творец и четыре главных бога.

Из храмов брали почитавшиеся священными изображения этих божеств и в торжественной процессии выносили на главную площадь столицы. Сюда же приводили мальчиков и девочек приблизительно десяти-

летнего возраста, кормили их и украшали цветами, чтобы снискать божественное благоволение.

Затем этих детей обводили вокруг изображений богов, а главный священник в это время громко возглашал молитвы, прося вседержителей о ниспослании людям своих милостей и щедрот.

Несколько жрецов внезапно бросались в толпу детей, выхватывали две-три жертвы, душили их, раскалили им грудь и, вырвав сердце, подносили его богу-творцу, как сладчайший для него дар. А теплою кровью, собираемой в священные чаши, кропили на изображение своего великого бога.

Таким же порядком приносили затем человеческие жертвы четырем главным богам.

И собравшаяся толпа с благоговейным трепетом созерцала весь этот ужас, ибо она веровала, что совершается великое таинство, через которое люди чудесным образом входят в общение со своими богами...

Был у прежних обитателей Перу еще один великий праздник, приходившийся на конец августа или начало сентября по нашему счету месяцев. На нем не приносилось человеческих жертв, но были кровавые жертвы. И хотя здесь убивались животные, но противно читать описание действий таких мясников, как священники перуанцев.

Древние жители Перу веровали, что на этом празднике возобновляется договор, священный завет, союз людей с богами, и что тут боги таинственным образом соединяются с верующими.

В торжественном шествии, в присутствии всех обитателей столицы, из храмов выносились изображения богов и водружались на главной площади.

С благочестивым трепетом и смирением собравшиеся рядами проходили перед священными изображениями и молитвенно поклонялись им.

Перед статуями или образами богов ставились тарелки, на которые клались особые хлебы, приносимые в жертву. Пока европейцы не переплыли через океан и не добрались до Америки, там существовало и возделывалось только одно зерновое растение, именно кукуруза. Поэтому священные хлебы готовились из кукурузной муки. Пекли их с великим

благоговением особо избранные девушки, считавшиеся посвященными богу.

Точно так же там было только одно прирученное животное, лама, похожая на нашу козу, но значительно больше ее. На площадь, где поклонялись образам богов, пригонялось стадо жертвенных лам. Первосвященник выбирал самых красивых белых лам, убивал их и приносил некоторые внутренности и часть вытекшей крови в жертву богам. Вся эта бойня и потрошение производились на глазах толпы, в молитвенном настроении присутствовавшей при совершении этого мерзкого таинства.

Остальной кровью первосвященник кропил приготовленные хлебы из кукурузы, которые после этого становились священными в глазах перуанцев. По их верованиям, с жертвенной кровью на хлебы таинственно и незримо нисходил сам бог и освящал их своей благодатью.

Первосвященник, торжественно став перед образами, начинал готовить верующих к совершению таинства, к соединению с богами, к тому, чтобы благочестивые приобщились к их божественному существу, вкусили частицу его.

Он возвещал верующим, что святой хлеб могут вкушать только те, кто принимает его с благоговением, со страхом божьим и верою, только те, кто отрешился от грехов и злых помыслов, кто примирился со всеми людьми.

Первым причащался первосвященник. Большим, указательным и средним пальцами он брал кусочек святого хлеба и благоговейно клал его себе в уста, знаменуя этими действиями, что он вновь вступает в союз с богами и приобщается божественной благодати, вкушает частицу своего бога. Следом за ним причащались остальные священники, а затем и все присутствующие, в том числе дети. Возобновлялся союз всего народа с богами, подателями всякой жизни, по верованиям перуанцев...

Такие верования, такие богослужения, такие таинства были у жителей Перу до открытия Америки европейцами, при отсутствии всяких сношений и связи с Европой. И такие верования, такие богослужения,

такие таинства оставались у них в первые годы по открытии Америки, пока перуанцы не были частью истреблены европейцами, частью насильственно обращены в христианство.

С великим презрением, с нескрываемым омерзением взирали европейцы на заблудший в своей духовной слепоте народ перуанский. Они убеждались в бесконечном превосходстве своей едино-истинной и едино-спасающей христианской веры над верованиями перуанцев. Боги перуанцев представлялись им дьяволами, их богослужения — волхованиями, их вера с кровавыми, а по величайшим праздникам — и с человеческими жертвами, казалась им сплошным варварским изуверством.

И они укреплялись в своей вере и проникались ревностью к ее распространению и прославлению. И подвергали перуанцев жестоким истязаниям, и десятками и сотнями возводили их на костры, дабы скорее отверзлись их духовные очи, дабы скорее они узрели свет истины, скорее постигли религию кротости и любви с ее возвышенными бескровными жертвами.

А изуверы упорствовали в своих заблуждениях. Они говорили, что их вера — правая, что они не отрекутся от своего бога-творца с заповеданными им таинствами и от других богов, которым они приносили свои кровавые, а в самые торжественные дни — и человеческие жертвы. И с изумительной твердостью шли они на муки и на самую смерть за своих богов, за заповеданные им богами таинства, за свои храмы, за своих священников, совершавших эти страшные, изуверские кровавые таинства.

И подымались к небу клубы и тучи дыма от костров, на которых сжигались десятки и сотни перуанцев к возвеличению, к умиловлению и вящему прославлению христианского бога кротости и любви с заповеданными им бескровными жертвами.

III

Но точно ли христианству совершенно чужды кровавые жертвы или хотя бы отдаленные воспоминания о них? Действительно ли жертвами для христиан яв-

ляются только ладан, воск, масло (елей), хлеб и вино? Иисуса с его крестными страданиями уподобляют жертвенному агнцу. Его муки и смерть — искупительная жертва за грехи всего мира. Кому и для чего требовалась эта кровавая, эта человеческая жертва?

У дохристианских народов часто приносились такие умиловительные жертвы. Они веровали, что

«Таинство святого причащения». Древнейший обряд причащения тела и крови: индейцы режут на куски и едят распятого человека (из книги Вольнея — «Руины»).

болезни, наводнения, бури, кораблекрушения, засухи ниспосылаются богами, разгневанными за то, что люди забыли о них и не оказывают им должного почтения. Чтобы восстановить мир с ними, так называемые язычники закалывали перед изображениями богов: волов, овец, коз, лам, петухов и т. д., а более суровые варварские народы — военнопленных, рабов, детей и свободных взрослых людей. Кровь, изливаемая перед божеством, примиряла божество с человеческим родом.

По воззрениям верующих, Иисус и сам смотрел на себя, как на жертву, посланную во искупление и спасение мира. И на тайной вечери, устанавливая таинство евхаристии, он, по сказаниям, взяв чашу и подав ее ученикам, обратился к ним с такими словами: «пейте из нее все, ибо сие есть кровь моя нового завета»

(т. е. нового союза, нового договора людей с богом — И. С.), за многих изливаемая, во отпущение грехов» (евангелие Матфея, глава XXVI, стихи 27—28; Марка, глава XIV, стихи 23—24).

В так называемый «великий пяток», т. е. в пятницу на страстной неделе, церковь вспоминает крестную смерть Иисуса. В этот день не совершается ни обыкновенной литургии, ни так называемой литургии преждеосвященных даров, т. е. не совершается того таинства, не приносится той жертвы, которая составляет главное содержание этого богослужения.

Почему? Все духовные лица, писавшие о богослужении, в один голос свидетельствуют: «потому, что великая голгофская жертва, т. е. крестная смерть Иисуса, заменяет жертвы всех алтарей».

Значит, смерть Иисуса рассматривается, как жертвоприношение.

Конечно, за евангельской тайной вечерей и на вечерах любви у первых христиан употреблялись только хлеб и вино, чистое или смешанное с водой. Но евангелия рассказывают, что, преломив хлеб и раздавая его ученикам, Иисус говорил: «приимите, ядите: сие есть тело мое». И точно так же, подавая чашу, он сказал: «сие есть кровь моя» (Матфей, гл. XXVI, стихи 26—28; Марк, глава XIV, стихи 22—23; Лука, глава XXII, стихи 19—20). Поэтому и в Первом послании к коринфянам говорится: «кто будет есть хлеб сей или пить чашу господню недостойно, виновен будет против тела и крови господней» (глава XVI, стих 27).

Правда, на литургии приносятся в жертву только хлеб и вино. Но при этом вспоминается кровь Иисуса, который, по учению церкви, взял на себя грехи всего мира и, распятый на Голгофе, дал пролить свою кровь как искупительную жертву за эти грехи.

Различные христианские исповедания спорят только об одном: претворяются ли, т. е. превращаются ли, хлеб и вино в действительные, в настоящие тело и кровь христовы или же остаются хлебом и вином. Но и те, кто утверждает, что хлеб и вино во все время литургии остаются такими, как были, говорят, что под видом хлеба и вина верующие едят тело и пьют кровь своего бога.

Так называемая православная церковь утверждает, что за литургией хлеб и тело пресуществляются в действительное тело и кровь христовы, т. е. становятся настоящим человеческим телом и кровью. Они становятся, по учению церкви, человеческим телом и кровью (по верованию христиан, бог — бесплотное существо, дух, у которого нет плоти (тела) и крови). Искупительной жертвой за грехи людей принес себя воплотившийся, воочеловечившийся бог, то-есть бог, превратившийся в человека. Следовательно, жертвенная кровь, пролившаяся на Голгофе, была человеческой кровью. И, желая воссоединиться со своим богом, а также вспоминая искупительную жертву Христа, верующие за таинством причащения под видом хлеба и вина едят и пьют человеческое тело и кровь, — или, как говорят православные, едят и пьют истинные тело и кровь Иисуса.

Поэтому, приступая к причащению, верующие читают молитву, в которой между прочим говорится: «еще верую, яко сие есть самое пречистое тело твое (Христа) и сия есть самая честная кровь твоя».

Различные подробности, обстановка, обряды, действия лиц, совершающих литургию, должны напоминать верующим, что они причащаются действительно таким же телом и кровью, как пролитая на Голгофе в их искупление. Так например, из хлеба (из просвиры) вынимаются частицы и затем разрезается весь хлеб не простым ножом, а «копием», — в напоминание о том копье, которым, по евангельскому сказанию, римский воин пробил ребро распятого Иисуса.

Самый хлеб называется агнцем, так как церковь постоянно сравнивает Иисуса с приносимым в жертву ягненком, ведомым на заклание. Когда священник режет этот хлеб, верующие должны представлять себе, что он режет на части тело сына божия, принявшего вид человека. И просвирам первоначально придавали вид человека. Да и у теперешней просвиры маленькая верхняя часть должна напоминать голову, а большая нижняя — туловище.

Вырезав первую частицу, священник опускает ее в потир, то-есть в жертвенную чашу, и сейчас же подли-

вает к находящемуся там вину горячей воды. Это, поясняют все книги о христианских богослужениях, все истолкования литургии, делается для того, чтобы «ощущая теплоту, верующие знали, что они вкушают истинную кровь Иисуса Христа». Точно так же, причастившись, верующие целуют край жертвенной чаши. При этом они должны представлять себе, что прикладываются к пробитому воином ребру

«Таинство святого причащения»: верующие едят своего бога.
Карикатура худ. Д. С. Моора.

распятого Иисуса, — к тому ребру, из которого, по евангельским сказаниям, вытекли кровь и вода.

Но никто из теперешних верующих не представляет себе этого с достаточной живостью и яркостью. И никто не знает, что вся литургия изображает человеческое жертвоприношение в таком виде, чтобы оно не возбуждало в современном человеке совершенно понятных ужаса и отвращения.

IV

Не та вера была в старые времена, что теперь. В особенности в первые века христианства, — тогда вера была крепкая.

Когда литургия еще только вырабатывалась, составлялась, верующим казалось, что они видят все то,

что изображается разными действиями на литургии. Для них таинство причащения было прямо кровавым человеческим жертвоприношением.

Около тысячи шестисот лет назад жил некий Нифонт. После некоторых искушений он «сподобился благодати» и окончил свою жизнь епископом на Кипре. Церковь признала его святым и 23 декабря чтит его память под именем преподобного епископа Кипрского.

Ему будто бы бывали многочисленные видения. Он видал, как души умерших восходят в рай или низвергаются в ад, влекомые дьяволами. Он видал ангелов и дьяволов и разговаривал с теми и другими. И о многих своих видениях он рассказывал своим ученикам. И эти рассказы вошли в житие Нифонта и перепечатываются в огромных «житиях святых» (Четьи-Минеи) в назидание верующим. И многие из них вошли в пространные книги о христианских богослужениях для истолкования действий, совершаемых на разных службах.

Однажды за литургией Нифонту, пришедшему с учеником своим, было видение, выяснившее смысл таинства причащения. Когда настало дароношение (перенесение даров), Нифонт увидел, как «отверзся покров церковный, и разверзся небо, и слышашеся велие благоухание: также снисхождаху ангели, поюще: «слава Христу богу». Несяху же отроча зело красно, еже на дискосе (дискос — блюдо, тарелка, на которую кладется жертвенный хлеб, просвира, «агнец») поставльше, сами престол окружиша, света же служаща честным даром два серафима и два херувима, паряще над главою, покрываху крили своими. Приспевшу же времени освящения даров и совершения страшному таинству, един от ангел светлейших приступи, взял нож, закла отроча, и кровь источи в святую чашу, отроча же положив на дискосе, сам ста в чине своем со благоговением паки... Скончавшуся же служению святому, виде, и се паки отроча цело обретесе на руках ангельских, и вознесесе на небо».

Священники всех религий до сих пор любят писать такие вещи на старом, давно вышедшем из употребления языке, которого громадное большинство верующих не понимает. Жрецам всех религий это выгодно:

чем меньше понимают, тем больше верят. А если начнут понимать, то не сумеют и не захотят верить.

Но все-таки кое-что пришлось перевести и на теперешние языки. Переведены и так называемые жития святых. Изложенный сейчас рассказ из жития преподобного Нифонта сравнительно прост и понятен. Но чтобы было еще понятнее, полезно будет повторить его на теперешнем языке. Приводим этот отрывок по изданию Московской синодальной типографии:

«Во время перенесения даров открылась церковная завеса, и раскрылось небо, и ощущалось великое благоухание. Потом стали сходить вниз ангелы с пением: «Слава Христу богу!» Они принесли прекрасного отрока, поставили его на дискос, а сами окружили престол и служили честным дарам; два же серафима и два херувима, паря над его головою, покрывали своими крылами. Когда наступило время освящения даров и совершения страшного таинства, один из светлейших ангелов приступил и, взяв нож, заколол отрока; кровь он выпустил в святую чашу и, положив отрока на дискосе, сам стал снова с благоговением на свое место... По окончании святой службы Нифонт увидел, что отрок вдруг опять оказался целым — на руках ангельских, и вознесся на небо» (Жития святых. Книга четвертая. Москва, Синодальная типография. 1903 г., стр 630—631).

Хотя это видение, если верить «житиям», было Нифонту шестнадцать столетий назад, в то время уже существовало много христианских общин. И каждая община совершала литургию. Значит, едва лишь зарезанный и затем воскресший отрок вознесся на небо, как ему, верно, пришлось спуститься в какую-нибудь другую церковь. И опять светлейший из ангелов благоговейно приступил к нему и, благоговейно зарезав, дал крови стечь в чашу, а затем, как будто ничего не случилось, как будто его руки не были омыты в крови отрока, с неизменным благоговением стал среди других ангелов и начал созерцать, как верующие пьют свежую, еще не остывшую кровь отрока.

Действительно, страшное это «таинство», называемое святым причащением или евхаристией. Из современных людей лишь немногие были бы способны

пить кровь, выпущенную из петуха или ягненка, зарезанного на их глазах. А вот верующие христиане причащаясь должны воображать себе, что они пьют кровь отрока, только-что заколотого в алтаре.

V

Что же это такое? Будто бы бескровная жертва оказывается кровавой жертвой, человеческим жертвоприношением. И истинно, глубоко верующий человек видел при совершении таинства причащения такие же страшные и — надо прямо сказать — омерзительные картины, какие видели при человеческих жертвоприношениях первые европейцы, добравшиеся до варварского, языческого государства Перу! И такие же картины должен представлять себе всякий верующий, стоящий на литургии! Но где же здесь та возвышенность христианства, о которой толкуют попы? Где божественность? Где величие и человечность его будто бы бескровных жертв?

Если правильно подойти к делу, если постараться научно уразуметь его, то все будет просто и ясно.

Верующие всех религий утверждают, что их вера заповедана самим их богом или возведена через какого-нибудь посланника с небес, через Будду, Зороастра, Моисея, Иисуса или Магомета.

И верующие каждой религии говорят, что только их вера — истинная, так как только она дана самим богом или посланником бога. А все остальные религии для них — ложные, так как все они или выдуманы людьми, или внушены бесовской силой.

И было время, когда люди без конца спорили, какая же вера правая и какая не правая, какая вера от бога, а какая от духа нечистого. И спорили об этом, пытали и мучили друг друга, и сжигали на кострах, и поднимались друг на друга войной за правую веру и бога истинного.

Шли века, проходили тысячелетия. И начали понимать люди, что все веры одинаковы: и брахманская, и буддийская, и конфуцианская, и еврейская, и магометанская, и христианская.

Ни одна вера не явилась с небес. Все веры от человека. Ни одной веры не возведено каким-то богом или его посланником. Все веры и все боги одинаково созданы самими людьми.

И все теперешние религии: и брахманская, и буддийская, и конфуцианская, и еврейская, и магометанская, и христианская, — все они развились, сложились, составились из старинных, из древних религий.

Шли века, проходили тысячелетия. В труде тысяч и миллионов людей возрастали общественные силы общественного человека, изменялось человеческое общество. Изменялся сам человек, переделывая природу, человек переделывал себя. И когда изменялось человеческое общество и изменялся сам человек, он переставал верить в то, во что веровал раньше. Изменялись и его религиозные воззрения, и одна вера сменялась другой.

Но старая вера не просто, не целиком сменялась другой, новой верой: старая вера или, точнее, многое из старых верований сохранялось в новой вере.

Про то, что человек понимает, говорят: он это знает, а не говорят: он в это верит. Верит человек в то, чего он не понимает, чего ясно не представляет.

Так выходит, что во многом невозможно докопаться до смысла, многое прямо бессмысленно, а жрецы всех религий говорят: в это надо верить как раз потому, что этого уразуметь невозможно.

Так и выходит, что в теперешних религиях сохраняется много такого, что для дикарей казалось понятным и ясным, но что теперешний человек признает сущей бессмыслицей.

В старые-старые времена, много тысячелетий назад, наши предки были дикарями. У них еще не было сложных орудий труда, не было правильно поставленных промышленности, земледелия, скотоводства и даже охоты. Их труд еще только начинал подчинять себе природу, а ум только начинал ее понимать. Для них не было никакого чуда в том, что человек может превратиться в голубя, а голубь в человека, и какой-то бог, несмотря на всю свою силу, постоянно ждет пи-

щи и питья от людей и за получаемую пищу и питье оказывает помощь людям.

И не удивляло их, что их боги по временам требуют человеческого мяса и человеческой крови в пищу себе и что за эти жертвы они приходят верующим на помощь.

Древнейшие религии возникли в те времена, когда люди были людоедами. Люди сами ели человеческое мясо и веровали, что это — самая приятная пища для их богов.

В тех странах, где около двух тысяч лет назад появилось христианство, люди уже не были дикарями. Но в их религиях еще много сохранилось от дикарских воззрений и верований.

Тогдашние люди веровали, что за грехи людей боги требуют искупительных жертв. И они еще помнили, что этими искупительными жертвами служили человеческие жертвы.

Каким образом кровь убитого невинного человека может искупить грехи всего человечества, этого люди уже тогда не понимали: они уже стали забывать, что человеческие мясо и кровь, по дикарским и варварским верованиям, служили пищей богам.

Для дикаря все было просто: надо покормить богов посытнее и повкуснее, они станут добрыми, забудут обиды и сделают то, что требуется для их поклонников.

Религии, из которых и вместо которых развилось христианство: римская, еврейская, карфагенская, египетская, персидская, вавилонская, уже «возвысились» над такими «грубыми», «дикарскими» воззрениями. Попы (жрецы) всех этих религий уже начали говорить, что бессмертные всемогущие боги не нуждаются в пище и питиях. Для них важно раскаяние, жертва, пожертвование, т. е. отказ от того, что для людей особенно ценно.

Эти религии возвысились над теми воззрениями, которые для искупления требовали заклания первенцев, т. е. первых детей, родившихся как у людей, так и у домашних животных.

Но многое сохранилось от этих воззрений. И в персидской, и в египетской, и в карфагенской, и в еврей-

ской, и в вавилонской религиях веровали, что главный бог должен послать своего сына и этот сын должен пострадать и умереть, и его страдания и смерть послужат избавлению людей от греха и смерти, ибо это будет величайшею жертвой. И веровали, что, приняв страдания и смерть, умерший бог, сошедший на землю, опять оживет, или воскреснет, и возвратится к своему отцу.

И во всех этих религиях существовали обряды, существовали богослужения, в которых изображались страдания и мученическая смерть бога, сошедшего на землю для того, чтобы своими страданиями, своим самопожертвованием, своей смертью искупить, спасти человечество.

К тому времени, когда появилось христианство, люди в тех странах, где оно появилось, уже не были дикарями. И карфагенянин, и перс, и египтянин, и еврей с ужасом и омерзением отнеслись бы к одной мысли о том, что в жертву их богам надо заколоть живого человека и что боги станут питаться телом и кровью убитого.

Вместо этого за божественными службами сжигалась фигура, похожая на человека и изображавшая человеческую искупительную жертву, или закалывалось какое-нибудь животное, например ягненок («агнец»). К этому времени человеческие жертвы вообще стали выходить из употребления: вместо людей начали приносить в жертву животных, как, по сказочному преданию, еще Авраам вместо своего единственного сына Исаака, над которым он уже занес нож, принес богу в жертву барана.

Более того: люди уже начали верить, что их боги вообще гнушаются кровавыми жертвами, подобно тому, как людям омерзительно есть сырое мясо и пить свежую кровь только-что убитого животного. Тело и кровь «агнца божия», изображавшего бога, нисшедшего на землю и пострадавшего за человечество, стали заменяться хлебом и вином.

Таким образом, уже у язычников тех времен, когда возникло христианство, существовали «тайные вечера», или «вечери любви», на которых верующие причаща-

лись под видом хлеба и вина «истинным телом и кровью господними»...

Для дикаря было понятно и ясно, что, поедая мозг и сердце убитого врага и поглощая его кровь, он овладевает его умом, его мужеством, его силой, — приобщается к его свойствам, присоединяет, приобщает свойства убитого врага к своим доблестям.

Когда ягненком («агнцем») заменили в богослужениях человеческие жертвы, верующие, вкушая его мясо и кровь, представляли себе, что они приобщаются к существу самого бога, страдавшего и принявшего смерть во искупление человечества и изображаемого этим ягненком.

Теперь, «преломляя хлеб» и вкушая от чаши, они представляли себе, что, принимая тело и кровь своего бога, приобщаются к его божественности, к его безгреховности, к его святости...

Христианство, подобно всем другим религиям, не возведено каким-то богом или его сыном, сошедшим на землю с каких-то небес. Оно создано самими людьми.

Христианство не явилось с каких-то небес в противоположность другим религиям. Оно не только заменило другие, существовавшие до него религии: оно возникло из этих религий, — из римской, персидской, финикийской, еврейской, египетской, вавилонской.

И возникнув из них, оно не просто их заменило, но и многое из них усвоило и, усвоив, многое из них сохранило.

Оно усвоило и сохранило многое из их обрядов, из их богослужений и многое из объяснений этих обрядов и божественных служб.

А эти религии своей историей, своим происхождением в свою очередь связаны с дикарскими религиями и воззрениями. Но всякая религия повелевает на веру принимать и, не рассуждая, веровать в то, чего не постигаешь умом и что представляется просто бессмысленным.

Так случилось, что в христианстве, пришедшем на смену так называемым языческим религиям, сохранилось многое от этих старых дохристианских и предхристианских религий. Сохранилось многое даже из

дикарских обрядов и дикарских истолкований этих обрядов.

В первые века христианства еще живы были воспоминания о человеческих жертвоприношениях, существовавших не только в каком-нибудь «варварском» Карфагене и не только у каких-нибудь азиатов или германцев, но и в самом Риме, считавшем себя просвещенным.

Воспоминания были так живы и свежи, что Нифонт, присутствуя на литургии, ясно представлял себе все действия, совершавшиеся каким-нибудь языческим жрецом, убивающим человека, приносящим его в жертву богам.

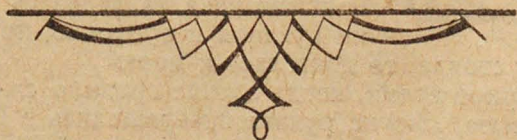
Из жития Нифонта видно, что это был вообще человек с очень сильным воображением. Поэтому он не только представил, но, как показалось ему, и увидел это человеческое жертвоприношение.

Он увидел именно то, что в действительности есть в христианстве. Он увидел, раскрыл историческую связь христианства с существовавшими до него религиями и с еще более древними воззрениями дикарей.

При своем сильном воображении, в своем религиозном рвении, в своем омрачении верой он благоговел перед тем зрелищем, которое представилось ему.

Теперешний человек не станет благоговеть, а скажет: не надо никакой религии, так как во всякой религии дикарь до сих пор приносит свои ужасные жертвы.

1-е издание вышло в 1922 г.

Э Т О Б Ы Л О

ТО было на западном берегу Африки.

Прорезав холмы, слабо защищающие от знойных ветров Сахары, большая река разделялась на десятки рукавов и протоков, по которым вода то стояла, то двигалась к морю.

В жаркое время, когда солнце грозило сжечь и спалить землю, многие рукава превращались в болота.

Болота широко раскидывались по обеим сторонам реки.

Все острова и островки между рукавами реки, все пространство от холмов до морского залива да и самые склоны холмов заросли буйным тропическим ле-

сом, в котором деревья, кустарники и лианы перемещались и переплетались в непролазную чащу.

Налетающие бури валили деревья. Валились деревья, подмытые бурным потоком и в период дождей. Валились деревья, корни которых разрушались гниением. Валились деревья, обрастали гигантскими папоротниками и лианами и делали чащи окончательно непролазными.

По холмам раскинулась большая негритянская деревня.

На зеленых лугах паслись стада овец и коров. По протокам скользили челны, на которых рыбаки ездили на свой промысел.

Редко кто отваживался пойти в глубину леса. По ночам из него доносился страшный рев и вой, свист и писк. И запоздавшие рыбаки часто видели, как из чащи угольками горят глаза хищников. И слышали шум отчаянной борьбы, и лязг хищных зубов, и стоны терзаемых жертв.

Редко кто отваживался пойти в глубину леса. И много страшных рассказов ходило о тех, кто уходил в лес, сбивался с еле заметной тропы, — и уже никогда больше не возвращался к своим.

После палящего дня от лесов и холмов поднимались густые туманы и со всех сторон окутывали деревню.

И тучи комаров, москитов и мошек днем и ночью летели от леса и болот, — и тучами носились над людьми и над стадами скота.

В дождливое время не было ни одной хижины, пощаженной болезнью. Да и в жаркое время больных было не меньше. Люди верили, что злой дух огня вселялся в тело больных. Губы трескались, пересыхало во рту, язык покрывался трещинами.

И этот злой дух терзал и мучил несчастных. По ночам он водил их в темные чащи, где они подвергались нападению хищных зверей, бросал в горячие пропасти, где громадные змеи обвивали их кольцами и страшными судорогами ломали их тело и кости.

Никого не узнавали в то время больные. В смертельной тоске они мучительно металась по своему логовищу. Многих приходилось связывать и скручивать,

Чему поклоняются верующие: бог—
дух предков на острове Суматра.

Чему поклоняются верующие:
бог со львиной головой.

потому что бывали случаи, когда злой дух огня поднимал их с нечеловеческой силой и бросал в реку или с откосов.

Придя в себя, на время избавившись от злой силы, страдальцы, сотрясаемые мучительной дрожью, оглядывались непонимающими глазами и только понемногу начинали признавать окружающих.

Страхи со всех сторон окружали деревню. Страх таился в чаще лесов, страх подползал в болотных туманах, страх повсюду подкарауливал путника. Страх

повсюду стонал, вопил, рычал, щелкал челюстями, рёвел, мяукал среди темной тропической ночи, шелестел листьями, завывал сокрушительной бурей, грохотал раскатистым громом, полыхал молниями.

На холме близ деревни, раздвинув хижины и лагуны, возвышалась статуя великого бога Тимбабанту. К ней вели грубо вытесанные ступеньки. Огромная необделанная скала, входящая в землю, служила ей основанием. И все говорили, и все верили, что этот камень-утес принесли сюда с далеких гор исполины и что они же поставили статую великого бога Тимбабанту.

Только жилище жрецов да «дворец» князька племени стояли на склоне холма. А на вершине в гордом, холодном и грозном одиночестве возвышалась статуя бога Тимбабанту.

Не многие ясно его видели, — может быть, никто не мог его рассмотреть. Купол-навес не допускал лучей солнца. Занавес, скрывавший страшного бога, отдергивался только на короткое время. И жрецы говорили, что никто из людей не достоин взирать на лик божества: все должны падать ниц, когда отдергивался занавес. И рассказывали жрецы о тех дерзновенных, которые были наказаны смертью за то, что осмелились приблизиться к божеству или взглянуть на его лик.

И хотя никто не видал этого страшного Тимбабанту, о нем говорили, что он неизреченно прекрасен и в то же время столь грозен и страшен, что один его вид убивает людей.

Только раз в год, в день рождения бога, занавес убирали.

При свете огромного костра, на котором сжигались жертвенные животные, из-за дыма и пламени показывалась статуя Тимбабанту.

Толстые ноги-столбы, громадные руки-бревна открывались из-за огненно-дымной завесы, двигались и колыхались.

Среди черной, жирной, лоснящейся кожи грозно зияла ненасытная пасть, отороченная кроваво-красными губами, и открывала два ряда страшных зубов, способных раздробить всякую кость.

Туловище-бочка, казалось, могло вместить в свою утробу десятки овец.

Коровы и овцы закалывались одна за другой. После удачных походов в жертву приносились знатные пленники. В тяжелые времена закалывались члены собственного племени Тимбабанту.

Пылали жертвенные огни, трещали и шипели тела жертвенных людей и скота. Тимбабанту пожирал жертву за жертвой и, ненасытный, требовал жертв еще и еще.

Грозный и благоволящий, устрашающий и хранящий, близкий и незримый, существо с человеческими потребностями и слабостями и таинственный, сверхъ-

Чему поклоняются верующие: изображения чукотских духов.

естественный, Тимбабанту царствовал и правил повсюду, где жило его племя.

Люди верили, что он умножал стада скота, — но он же ниспосылал и болезни. Он изгонял злого духа огня, — но он же давал ему волю своим попустительством. Он посылал рыбакам хороший улов, — но он же прогонял рыбу от берегов. Он взращивал злаки на полях и плоды на деревьях, — но он же посылал всеожигающую засуху и палящие, знойные ветры, засыпающие поля горами песку.

Великий бог Тимбабанту стоял под шатром-куполом близ деревни, — но он же гремел в далеком горном водопаде, бушевал в буре, сверкал в молнии, гро-

Чему поклоняются верующие: бог ветра у древних вавилонян.

хотал в громе, шелестел в листьях, испускал грозное рычание пантеры, двигал морскими пучинами.

Великий бог Тимбабанту — под шатром-куполом близ деревни. Но великий бог Тимбабанту — везде и во всем, и все в нем и через него.

Он — близ деревни, там, в своем гордом и страшном одиночестве, зримый и незримый, выступающий сквозь дым и огонь жертвенника, но он — и таинственный дух, который сам и через подчиненных ему духов таинственно все направляет.

Великие благодарственные жертвы приносились Тимбабанту после удачных набегов и больших урожаев.

И не меньшие умиловительные жертвы получал Тимбабанту в тяжелые годы, когда жгучий ветер иссушал жатву, когда хижины и лачуги переполнялись больными, когда начинался опустошительный падеж скота.

Жрецы Тимбабанту, призывая чтить благоволящего и мстительного бога, во все времена получали плоды и злаки, мелкий и крупный скот, драгоценные металлы и камни, пленников и богатую долю военной добычи для великого бога Тимбабанту и для себя, его слуг.

Они, его слуги и дети, славили великого бога Тимбабанту, его именем прославляли себя, порожденных великим богом Тимбабанту, и прославляли вождя племени, потомка, преемника и представителя великого бога Тимбабанту.

Они говорили, что он не всегда стоит под шатром-куполом, за своим занавесом: он уходит оттуда, посещает, незримый, свои владения и опять возвращается на холм близ деревни, чтобы принимать жертвы от своего племени.

О многих чудесах, о многих великих деяниях своего великого бога Тимбабанту рассказывали жрецы.

Это было, — это есть в большой негритянской деревне на западном берегу Африки.

Стоит там великий бог Тимбабанту, зримый и незримый, видимый и таинственный, глиняно-каменный и нерукотворный, близкий и бесконечно далекий, милостивый и страшный.

И взоры всего племени с надеждой и страхом устремляются к жилищу понятного и непонятного, щедрого и мстительного великого бога Тимбабанту.

Это было, — это есть на западном берегу Африки.

II

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

Это было почти за полсотни лет до того времени, как французы и с ними двенадцать языков приходили в Москву.

Среди глухих, дремучих лесов на торговом тракте, на «большаке», стоял городишко Барсуков.

Сотни и тысячи подвод проходили зимою через Барсуков. Сотни и тысячи подвод везли в Москву соль, кедровые орехи и пушнину.

А назад шли подводы с мануфактурой, железными и скобяными изделиями, но по большей части порожняком.

Около тракта кормились все барсуковцы. И сытнее всех кормился Петр Сидорыч.

Его отца звали Сидор Поликарпыч, а фамилии у него не было. И только Петр Сидорыч, когда он раздался и разбогател, стал звать себя Петр Сидоров, Сидоров сын.

От отца ему достался не двор, а постоянный дворишко. Не шибко шло дело у Петра Сидорова. А потом он вдруг стал оперяться: срубил большой двухэтажный дом, построил крытый двор на десятки лошадей, нанял работников, сам стал промышлять извозом, начал скупать пух, перо, пушнину и хлеб, снял большую лавку в рядах, сделался самым крупным и почетным купцом в городе.

Ходили разные слухи о том, откуда пошло его счастье. Старики вспоминали, как в десяти верстах от Барсукова нашли убитого и ограбленного купца Брускина, который приезжал из губернского города и останавливался у Сидорова. Крест на том месте, где нашли его тело, стоял еще лет пятнадцать или двадцать.

Сидорова тогда притянули, делали обыски, таскали в губернию. Дело долго тянулось, но Сидоров вывернулся.

После того он года четыре жил попрежнему. А затем быстро пошел в гору.

Но об этом рассказывали только старики, да и то шопотом, чтобы не дошло до Петра Сидорыча.

Он сделался почетнейшим лицом в городе. Его избрали ктиторм (старостой) в приходской церкви.

Когда по праздникам Петр Сидорыч в черной суконной чуйке, с шелковым табачного цвета платком вокруг шеи шел в церковь на своих коротких ногах с вывернутыми ступнями, от всей его приземистой фи-

гуры веяло благочестием. Благочестием веяло и от широкой седой бороды, и от вывернутых локтей, и даже от серых бегающих глаз с красными веками и белками.

Церковь при нем преуспела. Дьяконов сын, выгнанный из духовного училища за полную бестолковость и беспробудное пьянство, унаследованные от отца, взялся поставить церковный хор. Он набрал молодцов и мальчишек из служащих Петра Сидорыча и так постарался, что весь город приходил слушать, как рывает пьяная октава самого регента и как колокольчиками звенят дисканты.

Петр Сидорыч выстроил колоколенку, набрал денег на колокол в сто пудов, выкрасил церковь снаружи. Но внутри было плохо: икон мало, все маленькие, незаметные, прокопченные, и простой деревянный иконостас.

Проходил как-то через Барсуков мастер-богомаз из Мстеры со своим сыном, который учился отцовскому ремеслу. Петр Сидорыч договорил его подновить живопись и написать перед клиросами две новых больших иконы: успения божией матери и взятия Иисуса Христа под стражу в Гефсиманском саду.

Когда богомаз кончил работы, о второй иконе в городе пошли разговоры. Да и было о чем говорить.

Уж очень смахивал апостол Петр на Петра Сидорыча, а один из воинов был, ни дать, ни взять, Кузьма Цыганок, такой же чернявый, такой же кудластый, с таким же большим носом. Собственно, все фигуры были одинаково темные, одинаково постные. Но когда богомаз написал портрет самого Петра Сидорыча, всякий, кто видел этот портрет, не мог не признать, что он списан с апостола Петра. Ну, а если признали Петра Сидорыча, все признали и Цыганка.

Цыганок был молодой весельчак, который не ломил шапку перед Петром Сидорычем и, подвыпив, иногда поминал про купца Брусникина.

Над Цыганком все стали смеяться, мальчишки не давали ему прохода. Он загрустил, запил, ушел в Алтынов и там, говорят, скоро помер.

Такой-то благодетель был Петр Сидорыч. Отец Во-нифатий много раз говорил о нем в своих проповедях:

и по случаю окончания колокольной, и при поднятии колокола, и в других случаях. А когда обновили живопись, на освящение приехал сам архиерей и в своем слове сказал, что благочестивые иногда получают награду еще в земной своей жизни, ибо то, что они дают богу, возмещается им сторицею. И преосвященный благоволящими глазами смотрел на Петра Сидорыча. И за обедом у него архиерей умиленно говорил о его заслугах перед богом и церковью и обещал приумножение его богатств и награду от начальства.

Через полгода Петр Сидорыч за труды и жертвы на благо церкви получил большую серебряную медаль при грамоте за сургучной печатью. Медаль он вывешивал по праздникам на свою грудь, а грамоту в золотой раме за стеклом поместил на самом видном месте в парадной горнице.

Когда умер Петр Сидорыч, все духовенство города Барсукова участвовало в торжественном погребении. Его похоронили близ алтаря. На его памятнике еще недавно можно было разобрать надпись:

Ты храмы украшал и создавал,
За то господь тебе при жизни воздавал.
Ты бога возлюбил,
И он тебе богато воздал.
Покойся до радостного утра,
Когда и для тебя протрубит труба.

Прошло с сотню лет или и того больше.

Город Барсуков захудал: железная дорога его обошла, и новая жизнь потянула к станции Новослободчиково, в 30 верстах от Барсукова.

Церковь обветшала и опустилась. Даже горожане стали больше ходить не в свою церковь, а в пригородный монастырь. Этот монастырь расцвел накануне Крымской войны, когда начались рассказы о чудесах от мощей старца Пафнутия: о том, как он, лучезарный, явился во сне одному монастырскому старцу и заповедал отслужить на его могиле панихиду; о том, как он в сонном же видении предрек соседней старице, что она на следующей неделе умрет; о том, как молодуха, в которой завелась нечисть, помолившись у

могилы Пафнутия, почувствовала, что она исцелилась от своего недуга.

Затем было видение заштатному пономарю Фомичу, который напивался до того, что ему не было никакого сладу с осаждавшими его тогда дьяволами и дьяволятами, а соседи никак не могли справиться с его буйством. Рассказывали, что Фомич холодной и дождливой осенней ночью возвращался с богатых поминок, упал и заснул близ могилы Пафнутия. И явился ему Пафнутий, и жестоко бил его посохом, и при каждом ударе приговаривал: «не пей! не пей!» и Фомич отвечал: «не буду! не буду!» И когда его нашли и разбудили, все кости его болели, он не мог встать на ноги; пришлось на руках перенести его к дочери, на которой женился сын соседнего причетника, чтобы получить место Фомича. На следующий день у Фомича отнялись руки и ноги, и пролежав месяца полтора, он скончался христианской кончиной: исповедавшись, причастившись, пособоровавшись и благословив своих детей и внуков.

С того времени к могиле о. Пафнутия стали привозить для исцеления пьяниц. Многие и сами приезжали за исцелением.

Слава о монастыре разнеслась по всей губернии. Особенно большой наплыв богомольцев бывал во время барсуковской ярмарки. Молодые купчики из губернского города, собираясь на эту ярмарку, лукаво подмигивали друг другу и говорили: «А заодно, Митя, мы с тобой и от запойного пьянства полечимся. Следует?» И лечились...

В Барсукове и в соседних деревнях много было рассказов об этом лечении, которое шло не только у могилы о. Пафнутия, но и в монастырской гостинице, и в кельях у монахов, и даже в покоях у самого архимандрита. С большим почтением передавали об иеромонахе Гурии, который, творя перед каждым стаканчиком широкое крестное знамение и закусывая единственно солеными огурцами, один в течение двух часов усидел целую четверть, а затем залпом выпил стакан чистого спирта. Но были среди монастырской братии и многие другие, которые надеялись в непродолжительном времени сравняться с о. Гурием или даже превзойти его.

Божия благодать явно почил на обители и на ее многочисленной братии.

А вот приходская церковь совсем упала. О Петре Сидорыче все позабыли. Уже его сынок промотал отцовское состояние. А внук совсем опустился, бродил по базару в лохмотьях, опухший и покрытый вечными синяками, и ночевал под заборами.

Старостой сделался лавочник Синельников, и молва говорила, что дела у него идут плохо, что он не особенно отделяет церковные суммы от своих денег и что о. Михаил в большой дружбе с ним.

Снаружи церковь облупилась, крыльцо стало обваливаться. Внутри все поистерлось, полиняло и закисло. Образ спасителя в Гефсиманском саду пошел трещинами, кое-где стал шелушиться и потемнел настолько, что, если бы не венчики над головами, трудно было бы разобрать, где тут апостол Петр, и где Иуда, и где римские воины.

Отец Михаил уже стал подумывать, стоит ли оставлять приход за своей дочерью, не лучше ли подыскать ей жениха где-нибудь на стороне.

Все чаще советовался о. Михаил с Синельниковым..

И вот наступил поворот.

Это было во время Михайловской ярмарки.

Весь город, — и лавочники, и прасолы, и сапожники, и сбитенщики, и девицы, и чиновники, и приходское духовенство, и, верно, даже собаки, воробьи, вороны и галки, — все жили от ярмарки и до ярмарки.

Все к ней готовились за много месяцев, все возлагали на нее свои упования.

На неделю между городом и монастырем возникал новый город-табор: целые улицы палаток, ларей, телег, лотков, балаганов.

Устраивались карусели, приезжало несколько цирков, в разных местах пицал петрушка, наяривали оркестры, рукописные и печатные афиши зазывали публику на «пантомины», настоящих тюленей и морских женщин, живые картины и панорамы Неаполя, Парижа, Пекина.

Пот лился градом и с клоунов, и с музыкантов, и с морской женщины, и даже с тюленя: не заработаешь на ярмарке, весь год будет туго.

Приходская церковь с о. Михаилом и Синельниковым тоже готовилась: чистились подсвечники и паникадила, вынималась серебряная кадила, извлекались и приводились в порядок самые блестящие ризы.

К утрене Синельников, одетый в парадный длиннополый сюртук, сам отпер церковь.

Пока никого не было, кроме сторожа Прокофьяча да приживалки Синельникова, старой Митревны.

Синельников раскрыл ящик и начал раскладывать копеечки с копеечками, семитки к семиткам, гривенники к гривенникам.

Прокофьяч выволакивал лестницу.

Митревна, которая хлопотала около левого клироса, вдруг подошла к Синельникову и спросила: «Тихон Поликарпыч, вы зажигали свечку перед Гефсиманским спасителем?» — «Нет», — ответил Синельников. Подозвали Прокофьяча, — тот тоже не зажигал.

В это время в церковь вошло несколько старушек и отставной казначей Емельянов, который круглый год ходил в меховой шинели с большим капюшоном, в кожаных калошах и с большим зонтиком и не пропускал ни одной службы. Тут же подошел и о. Михаил.

Митревна всем рассказала: «Стою это я у клироса, смотрю на образ и молюсь за своих благодетелей, за Тихона Поликарпыча, за Матрену Егоровну, за их деточек и за упокой души их родителей. И вот вижу, — над иконостасом, под потолком вдруг показалась звездочка, — и красная, и зеленая, и синяя. И разгорелась эта звездочка, и спустилась к свече перед спасителем, и зажглась свеча ярким пламенем, и упала я на колени, и еще больше стала молиться за моих благодетелей. И потом пошла это я к Тихону Поликарпычу и спрашиваю: «Не вы ли, мой благодетель, зажигали свечу?» — «Нет, — говорит, — я все время, как пришел в церковь, стоял у ящика». Спросили Прокофьяча, — говорит, что ставил лестницу. Господи Иисусе Христе! Сподобил меня на старости лет за мою бедность и сиротство».

Отец Михаил разгладил бороду и торжественно произнес: «Братие, возблагодарим господа, ибо он удостоил нас, многогрешных, неизреченного чуда».

Посредине церкви против амвона составили два аналоя, накрыли их блестящим покровом, который доставали при богатых похоронах, вынули чудотворную икону из иконостаса и торжественно возложили ее на аналой. Подставили ступеньки, чтобы можно было прикладываться. Когда переносили икону, старушки и старички, а затем и более молодые творили земной поклон и оставались в согбенном положении, пока над ним не проносили икону. Первым приложился о. Михаил, затем Синельников. Митревну оттерли. Да и не до того ей было: она снова и снова повторяла свои рассказы о чудесном происшествии.

Отслужили торжественное благодарственное молебствие. С некоторыми кликушами произошли страшные припадки. Нечистая сила бросала их на землю, они корчились и с пеной у рта кричали: «Оставь меня! оставь меня! не изгоняй, оставь меня!» Чудесные знамения явным образом продолжались.

Насилу справились с кликушами и приступили к утрене. А затем опять пошли молебны. С обедней опоздали. Церковь переполнилась. Многие не могли попасть в нее. Давка была такая, что минутами опасались, как бы не опрокинули образ. Около него безотлучно стояли громадный краснорожий мясник Никита и сумрачный кузнец Захарыч. Если бы не они, быть бы греху.

За обедней рассказывали о новом чуде. То ли в Вавиловке, то ли в Мясникове была молодая бабенка, то ли Акулина, то ли Матрена. Во время жатвы, притомившись, она прилегла. И почувствовала она во сне, что в нее вползает уж. Хотела она вскинуть руками, хотела закричать, да не могла. Проснулась только тогда, когда весь уж сидел у нее в животе. И пошло с того времени: то он сидит смирно, а то как заворачивается да подкатит к сердцу, — глаза выкатываются. Возили ее и к знахарям, и к фершалу, и по монастырям-то ходила она, и воду из Иордана ей продал один монашек с Афона, и росным-то ладаном ее окуривали и поили, — ничто не помогало. А вот тут, как запели херувимскую, к ней подкатило, как еще никогда не было, она совсем помертвела в лице, а когда пришла

в себя, рассказала, как уж подступил к горлу и незримо вышел из нее вместе с рвотой.

Однако бабушка Власьевна говорила, что она видела, как в облаке зловонного дыма изо рта несчастной вылез длинный-предлинный черный змей с красными глазами, свернулся клубком, подох и как бы растаял.

«Чудотворная икона», написанная с Настасьи Минкиной, любовницы графа Аракчеева (1769—1834 гг.). Писанием икон с помещиков и генералов церковь внушала трудящимся преданность эксплуататорам.

Около иконы поставили и каждый час опоражнивали две кружки. Отец Михаил не мог выйти из церкви, потому что молебен заказывался за молебном. Наняли заштатного попа Варсонофия, и о. Михаил служил с ним до глубокой ночи. Синельников разрывался между своей церковью и своей лавкой на ярмарке.

Прошло несколько месяцев. Отец Михаил пополнел, стал сановитей, сшил себе малиновую шелковую рясу. Он нанял молодого попа о. Феофилакта, а сам служил молебен в церкви только после поздней обедни. Чтобы следить за о. Феофилактом, о. Михаил всегда посылал с иконой своего старшего сына Савватия, который вышел неудачником и балбесом.

Едва скрываемое торжество и сознание своего превосходства скользило на лицах о. Михаила и Синельникова, когда они встречались с настоятелем монастыря и с иеромонахом Гурием.

Но через три-четыре месяца началось что-то странное: в монастыре вдруг повеселели и стали с легонькой насмешкой отвечать на приветствия о. Михаила и Синельникова. Потом поползли темные слухи: монастырь хлопочет в епархии, чтобы икону передали ему, и викарий, пользуясь доходом от монастыря, всеми силами поддерживает это ходатайство.

Отец Михаил и Синельников немедленно помчались в губернию. Вернулись они злые и мрачные: викарий о. Виссарион победил.

Прошения прихожан, направленные в синод, не помогли делу. Скоро приехал сам архиерей, и чудотворную икону торжественно перенесли в монастырь.

А через две недели о. Михаила, который все не мог успокоиться, перевели в бедный сельский приход.

Громадные толпы богомольцев потекли в монастырь. Приходская церковь окончательно захудала.

У Синельникова дела пошатнулись. Он начал пить горькую. Каменная лавка осталась недостроенной. Через год его объявили злостным банкротом и посадили в «титы», в тюрьму.

Настоятель монастыря пригласил живописца и золотых дел мастера из губернского города Алтынова. Живописец промыл и прочистил икону, залепил трещины, смело подрисовал те места, на которых ничего нельзя было разобрать. В городе говорили, что Синельников, который тогда еще держался, послужил живописцу образцом для Иуды-предателя.

Впрочем, обновленную икону успели видеть немногие: ее скоро целиком заковали в тяжелую серебряную вызолоченную ризу. Наружу выглядывала лишь часть

лица Иисуса и апостолов, да кое-где стопа ноги или кисть руки.

Через два года появилась история Барсуковской чудотворной иконы спасителя в Гефсиманском саду, составленная отцом Гурием. Он рассказал, что в пятнадцатом столетии к сидевшему здесь князю Михаилу приезжал московский святитель Иона, который поставил епископом прибывшего с Афона монаха Федора Парса, названного так потому, что он явился из земли персидской. И город потому назывался «Парсов град», и только впоследствии это непонятное имя переделали в Барсуков. Федор, — рассказывал о. Гурий, — вывез с собою икону спасителя, написанную по преданию Филоктетом, учеником апостола Андрея, и поставил ее в монастыре. Во время пожара, случившегося в монастыре при Иване Грозном, икона перенеслась в приходскую церковь и была оставлена там по сие время. Но вот после того, как от нее были явлены чудеса, один монастырский старец видел в чудесном видении, как сам спаситель предстал перед ним и рек: «Доколе будете держать меня во граде том? Почто не возвратите во обитель сию?» И во исполнение сего образ был перенесен в монастырь в лето от рождества христового 1860-е, от сотворения же мира 7368-е.

Больше половины книжки о. Гурия занимали рассказы о чудесах, прославивших икону. Их насчитывалось уже 23, «наиболее знаменательных и точно проверенных». На первом месте шло незримое перенесение иконы из горящего монастыря в приходскую церковь, а затем чудесное самовозжжение свечи перед иконой. Рассказано было и о чудесном видении старца, послужившем основанием для перенесения иконы в монастырь.

Икону стали требовать по всей губернии. Для ее разъездов сделали большую карету, запрягавшуюся четверкой лошадей, которых давали помещики и крестьяне от остановки до остановки. Иеромонах и иеродиакон садились в карету, а остальные сопровождающие монахи и послушники ехали в линейке, в которую грузились и приношения: холсты, домотканное сукна, хлеб, чай, сахар и многое другое.

Пришлось сделать копию иконы, чтобы во время постоянных разъездов ее место не оставалось пустым и чтобы всегда можно было совершать молебствия чудотворной иконе и в монастыре, и в других местах.

Барсуковская обитель процвела больше прежнего. Другие епископы завидовали барсуковскому викарию. На это место попадали только люди с хорошими связями.

Лет через десять после перенесения иконы игуменом монастыря был назначен князь Мышицкий, который бурно провел свою молодость и, расточив крупные суммы, расстроив здоровье, стал задумываться, загрустил, принял схиму и в какие-нибудь два года достиг посвящения во епископы. При нем монастырь сделался модным для молодых купчих и пожилых помещиц. На благословение к отцу Мисаилу приезжали и из соседних уездов, и из губернского города. Великим счастьем и честью почиталось приглашение в покои игумена. Игумен нередко появлялся во дворе, с обеих сторон ведомый под руку двумя видными дамами и сопровождаемый свитой не менее примечательных дам.

И еще недавно процветала обитель, и еще совсем недавно чудотворная икона спасителя разъезжала и по уезду, и по всей губернии.

И еще долго бы так продолжалось...

III

ТОРБЕЕВСКИЙ ИДОЛ

Это было давно, много-много лет назад.

Но и теперь так бывает.

Мы жили дружной гурьбой: шести-семилетние малыши и ребята десяти и двенадцати лет.

Все мы порядочно побаивались Кости, сына торбеевского протопопа. Мы его старались задобрить и давали ему то конфетку, то пряник.

Он относился к нам свысока, как к неразумным созданиям. В наши игры он не мешался, но иногда откалывал с нами злостные шутки.

Особенно памятен мне один случай.

Это было на исходе зимы. Снег начинал таять. Мы разделились на партии и осыпали друг друга жестоким градом снеговых бомб. Общими силами скатывали снег в огромные глыбы. Пытались лепить фигуры людей и животных.

Это дело шло плохо: у нас нехватало выдержки и искусства. Мы не успели слепить ни одного порядочного истукана. Только-что сделаем грубые ноги, туловище, руки и голову, — как уж кто-нибудь налетит и одним ударом лопаты разрушит наше творение.

Костя, посмеиваясь, остановился против нас и о чем-то задумался. А потом начал командовать нами.

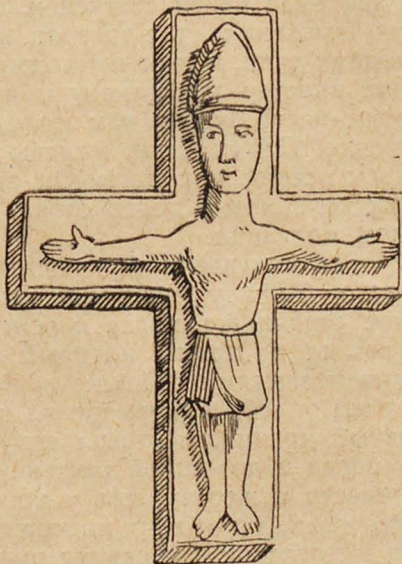
Мы расчистили место перед крыльцом. Затем скатали две снеговых тумбы и поставили их на расчищенном месте. На эти тумбы с великим трудом, пригласив на помощь соседей, водрузили громадный снеговой ком. Костя работал с лопатой, прищепывал, прихлопывал, отбивал в одном месте, надбавлял снегу в другом. И скоро мы увидели, что получилось большее человеческое туловище, на коротких и толстенных ногах. Затем к нему были приделаны руки, шея и голова. Вместо глаз Костя вставил угольки, из мелких же угольков сделал огромные черные брови дугой.

Я не знаю, где теперь злой Костя. Но я еще и теперь сохраняю глубокое уважение к его ваятельским способностям. Ни раньше, ни позже я не видал такого ужасного и великолепного в своей чудовищности истукана. И ни одно скульптурное произведение других стран и народов не производило на меня такого жуткого и неизгладимого впечатления, как статуя, воздвигнутая Костей при нашем содействии. И хотя я в свои поздние годы видал статуи и месопотамских, и персидских, и египетских, и занзибарских богов, я до сих пор не могу отделаться от мысли, что еще никогда и никому не удавалось создать такого исполинского и грозного бога.

В правой руке у истукана была увесистая дубинка, которую где-то разыскал Костя. Левая рука с растопыренными пальцами была угрожающе протянута вниз и вперед. Каждый раз, когда я проходил мимо статуи,

мне казалось, что эта рука тянется ко мне и вот-вот схватит за воротник.

Но самое страшное в истукане была его ужасная пасть: широкая, глубокая, — казалось, в нее ушла бы вся моя головенка. Из нее торчали ужасные зубы. Впоследствии я понял, что Костя где-то разыскал челюсти дохлой коровы или лошади, а может быть

Чему поклоняются верующие: древнее изображение Христа в митрантском головном уборе: прямое указание на связь древнейшего христианства с митраизмом.

собаки, и с большим искусством приладил их к своему истукану. Но тогда я не знал, откуда взялись зубы, и в страхе думал, что они выросли у статуи так же, как у маленького Шурика прорезались мелкие зубки.

Когда все было готово, Костя с таинственным видом сказал, что теперь надо опрыскать идола живой и мертвой водой. Мы быстро наносили живой воды из колодца. А за мертвой водой Костя отправил нас

под горку, где был родник, не замерзавший зимою. Мы взяли санки, привязали к ним ушат и, налив его до самого верха, общими силами привезли к истукану. Костя, вооружившись веником и ковшом, с мрачно-серьезной и торжественной физиономией обрызгивал и обливал истукана. Вечерний мороз превратил его в сплошной кусок льда.

Наступила самая торжественная минута. Костя выстроил нас в два ряда перед статуей и, приказав повторять все его движения, стал впереди нас. Затем он молитвенно поднял руки, потом приложил их к груди, а в заключение простер к истукану и возгласил: «О бог, о царь этих мест! Будь к нам милосерд! Призри на наше смирение! Прими наши жертвы и осени успехом и счастьем всякий наш шаг!» Он закончил свое моление низким поклоном и долго стоял, склонившись в благоговейном молчании.

Я весь трепетал, подавленный величием церемонии. И жутко, боязно было у меня на душе, и сильно колотилось мое сердчишко, когда я осмеливался бросить робкий взгляд на идола, который свирепо смеялся страшными челюстями собаки или коровы.

Костя порылся у себя в кармане и, отыскав завалявшийся мятный пряник, положил его на дощечку, прилаженную перед чудовищной пастью. Все мы должны были принести в жертву, что у кого было: конфетку, грецкий орех, горсточку подсолнухов. Когда я приблизился напоследок и протянул ручонку, в которую собрал все, что у меня было в кармане: две конфетки, грецкий орех и медовый пряник, на душе у меня захолонуло: а вдруг страшные челюсти схватят и оттяпают руку? Никогда еще не переживал я такой страшной минуты.

Костя возвестил, что каждый раз, как мы выходим из дома, мы должны приносить подобающую жертву. Тогда у нас во всем будет удача. Иначе не избежать нам страшной мести грозного царя села Торбеева и окрестностей.

Впоследствии я вспомнил, что как-то раз у Кости из кармана вывалилась конфетка, которую я за полчаса перед тем принес идолу. Вспомнил я также, что у Кости часто происходили какие-то таинственные со-

вещания с Митей и Славой. Но тогда я твердо верил, что сам идол, оставшись один, пожирает все жертвы.

Зима была затяжная. Весна долго не разворачивалась. Ненасытное идолище крепко стояло на своем месте. В следующие дни дубинка в руке заменилась длинным копьём. На голове появился грозный шлем: старый, проржавевший железный таз. В дырку таза воткнули хвост коровы, которая оторвала его, захлестнувшись им за сучок.

Я все не мог освоиться с идолом. Всякое новое украшение и всякое новое изменение возрождало и увеличивало мой страх. Другие малыши были в таком же угнетенном настроении, как и я.

Пошли рассказы о чудесных происшествиях. Слава рассказывал, что он три дня кряду отдавал идолу все лакомства, которые добывал, и зато на третий день поймал снигиря. А Митя, который как-то раз вышел к нам, прихрамывая и с ободранным носом, поведал, что вчера он пострадал за свое нечестие. Выходя из дома, он ничего не положил на жертвенник торбеевского царя. Но зато, как только он покатился с горки, санки перевернулись, Митя перекинулся, зашиб ногу и разодрал нос. А когда он к ночи возвращался домой, он видел, как огоньками сверкали глаза идола, и слышал, как идол хриплым басом сказал: «Покайся, о грешник!»

Костя присутствовал при этих рассказах и своим мрачным видом подтверждал их достоверность.

Так прошло, должно быть, не меньше недели. А затем все закончилось страшным для меня происшествием.

В то утро я проснулся веселый и бодрый. Дома мне не сиделось. Я быстро съел кусок хлеба, выпил молока с пряником и помчался на улицу. Пробежав мимо истукана, я вдруг вспомнил: второпях я съел решительно все, что передо мной было, и ничего не оставил для умиловительной жертвы. Вначале эта мысль неотступно преследовала меня. Но затем я увлекся сооружением снеговой крепости и развернувшимся сражением против наступающего противника. Все шло превосходно. Мы отбили вражескую армию, и я не был ранен ни разу.

Это подбодрило меня. А уже в то время у меня начали являться подозрения, что Костя со своими союзниками нас одурачивает. Я весело пошел домой, ухарски размахивая руками, и смело проскочил под самым носом страшного истукана. Ничего со мной не случилось.

Удивительно быстро нарастает вольномыслие! Я очень хорошо пообедал и дерзнул сам съесть все свои лакомства. Я не забывал об истукане. Как-раз наоборот: я все время помнил о нем и, уничтожая конфетки и пряники, про себя подсмеивался над снеговым царем Торбеева.

Начав свое освобождение от цепей веры, я почувствовал величайший подъем духа. Смелый, дерзновенный, готовый вступить в борьбу со всеми злыми силами, я выскочил на улицу и, приплясывая, пошел к истукану. Когда я взглянул на него, мне вдруг стало смешно: хвост, который у коровы прикрывал эвона какую часть тела, украшает голову торбеевского царя. Смешной идол! Я сам скатывал снег, из которого ты сделан, я и другие малыши воздвигли тебя! И я ни капельки, ни чуточки тебя не боюсь!

Пожалуй, я чересчур расходился. Уж очень легко почувствовал я себя, когда моя мысль сделала первый шаг в освободительной борьбе. Я залихватски поднял голову, издевательски высунул язык и показал нос истукану, который представлялся мне теперь таким жалким и смешным.

Но в тот же самый момент я увидел Костю, которого до того времени не замечал. Он стоял в нескольких шагах от меня и суровым взором смотрел на начавшееся низвержение богов.

Костя не сказал ни слова. Он только мрачно и многозначительно покачал головой. Мое недавнее бодрое настроение разом упало.

Костя, конечно, разом понял, что этого дела нельзя так оставить: мое вольнодумство могло бы заразить других малышей, и наступил бы конец господству жреческого сословия.

Костя действовал очень тонко. Очевидно, он быстро договорился с Митей и Славой. И вот, когда мы все собрались за сараем, начались рассказы, один чудеснее

и страшнее другого. В соседнем Бунькове мальчик показал истукану пряник и потом, издеваясь, сам съел его. Зато ночью, когда он пошел в чулан, в сенях кто-то невидимый подставил ему ногу, повалил на землю и захохотал страшным хохотом. А другой нечестивец был наказан тем, что под ним опрокинулась скамейка, когда он катился с горы. Свалившись, он вышиб себе два зуба и расквасил нос.

Рассказы непрерывно шли один за другим. Костя, Митя и Слава не умолкали. Едва кончал один и слушатели еще не успевали оправиться от произведенного впечатления, как другой уже начинал: «а вот еще был такой случай». Пошли рассказы о домовых, о леших, о ведьмах, о русалках. Наши жрецы увлеклись. Я теперь думаю, что они не просто выдумывали, не просто запугивали нас, но и сами верили многому из того, что они нам рассказывали, и сами содрогались от тех ужасов, о которых нам говорили. По крайней мере, Слава попросил Костю, чтобы тот проводил его до дому.

За рассказами и за страхами мы не заметили, как надвинулась темная ночь. Надо было возвращаться домой. Я жил почти на другом конце деревни. Нас осталось всего четверо: Костя, Слава, я и моя сестренка, которая была двумя годами старше меня. За несколько дворов до нашего дома Костя и Слава повернули в свой переулок, и мы с Катей остались одни.

Я чувствовал себя скверно-прескверно. Мне все время казалось, что кто-то идет за мной по следам и, если я побегу, произойдет что-то страшное: «он» сейчас же схватит меня. И мне казалось, что его рука уже занесена надо мной и вот-вот опустится на спину. Каждый шаг доставлял величайшую муку. Итти тихо — попытка долго не кончится, побежать — кто-то разом догонит и схватит.

Не думаю, чтобы Катя чувствовала себя лучше меня.

Так мы и шли, боязливо держась за руки и прижавшись друг к другу, боясь выронить хоть одно слово и потревожить безмолвие ночи.

Я еще и теперь помню, что где-то вдали отчаянно и протяжно завывала собака и в соседнем дворе бесконеч-

но уныло ей подвывала другая. Казалось, тоска, бесконечная тоска повисла в воздухе и хватала за сердце. На небе — ни звездочки. Мы с Катей одни бредем в пустынном и опустевшем мире, а за нами кто-то крадется, крадется... Мы с Катей одни во всем мире, а кроме нас еще только торбеевский царь. И этот царь наполнил весь мир. Я знаю, что он стоит вот здесь, справа от нас и немного впереди. Но он сзади нас, и с боков, и сверху, и мы никогда и никуда не уйдем от него и всегда будем чувствовать на себе его ужасную руку. Во всем мире и во мне самом — торбеевский царь.

Я вспомнил о мести этого царя всем непокорным. И я сам, маленький и бессильный Вася, сегодня издевался над этим грозным и вездесущим существом...

Те полсотни шагов, которые оставалось нам сделать после того, как мы расстались с Костей и Славой, показались мне вечностью: им конца не будет, я никогда не дойду до своего дома...

Вдруг с той стороны, где стояло неумолимое и гневное божество, послышалось ужасающее рычание, и хрипящий могильный голос заговорил: «Великий грешник, Вася, покайся!»

Я ничего дальше не помню. Совсем не помню, как пронеслись мы до крыльца, как миновали темные сени и ворвались в дом.

Помню только, что я не мог произнести ни слова и, подпрыгивая перед перепуганной матерью, сам не свой кричал: «у-у-у!» Катя сначала не могла вымолвить ни звука, а затем, трясаясь всем телом, начала пронзительно плакать.

Я не помню, как меня уложили. Потом я узнал, что я часто вскрикивал во сне, бормотал: «никогда больше не буду», плакал и всхлипывал. Просыпаясь, я опять начинал тянуть свое «у-у!» Хотели послать за доктором.

Когда Катю удалось успокоить, от нее после долгих расспросов узнали обо всем, что случилось.

К рассвету я успокоился. Проснулся очень поздно, перед обедом. Около кровати сидела мать и тревожно смотрела на меня. Когда я, выпростав ручонки из-

под одеяла, потянулся к ней, она радостно улыбнулась.

По стенам прыгали зайчики от графина с водой. Подбежав к окну, я увидел, что по тропинкам бегут веселые ручейки. Чирикание воробьев и задорный крик синиц были так громки, что прорывались через двойные рамы. В одну ночь прикатила весна.

За обедом я сидел рядом с отцом. Он поглаживал меня по спине. И так хорошо было чувствовать его спокойную, сильную и в то же время ласковую руку.

— Глупый, — проговорил он, обращаясь ко мне. — Неужели ты сразу не понял, что все это — Костины фокусы?

После обеда мы с отцом пошли разбрасывать снег. Он взял меня за руку, и, не говоря ни слова, направился к истукану.

Светило солнце, задернутое легкой облачной дымкой. Воробьи и синицы, казалось, с ума сошли от радости. Из соседней рощи доносился крик грачей, приступивших к постройке и возобновлению гнезд. Один грач залетел в нашу сторону, сел на плетень, неторопливо поворачивал головой и опять полетел к роще.

Свет разогнал ночные страхи. А тут еще спокойная и крепкая рука отца. Думаю, что и ночью я понял бы, что, как ни силен торбеевский царь, все же он побоялся бы напасть на отца.

Торбеевский царь порядочно пострадал от бурного весеннего дня. Челюсть перекривилась и беспомощно торчала из пасти. Коровий хвост взмок, по нему струились и падали капли за каплей. Все туловище осело и покачнулось.

Отец весело взглянул на меня и, взмахнув ломом, ударил по ногам-тумбам. Истукан разом рухнул на землю. Голова свалилась в одну сторону, ржавый таз — в другую.

— Ну-ка, помогай, принимайся за работу! — сказал отец и быстрыми взмахами лопаты стал по кускам отбрасывать тело несчастного торбеевского царя на дорогу, покрытую оттаявшим навозом.

Никогда еще не работал я с таким бодрым и горячим рвением и никогда еще так не гордился своим отцом.

Когда мы отдыхали, я вдруг увидел Костю, который выглядывал из-за угла. Своей фигурой он почему-то напомнил мне на этот раз истукана, наполовину разрушенного весной. Жалкий и сконфуженный был у него вид.

Не успел я показать его отцу, как он уже спрятался...

Вечером я опять сидел около отца, и он опять поглаживал меня рукой по плечу. Во всем теле чувствовалась приятная усталость. Я дремал под тихую песенку самовара. Но уходить в постель не хотелось. Было на редкость уютно, и так же тихо и уютно было у меня на душе.

В голове бродили клочки мыслей и воспоминаний. Придет — и уйдет. И уже через минуту забываешь, о чем думал и что вспоминал.

Вдруг в моей голове что-то мелькнуло, светлое и ясное. Я встрепенулся и, широко открыв глаза от удивления перед своей догадкой, сказал:

— А знаешь, папа? Тот царь небесный, которого поминает бабушка, и те иконы, которым она молится, ведь все это, пожалуй, Костин папа выдумал? Все это, пожалуй, тоже его фокусы?

Отец ничего не ответил. Он только быстро переглянулся с мамой и посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом. Мне только показалось, что его рука еще ласковее стала поглаживать меня по спине...

1-е издание вышло в 1925 г.

О ВЕРЕ В БОГА И ДЬЯВОЛА

ГОД назад одно издательство предложило мне пересмотреть старую книжку о процессах против ведьм и в случае необходимости написать к ней предисловие. По фактическому материалу, довольно сжато изложенному, книжка оказалась достаточно содержательной, но по методу — типично идеалистическим произведением. «Невежество», «суеверия», «заблуждения ума человеческого» — вот, по мнению данного автора, как и вообще известных мне авторов, писавших об этом предмете, основные причины того, что в XVI и XVII вв. костры пылали во всех странах Европы и унесли десятки тысяч жертв, —

некоторые историки говорят даже о сотнях тысяч. Увлеченный идеей, что источник варварства святой инквизиции — в «невежестве», автор упорно говорит о средневековых процессах против ведьм, хотя, в согласии с другими историками, признает, что самый безумный взрыв изуверства относится к XVI—XVII вв., которые никак нельзя втиснуть в рамки средних веков и которые видели зарождение существенных элементов современной науки.

С точки зрения идеалистов-историков положение получилось загадочное: несомненный прогресс знаний и взрыв исступленного варварства.

Мне казалось, что этот предмет заслуживает изучения с историко-материалистической точки зрения уже потому, что, насколько я знаю, до сих пор не было попытки применения к нему этого метода.

Я даю пока предварительный ответ на поставленный вопрос, первоначальный набросок. Для такой разработки, которая была бы желательна, потребовалось бы несравненно больше времени, чем я располагал.

К сожалению, мне пришлось оставить в стороне вопрос, который заслуживал бы всяческого внимания. Изучая относящиеся к предмету материалы, я пришел к убеждению, что деятельность святой инквизиции оказала большое влияние на формулировку христианских представлений об аде.

Давно известно, что ни древний мир, ни варварские страны ни в одну из эпох своего развития не проявили такой зверской жестокости, не выработали такой омерзительной системы нечеловеческих пыток, как европейские страны, осененные светом христианской религии.

Христианская церковь, политическая наследница древнего Рима, сосредоточила в застенках инквизиции все средства мучительства, до которых додумались эксплуататоры прежних веков, и бесконечно умножила эти средства своими собственными новыми изобретениями.

И вот здесь-то и складываются наиболее красочные христианские представления об адских мучениях, переносимые в «загробную жизнь» орудия пыток, применявшиеся «святой» христианской церковью.

Но у меня не было времени для того, чтобы в деталях проследить этот процесс перенесения.

Предлагаемая работа была первоначально напечатана в журнале «Молодая гвардия» (1924 г., № 5). Там она была дана под названием: «Вера и суеверие, ереси и чародейства». Но она говорит не только об этом: она говорит о величайшем расцвете веры в дьявола и о падении этой веры, а также о внутренней, фактически нерасторжимой ее связи с верой в бога.

Эта работа должна познакомить, хотя бы только в первоначальном наброске, с очень существенной главой из общей истории христианства.

Она должна показать, каким образом древние религии, будто бы окончательно вытеснявшиеся христианством, на самом деле сохранились в нем, внося в него многие существенные элементы.

Она должна также показать, каким образом новейшее христианство, проводя произвольную, насильственную границу между «верой» и «суеверием», стремится спасти веру в бога от того крушения, которое должно было бы явиться логическим последствием крушения веры в дьявола.

Я не сумел придать работе настолько популярный характер, чтобы она была пригодна для массового читателя. В стремлении к популярности мне пришлось бы сильно раздвинуть рамки работы и ввести в нее целый ряд сведений из общей и экономической истории.

1

ЧАРЫ И ЗАКЛИНАТЕЛИ

Убеждение в существовании дьявола, подчиняющего своей мощной власти злополучных женщин, так называемых «ведьм», не было каким-то побочным, посторонним наростом, чисто внешне, случайно, механически связанным с системой средневекового мирозерцания.

Оно не было «суеверием», пристегнувшимся к беспорядочной по своему существу вере, не было прискорбным «заблуждением ума человеческого», налип-

шим откуда-то извне к религии, к системе воззрений, дающих правильные представления о мире.

Для научного исследователя, для научного историка религий нет никакой принципиальной разницы между верой и суеверием, между представлением о существовании бога и его вмешательстве в жизнь мира и представлением о существовании дьявола и его неустанной деятельности, между убеждением в действительности молитв и обрядов (в частности «таинств») и убеждением в действительности чар и заклинаний.

Святые отцы были только последовательны, когда они с одинаковой суровостью карали сомнения в существовании бога и сомнения в существовании дьявола. Их священные писания, в особенности в некоторых отделах, были историей отношений между богом и людьми в такой же мере, как и историей отношений между сатаной и людьми. Без предположения энергичного и мощного вмешательства дьявольских сил в ход мировых дел некоторые сказки «священной истории» мира остались бы совершенно необъяснимыми для верующих.

Как можно было бы объяснить «грехопадение» первых людей, если их сотворил всеблагий и всеведущий бог? И, напротив, какое простое объяснение получается в том случае, если предположить, что существует злой сатана, у которого свои собственные планы, и что бог ничего не знает наперед об этих планах и не в силах противодействовать им?

Как стал бы отрицать верующий человек существование сатаны, когда последний, по евангелию, подвергал Иисуса своим дьявольским искушениям? Как стал бы он сомневаться в «одержимости», «бесноватости», когда чудесная врачебная деятельность Иисуса неизменно принимает вид изгнания бесов из пациентов? И как стал бы он оспаривать магию и чародейство, «наваждения» и «прорицания» дьявольской силой, когда глубокой непоколебимой верой во все это преисполнены и ветхозаветные и новозаветные книги?

Только для того, чтобы слегка освежить эти факты в читательской памяти, я приведу некоторые примеры.

«Исход», глава VII. Моисей и Аарон, чтобы запугать египетского фараона, приходят к нему. «И бросил

Аарон жезл свой перед фараоном и перед рабами его, и он сделался змием. И призвал фараон мудрецов египетских и чародеев, и эти волхвы египетские сделали то же своими чарами».

Затем Аарон, взмахнув своей волшебной палочкой (жезлом) над водами, превратил в кровь всю воду в реке и в деревянных и в каменных сосудах, и рыба в реке вымерла. Но «и волхвы египетские чарами своими сделали то же».

В VIII главе состязание между полпредами (полномочными представителями) Ягве (Иеговы) и египетскими чародеями разворачивается дальше, и последние своим волшебством до известной границы успешно воспроизводят «казни», ниспосылаемые на Египет Иеговой через Аарона.

«Евангелие от Иоанна», глава XIII. На «тайной вечери» один ученик спрашивает у Иисуса, кто предаст его. Иисус отвечает: тот, кому я сейчас подам кусок хлеба. И подал кусок Иуде Искароту. «И за сим куском вошел в Иуду сатана». Иуда тотчас вышел и принялся за свою предательскую работу. Кусок, поданный Иуде Иисусом, проторил дорожку для сатаны.

«Деяния апостолов», глава XVI. Одна служанка «одержима духом прорицательным». Она много дней ходила за Павлом и возвеличивала его, как посланника божьего, возвещающего путь спасения. Павел почему-то «вознегодовал на нее», — должно быть, она отвлекала от него часть почитателей, — и изгнал из нее «духа прорицательного». Злополучная бесповорот-но утратила пророческий дар.

Там же, глава XIX, много говорится об «иудейских заклинателях» и о том, как «злой дух», изгоняемый ими, жестоко исколотил их, а также о книгах людей, «занимающихся чародейством».

«Первое послание Иоанна», глава IV. «Возлюбленные, не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа божия и духа заблуждения узнавайте так» и т. д. Дух заблуждения, это — дух сатаны или, вернее, сам сатана.

А затем повседневная религиозная практика: молитвы об избавлении нас «от лукавого», т. е. от сата-

ны, такие «тайнства», как например крещение с его отречением «от сатаны», «от всяя гордыни его и от всех дел его» и с великолепным заключительным «дуни и плюни на него», т. е. на сатану. И, как известно, кум или кума поворачивается и действительно дует и плюет на дьявола!

Может ли верующий сказать, что он приемлет веру в бога и в постоянный божественный промысел, о котором рассказывается в его священном писании, но отвергает веру в сатану и в совершаемые его силою чародейства, о которых рассказывается в тех же божественных книгах? «Святые отцы» были вполне правы, когда они признавали совершенно равноценными все части священных писаний и с одинаковой беспощадностью искореняли всякие семена неверия и сомнений, касались ли последние бога или его противника сатаны. И столь же правы были они со своей точки зрения, когда зажигали костры во исполнение предписаний «Исхода» (гл. XXIII, ст. 18 и 20): «ворожей не оставляй в живых» и «приносящий жертву богам, кроме одного господа, да будет истреблен».

Если теперь «ведьм» и «ворожей» оставляют в живых, то это — явное нарушение прямых предписаний религии, несомненное свидетельство об упадке веры.

2

ЖРЕЦЫ БОГА И САТАНЫ

Хлеб и вино, над которыми священник в строго определенной последовательности поет и читает заклинания, приобретают особенно «священные» свойства, могут служить «во исцеление души и тела» и «в жизнь вечную».

Но почему же в таком случае не может приобрести таинственные свойства вода, которую старуха, нашептывая заклинания, поливает на уголек?

Священник может производить чудесные превращения вина и кусочков хлеба в «тело и кровь господни», может успешно призывать на них божественную силу.

Но почему же в таком случае какая-нибудь старая женщина не может распоряжаться «сатанинской силой»?

Если почитать и попеть над больным, подымить вокруг него ладаном, побрызгать водой, над которой были произнесены заклинания и в которую опускали крест и т. д., после такого «тайинства водоосвящения» в болезни может наступить поворот. К тому же приводит принятие внутрь «святых даров», с которыми входит в человека «божественная сила».

Но почему же в таком случае колдунья, ведьма, ворожея не могут навести «порчу» на человека?

Церковные молебствия с их заклинаниями способны вызвать и прекратить дождь.

Но почему же заклинания колдуна не могут погубить урожай, навести болезнь, пожар, моровую язву, град, саранчу или полевых мышей? Навели же заклинания египетских чародеев стада жаб на Египет!

Скучно умножать вопросы, да и не к чему. Куда бы мы ни обратились, везде и повсюду видим один и тот же круг идей, одни и те же формы мышления и принципиально тождественные до полной неразличимости приемы воздействия.

Жрец церковного бога — единомышленник жреца сатаны.

И противником жреца сатаны он сделался потому, что они — единомышленники.

Он не просто противник жреца сатаны; он — его конкурент, действующий одинаковыми с ним методами. У них обоих одинаковые представления о мире и действующих в нем силах.

Если бы жрец церковного бога приносил с собой новые методы, принципиально отличные от чародейских, его борьба была бы не столь ожесточенной и не столь насильственной. Он мог бы уверенно ожидать, что его новый, принципиально высший метод будет сам говорить за себя и оправдывать себя на практике. Например, современному врачу тяжело, временами прямо противно наблюдать, как больных мучают церковными заклинаниями (исповедь, причастие, соборование), как нервных больных доводят до крайней степени возбуждения; но он хорошо знает, что доверие к его зна-

ниям, к физиологическому действию хинина и касторки медленно, но надежно одерживает победу над верой в таинственную силу ладана, святой воды и святых даров. Он не потребует костров для церковных заклинателей, он выскажется за положительные меры, которые обеспечивают окончательное торжество его метода: за широчайшее распространение научного понимания всех процессов природы.

Если священник — конкурент своего единомышленника-чародея, это отчасти объясняет нам, почему процессы против ведьм усиливаются в XV в. и приобретают кошмарно массовый характер в XVI и XVII столетиях.

Древний мир не знал ничего подобного средневековым процессам о ведьмах. Он еще в очень позднюю эпоху совершал человеческие жертвоприношения. В этой связи стоит напомнить хотя бы Карфаген. Да и для Рима человеческие жертвоприношения лежали далеко не в незапамятном прошлом. Но таких жестоких гекатомб, как костры, на которых сжигались сотни и тысячи ведьм и еретиков, — а это для историка культуры трансформированные (видоизмененные) человеческие жертвоприношения, — таких массовых жертвоприношений древний мир все же не знал. И, если оставить в стороне рабов, которых древний мир не считал за людей, он не знал и пыток, как средства вынудить признание. В этих отношениях он уступает пальму первенства христианству.

Из религий древности только израильская религия на высших ступенях своего развития противопоставляет себя всем остальным религиям, как совершенно исключительная, особенная, единственная религия, не соединимая, не сравнимая и не согласуемая с ними. А потому она изображает свою историю, как истребительную борьбу со всеми другими культами.

Вообще же народы древности отличались поистине безграничной терпимостью. Усвоение чужих богов, культов и воззрений, их взаимное приспособление и соединение (синкретизм) характеризуют не только римскую религию на поздних ступенях ее развития. Это явление мы можем проследить и в древней Месопотамии и в древнем Египте. Ассирийцы многое вос-

приняли от аккадо-сумерийской древности, затем Вавилон соединил ассирийских богов со своими богами и только выдвинул на главное место своего бога-предка Мардука, который первоначально был чисто местным богом. Боги Верхнего, Среднего и Нижнего Египта мирно объединились в единый сонм и только в соответствии с соотношениями реальной силы различных областей предоставили первенствующее положение Озирису и Изиде.

Одну из наиболее наглядных иллюстраций того, как происходила взаимная ассимиляция, взаимное согласование различных религий древности, дают Греция и Рим. Здесь произошло просто отождествление сходных по своим «функциям» и своему положению богов, которые фактически были различными богами-предками совершенно различных племен. Зевс был приравнен к Юпитеру, Гера — к Юноне, Афина — к Минерве, Арей — к Марсу и т. д. Вместе с тем мифы об одних богах были перенесены на других. Конечно, сохранился своего рода «местный колорит», который так же не мешал ассимиляции двух религиозных систем, как существование смоленской богоматери и черниговской богоматери — в известном смысле различных богов — не препятствовало православному христианству почитать себя единым и нераздельным.

«Великие государства» древности не так-то уж сильно различались по уровню своего экономического развития. В наших представлениях о «древнем мире», как о чем-то более или менее едином и целостном, не меньше правды, чем в представлениях о «средневековом обществе и государстве» или о «капиталистической эпохе». Можно сказать, что рабство так же было характерно для всех стран древности, как вассальная зависимость для средневековья и наемный труд для новейшего времени.

При близости уровней экономического развития в религиях древнего мира, — если оставить в стороне местный колорит, — черты сходства брали перевес над чертами различия. Это сильно облегчало более или менее мирные отношения между ними, взаимное сближение, иногда полное уподобление.

Рим в свои последние, предхристианские времена не только не гнал и не подавлял религий тех народностей, которые он принудительно объединял своей железной рукой, но скорее сам усваивал религиозные воззрения и культы народов тогдашнего Востока. Более того, эти народы в длительном процессе поступательного исторического движения достигли высокой для того времени степени развития менового хозяйства и политической централизации. Поэтому и их религии — это фантастическое отражение реальных отношений — успели превратиться в сложные, выработанные, внутренне организованные и централизованные системы. Здесь достаточно отметить только два момента. Во-первых, в религиях Востока явственно выступали тенденции к монотеизму, к единобожию, при котором более или менее успешно затушевываются и изглаживаются земные и человеческие корни всякой религии. Во-вторых, — и это связано с предыдущим — мистическая сторона восточных религий характеризовалась большой выработанностью. Это было результатом самой обостренной классовой борьбы, громадных сдвигов, переворотов и катастроф, пережитых уже во многовековом к тому времени развитии и разложении Месопотамии и Ирана, Египта и Сирии.

Наивно-архаической, прозрачно-первобытной, непосредственно человеческой и земной представлялась римская религия по сравнению с этими продуктами многовековой культуры. Она сохраняла явственный отпечаток своего происхождения от культа земных, физических предков племен и родовых групп. Этот отпечаток пронизал все представления о богах, о взаимных отношениях между ними и между людьми и богами.

А между тем, вступив в свою «историческую эпоху» едва за полтысячи лет до христианской эры и только за две с половиной сотни лет до начала этой эры подчинив себе всю Италию, Рим сделал затем головокружительную карьеру и в какие-нибудь полтора-два столетия превратился в величайшую державу, границы которой почти совпадали с границами известного тогда мира.

Территориальное расширение вовне сопровождалось напряженнейшей внутренней социальной борьбой, острыми конфликтами, бурной сменой и перетасовкой общественных отношений. Процессы, которые в странах Востока растянулись на одно, кое-где на полтора или даже на два тысячелетия, здесь были втиснуты в небольшое количество столетий. Средневековая Европа, вплоть до эпохи торгового капитала, вводящей уже в «новое время», не видала ничего подобного этому лихорадочно быстрому темпу развития.

Реальные отношения Рима переросли, оставили далеко позади себя рыхлую, простодушно и прозрачно антропоморфную (т. е. с богами, лишь по степени своих сил отличающимися от людей) религию прадедов. Мог ли он утверждать и отстаивать ее при встрече с величественными, мрачными, таинственными, внеземными религиями Востока? Он должен был склониться перед ними. Они давали готовыми те идеологические формы, которых он сам не успел выработать, но которые ему были необходимы. Ему требовалась не идеология, которая отражала безвозвратное прошлое с рыхлостью, ясностью и прозрачностью межродовых и межплеменных связей и с такой же простотой внутриродовых и внутриплеменных отношений. Теперь ему требовались идеологические формы, которые отражали бы стремительно надвинувшееся настоящее Рима, все еще великого политического объединителя, но уже глубоко раздираемого неразрешимыми для него общественными противоречиями, все еще владыки мира, но уже несущего в себе элементы разложения, гниения и распада, как результат неразрешимости общественных противоположностей.

Явственно выраженные в восточных религиях централистские тенденции (большой уклон к так называемому «монотеизму», который, однако, фактически не дошел до полного развития ни в одной из религий ни в древнее, ни в новейшее время) отвечали реальной завоевательной и административной практике Рима. Величие, таинственность, мистика, часто мучительный надрыв, характеризующие и образы восточных богов, и мифы о них, и религиозные церемонии, — были как

по мерке подготовлены для внутренних отношений Рима с их иррациональностью, с их безысходностью и безнадежностью, с их гнетущими воздействиями на чувство и мысль.

Централизм восточных религий удовлетворял тому, что еще было реально в древнем Риме, — его внешнеполитическому положению.

Мистицизм удовлетворял тому, что уже делало ирреальной мощь Рима, — его внутреннему положению.

Озирис и Изида, Митра, Кибела, Дионис — это были не враги для Рима, не дьяволы, не злые силы, — это были как раз те боги, которые ему требовались на данной ступени развития. Он не открыл гонений против этих богов и их поклонников: он сам начал им поклоняться. Он начал воспринимать эти идеологические формы, как впоследствии средним векам, достигнув определенной ступени развития, можно было таким же способом использовать римское право, выросшее на почве достаточно развитых меновых отношений.

Понятно, что в такой обстановке не было почвы ни для гонений на «еретиков», ни для борьбы с «чародейством»; римское общество положительно жаждало чародейства, так как в нем находило тот выход, в котором ему неумолимо отказывала реальная действительность.

3

ДРЕВНИЕ БОГИ И ХРИСТИАНСТВО

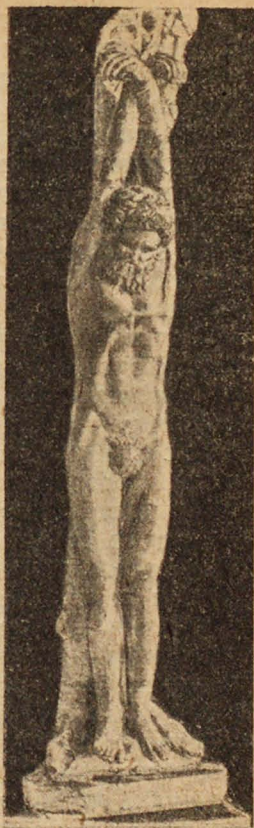
Здесь не приходится распространяться о том, каким образом христианство продолжило и, быть может, усилило синкретизм (усвоение и соединение элементов из различных религий) предхристианского мира, заимствовало важнейшие моменты из месопотамской и египетской, персидской и сирийской религий, сочетало их с древнеиудейской религией, которая уже раньше успела усвоить многое из только-что названных религий, и, наконец, одержало победу над всеми восточными конкурентами. При этом оно впитало в

себя и удачно приспособило сюжеты дохристианских религий к особым религиозным потребностям упадочного римского общества. Эта тема, сама по себе очень большая, увела бы нас слишком далеко от главного предмета нашей статьи.

Ошибочно было бы думать, что у христианства были только отношения борьбы с окружающими его «языческими» культами: происходила также ассимиляция многих элементов из этих культов. Христианство не сложилось где-то и как-то в стороне от существовавших в то время религий. Оно в точном смысле слова развилось из «языческих», дохристианских религий. Почти в каждой из последних были мотивы и элементы, отвечавшие той или иной общественной потребности. Христианство сочетало в себе элементы, отвечавшие особым потребностям упадочного римского общества.

В частности, мифы восточной и классической древности ожили в христианстве. Но они возродились в нем уже как жития святых, и те чудовищные змеи, львы и драконы, которых в единоборстве поражали герои древности, превратились в различные воплощения дьявола. Языческие боги, иногда не меняя даже своих

имен, отчасти перебрались в христианские храмы, но водворились здесь уже в качестве христианских святых, перед которыми христианские жрецы возжигают светильники, кадят ладаном и возносят молитвы.

Изображение древнегреческого бога Марсия, распятого на столбе. По некоторым данным, в раннем христианстве в ходу были рассказы, что и Христос был распят, не на кресте, а на столбе.

Однако христианство впитывало в себя элементы «языческих» религий не только в ограниченно римский период. Ассимиляция новых элементов происходила и в ту эпоху, когда оно стало распространяться среди англо-германских, кельтских, славянских, литовских и других племен Европы.

Процесс образования христианства не завершился семью вселенскими соборами. Он и после того растянулся на многие столетия и начинался почти заново во всякой новой стране, которая впервые принимала крещение.

В противоположность всем рыхлым и раздробленным дохристианским религиям галлов, германцев, славян христианство во всех своих видоизменениях и местных вариантах сохраняло значительные центристские элементы. Это очень быстро схватили вожди варварских племен, работавшие над объединением последних в «государства». Они принимали новую веру и находили в христианских миссионерах самых надежных помощников в деле подчинения себе новых и новых областей.

Конечно, это не мешало тому, что в особых христианских патронах отдельных стран, в местных святых и святынях, в особо чтимом отдельной деревней святом оживали родовые и племенные боги языческого прошлого. Или, вернее, местные боги варварских племен остались там же и при тех же функциях, где были прежде: они только переменили свои имена и превратились в святых, в подчиненных, второстепенных богов новой христианской религии.

Таким образом, христианство оказалось достаточно централизованным для того, чтобы содействовать объединению племен и народностей в государства. Но оно оказалось достаточно гибким и для того, чтобы провести это объединение в той слабой степени, с которой только и мирилась средневековая раздробленность на концентрически расположенные самодовлеющие миры, все более рыхлые, внутренне все менее связанные и спаянные с каждым расширением центра.

На этой стадии своего развития и распространения христианство оставалось воинственным и нетерпимым

лишь до тех пор, пока приходилось добиваться подчинения новой «языческой» области. Здесь христианство распространялось действительно «огнём и мечом». Но с того момента, как вождь и глава племени вместе со «своим народом» принимал крещение, а вместе с тем превращался в вассала страны, выславшей миссионеров, христианство складывало свое оружие. Тогда начиналось то взаимоприспособление «язычества» и христианства, в результате которого

Огнем и мечом насаждали испанцы католицизм в своих американских колониях (рис. начала XVII в.).

церковь с течением времени обогащалась новыми святыми, усвоенными у «язычников», а язычники начинали украшать свои традиционные праздники декорациями, названиями и всяческими аксессуарами, заимствованными у христианской церкви.

Кстати сказать, слово «язычник» — не научное. В христианских устах оно означает «идолопоклонник». Но идолопоклонников в том смысле, как объясняется в христианских катехизисах, мы не найдем: уже дикарь поклоняется не «дереву» или «камню», а тому существу, которое «таинственным образом» связано с

данным камнем или деревом. В этом отношении нет никакой разницы между «языческими истуканами» и христианскими иконами и статуями. Что касается православных различий между статуями, которые признаются «идолами», и иконами, то они положительно курьезны по своей беспомощности и наивности.

Слово «язычник» означает также для христиан «политеист», «многобожник». Но в таком случае есть все основания признать «язычеством» и христианство с его тремя лицами божества, с его культом богородицы и многочисленных святых и с его еще более многочисленными дьяволами. Дальше всего тенденции к монотеизму (единобожию) проведены в иудейской и магометанской религиях. Но и здесь вера в ангелов — божества низшего ранга — и в дьяволов — злых, но тем не менее все же богов — оставляет монотеизм незавершенной тенденцией.

Если угодно, все религии таким образом фактически признаются в своем банкротстве, в своей неспособности истолковать ход дел в природе и в человеческой истории, исходя из предположения одной всемогущей божественной силы, сотворившей и направляющей мир. Чтобы выпутаться из противоречий, им приходится признать существование другой, столь же мощной силы, устраивающей разные пакости будто бы «главному божеству». Но вместе с тем они впадают в новые, не менее тяжкие и очевидные противоречия.

Употребление слова «язычество» диктуется соображениями удобства. Но под ним следует разуметь все религии, которые продвинулись к монотеизму еще меньше, чем христианство, иудейство и магометанство.

В то время, когда еще только происходило взаимоприспособление христианства и язычества, отношения христианства к живучим и пышным «остаткам» древних религий не могли быть слишком обостренными. Вся окружающая обстановка жила этой языческой стариной, насквозь была пропитана ею, проникала в храмы, накладывала свой отпечаток на христианское богослужение, всевозможными путями и способами подчиняла себе самих церковнослужителей. Деревенские попики, придававшие характер «волхований»

христианским службам и обрядам, явление не специфически русское, и наблюдалось оно не только в первые века по принятии христианства и не только в тех случаях, где попики выходили из «полуварварских», отсталых народностей.

Следовательно, потребовалось немалое время для того, чтобы христианская церковь внутренне соорганизовалась, идеологически самоопределилась, отграничилась от окружающих народных религий, выдвинулась как носительница «единой истинной веры» в противоположность «язычеству» и «суевериям» народных религий. И не меньшее время требовалось для того, чтобы она создала достаточно сильный и централизованный аппарат, действующий в полном подчинении командной верхушке и способный беспощадно искоренять всех «отпадающих» от христианства.

С того времени как христианство, более или менее развившись в политическую силу, соорганизовавшись и установив свое вероучение, свои штаты святых, свои обряды, объявило себя единственной верой, все народные религии и все элементы последних, не воспринятые христианством, были отринуты как суеверие.

И вообще мы, марксисты, должны твердо помнить, что между «верой» и «суеверием» нет никакой принципиальной разницы. Если бы мы признали таковую, нам пришлось бы дальше признать, что существует какая-то «истинная вера» в противоположность «ложным верам». Различие между ними — в степенях развития.

Исходным пунктом для всякой новой религии служит тот идеологический материал, который она уже находит в действительности. И каждая новая религия сохраняет от своих предшественниц хотя бы какой-нибудь «каабский камень». Она по-своему перерабатывает и упорядочивает этот материал, комбинируя его с новым, фактически учитывает расширение человеческого опыта, перемены в строе общественных отношений, сохраняет одно, отбрасывает другое. И вот эту-то амальгаму «народных религий» и новых элементов она объявляет «истинной» или «правой верой». А все, что не вошло в эту амальгаму, все, что ею от-

брошено из народных религий, отражающих прошлые века и эпохи человеческого развития, — все это она объявляет «суеверием», всеми силами замазывая тот факт, что многие и очень существенные ее элементы произошли из общего корня с «суеверием».

«Суеверия», «чародейства», против которых обрушились суды XVI—XVII вв., не появились только в эту эпоху: нет сомнений, что они существовали на протяжении всего средневековья. Но они существовали как осколки древних религий, остававшиеся не связанными с христианством, сохранившиеся бок-о-бок с последним, его не затрагивая, его дополняя. Так, еще в настоящее время, — впрочем, сильно побледневшая и выцветшая, — ночь под Ивана Купалу или семик дополняет русское православие, не приходя в столкновение с ним.

Христианство, самоопределившись и организовавшись, выступив в качестве единственной допустимой религии, вынудило «суеверия» и «чародейства» войти в систему христианских воззрений, превратиться в элемент христианства.

Как ни парадоксально звучит это, а дело было именно так. Церковь заставила злосчастных ведьм и колдунов поверить, что они — слуги дьявола христианской религии, слуги христианского дьявола¹.

Пока «языческие» обряды сохранились как осколок народной религии — подобно опять-таки ночи под Ивана Купалу или семику, — в них могла оставаться языческая жизнерадостность и ясность, вытекавшая из непосредственности связей этих празднеств с процессами природы и с важнейшими моментами земледельческого года.

И даже чародейство — нашептывание на волшебные мази, применение их и т. д. — могло быть в такой же мере свободно от всяких мрачных, гнетущих моментов, как деятельность рядового деревенского знахаря в настоящее время.

¹ Надо думать, что «ведьмы» признавались в связи с дьяволом под влиянием тяжелых пыток, которые против них обрушила церковь. *Ред.*

Но все это — лишь до тех пор, пока церковь не простерла своей длани на чародейство.

С того времени в лице, выражении глаз, во всей внешности и быте несчастных «ведьм» появляются глубоко трагические черты.

Они сами увидели в себе потерянных, погибших людей, для которых уже нет ни возврата, ни выхода, ни спасения. Они (мы говорим не о тех, которые были невинно осуждены, мы говорим о «действительных ведьмах», т. е. о тех, которые сами веровали в свою связь с темными силами) — конченные люди, они действительно ведьмы, запродавшие дьяволу всю свою жизнь и судьбу.

4

ПРОЦЕССЫ ВЕДЬМ

Все предыдущее объясняет нам, почему борьба против ведьм не могла начаться сразу с того момента, когда христианство сделалось господствующей религией. Понятно, что церковь для этого должна была внешне и внутренне укрепиться настолько, чтобы объявить остатки народных религий культом сатаны, а его служителей — ведьмами; она должна была сделаться достаточно сильной, чтобы начать борьбу за монопольное положение и чтобы приняться за беспощадное истребление ведьм.

Но это еще нисколько не объясняет, каковы были те сложившиеся к XVI в. специфически благоприятные условия, которые вызвали положительный взрыв «ведовства» и вместе с тем эпидемию процессов против «ведьм».

На первый взгляд дело представляется загадочным, положительно необъяснимым. И оно необъяснимо для идеалистических историков, которые видят причину всех исторических процессов в прогрессе или регрессе идей.

В обычном сочетании слов: «средневековые процессы против ведьм», есть большая историческая неправда, замазывающая социальные корни этих процессов.

Конечно, на те столетия, которые по школьному делению и по своему общему характеру следует отнести к «средним векам», падает большее количество гонений против ведьм. Тем не менее мы клеветаем на средние века, если называем эти процессы «средневековыми». Во-первых, внимательно приглядевшись к делу, мы открываем, что бесшабашный разгул официально-церковного изуверства разыгрывается в одной стране за другою по мере того, как в одной стране за другою расшатывается средневековый строй общественных отношений. Во-вторых, если даже взять внешние рамки «средневековья» и «нового времени» в том виде, как они определяются по старинной традиции, то и тут окажется, что большой подъем гонений на ведьм падает на конец XV столетия, т. е. на исход средневековья, а их пышный расцвет — на XVI—XVII столетия, которые уже никак не втиснуть в средневековье.

Куда ни посмотрим, повсюду в эти столетия мы увидим крушение того, чем жило средневековье и что оно тащило от древности. Эпоха великих географических открытий уже к концу XV в. (Колумб и Васко-да-Гама) уничтожила средневековые, а вместе с тем и библейские представления о земле. К половине XVI в. Коперник, а несколько позже Кеплер и Галилей отвели земному шару скромное, подчиненное место в солнечной системе и в буквальном смысле слова перевернули представления, согласно которым земной шар — центр мира и исключительный объект божественной деятельности. На первую четверть XVII в. падает деятельность Бэкона Веруламского, который, показав, что опыт и наблюдение — единственные источники знаний, в принципе подрезал все божественные домыслы и дедукции. Немного позже Гарвей, объяснив процессы кровообращения, положил основание механическому истолкованию процессов, протекающих в человеческом организме. На третью четверть XVII в. приходится деятельность Спинозы, который, если даже признать, что он не вполне освободился от теологии, стремился к выдержанно причинному истолкованию всех протекающих в мире процессов, не оставляя места чуду или божественному вмешательству

«Шаш ведьм» по старинной гравюре.

в строго закономерный ход явлений. Или возьмем Италию XIV столетия — когда она так быстро вылупилась из средневековья, — вспомним вождей итальянского Ренессанса, возьмем потом гуманистов Германии (к началу XVI в.), а затем Сервантеса или Шекспира (к началу XVII в.) — в сущности как мало дела им всем до бога и дьявола, как часто пробивается у них почти современное бодрое миропонимание, при котором человеческая голова не угнетается страхом каких-то сверхъестественных сил. Впрочем, кое-кому из них дьявол и ведьмы доставляют больше тревог, чем бог и попы.

Мы выхватываем отдельные вехи, отмечающие громадные умственные завоевания европейского человечества. Итог один: к XVI столетию торговый капитал во всех странах проделал колоссальную разрушительную и творческую работу. В одной стране за другую он выбивал человеческую жизнь из средневековой колеи и вместе с тем выметал средневековый хлам из человеческой головы.

Если учесть невероятное расширение умственного кругозора, обогащение опыта, углубленное понимание мира и т. д., то европейское человечество к XVI столетию стало не «глупее», а бесконечно «умнее», чем оно было в средневековый период. Его мышление, следуя за расширяющимся опытом, во всех областях разбивало средневековые рамки. В особенности это относится к руководящим, господствующим классам, которые направляли всю общественную жизнь и всю государственную деятельность. Они монополизировали знания в степени, неосуществимой для промышленно-капиталистической эпохи...

И как-раз с XVI в. наблюдается бурный взрыв изверства в «культурных» классах того времени, выразившийся во многих явлениях, между прочим и в нелепых процессах против ведьм. Эти процессы, казалось бы, достойны не эпохи Эразма Роттердамского, Рейхлина, Ульриха фон-Гуттена, Томаса Мора, Коперника, а каких-нибудь веков «готического варварства». Недаром историки до сих пор некритически называют процессы против ведьм «средневековьем».

Внимательнее взглядываясь в эти процессы, мы открываем, что дело не в том, будто люди стали «глупее» или «умнее», а в том, что общество, в котором они жили, охватывалось быстрыми и глубокими сдвигами, расплзлось по швам, утрачивало под собой твердую почву.

Торговый капитал, возникая, развиваясь, развертываясь, разлагал все средневековые связи, скрепы и спайки в одной стране за другою: в Италии, в Южной Франции, на Пиренейском полуострове, в Нидерландах, Германии, Англии. Феодальные отношения поместья уступали место крепостническому строю, городское ремесло подтачивалось, расшатывалось, разлагалось, подчиняемое растущей мощью капитала. Торговля «по старинке» отбрасывалась на задворки нового экономического оборота, который выдвигал на первый план «конквистадоров»¹.

И тот же новый экономический оборот создал такие мощные торговые и финансовые фирмы, как Фуггеры, Вельзеры, Ремеры, перед которыми стушевались банкирские дома быстро оттесняемой назад и уходящей в прошлое торгово-капиталистической Италии.

Торговый капитал превращался в командующую силу нового общества. Он повсюду рассылал корабли, которые открывали и подчиняли ему безграничные колониальные области. Под его давлением раздвигались географические горизонты. Он направлял на светила трубы астрономов и заставлял вернее определять место земли во вселенной. Ставя людей в новые отношения к миру, по-новому их перетасовывая и связывая, нанося удар за ударом всему устойчивому, привычному, традиционному, он вместе с тем разрывал, переворачивал, перевертывал весь мир идей, разрушал старинные связи представлений, выдвигал на их место новые.

¹ «Конквистадор» — это одновременно купец и завоеватель, герой эпохи великих географических открытий: Васко-да-Гама, Колумб, Кортес, Писаро и целые тысячи анонимных Писаро и Кортесов, которые расширяли, углубляли, детализировали первоначальные гигантские колониальные захваты. У нас к этому типу следует отнести Ермака, Дежнева и сотни известных и неизвестных «землепроходцев», без компаса и прочих приспособлений пускавшихся в отчаянные экспедиции.

«Ведьмы» по старинной гравюре.

Это было всестороннее крушение средневекового общества.

Но оно — его господствующие классы — не могло не защищаться. И оно защищалось всем, чем могло, в том числе и «процессами ведьм».

5

РЕФОРМАТОРЫ И ЕРЕТИКИ

Здесь не приходится распространяться на тот счет, как и почему политическая борьба того времени выступала в религиозном облачении, как и почему самооборона средневекового общества принимала вид церковной борьбы против реформации и ересей: это — вещь общеизвестная.

Конечно, с католической точки зрения, Виклеф, Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин, Генрих VIII английский, французские гугеноты, нидерландские реформаторы — такие же «еретики», как Томас Мюнцер или Иоанн Лейденский.

Но для нас, марксистов, вовсе не обязательны критерии святейших пап. Мы чувствуем, что между этими двумя рядами явлений есть какая-то разница. И мы ухватим ее, если скажем, что когда к протесту против существующего общественного строя частично примыкали классы, господствующие «сегодня», или присоединялись группы, которым «завтра» предстояло сделать господствующими, и когда на долю этих групп выпадала руководящая роль в движении, то оно приобретало реформаторский характер в точном значении этого слова.

В этом смысле неудавшимися реформаторами надо будет признать не только французских гугенотов, но и южно-французских альбигойцев, хотя обычное словоупотребление называет их «еретиками». Оно имеет за собой известные основания, поскольку там не успели вполне разойтись и дифференцироваться реформаторское и еретическое движения.

Во всех реформаторских движениях феодалам, дворянству принадлежит виднейшая, иногда определяющая роль (Богемия, Германия, Швеция, Англия

XVI в.), так что они представляются расколом внутри господствующих сил средневековья. Так было даже в Нидерландах, хотя буржуазия позднейшей Голландии сумела наложить свой отпечаток на борьбу с Испанией. К тому же буржуазия выдвигалась здесь именно как господствующий класс завтрашнего дня.

Поскольку все реформации представляли «домашний спор» между различными группами светских феодалов и поскольку этот спор мог получить разрешение за счет третьего, за счет духовных феодалов, он был лишен революционной глубины и переломных тенденций. В реформациях, с реформациями и посредством реформаций власть и собственность перераспределялись в пределах имущих классов: между той их частью, которая сильнее была захвачена торговым капиталом, и той их частью, которая еще сохраняла под собою мало расшатанную почву средневекового строя. В реформаторских движениях крупную роль играла буржуазия, но она почти с самого начала соглашательствовала с реформаторами-феодалами и вместе с ними подавляла радикальные течения, еретические в надлежащем значении этого слова.

Кроме перераспределения власти и собственности в пределах имущих классов и соглашательского выдвижения новых кандидатов на участие во власти, оставалось еще для некоторых стран очень существенное — внешнеполитическое значение реформации: освобождение от иностранной силы, от римского папства, а для Нидерландов — в то же время и от Испании.

Напротив, в собственно ересях с самого начала бросается в глаза нечто революционное, глубоко переломное. К ним могут примыкать, и действительно примыкают, отщепенцы из господствующих классов. Но не они дают основную окраску еретическим движениям: лоллардам в Англии, таборитам в Богемии, перекрещенцам в Германии, левеллерам в Англии. В ересях заявляют о себе эксплуатируемые классы перестроившегося средневекового общества, фактически выходящего из средневековой эпохи. Заявляют о себе классы, которым господство не принадлежало «вчера», ни в какой мере не принадлежит «се-

Поповское веселье. Голландская карикатура XVII в. на развращенную жизнь иезуитов и монахов.

годня», не будет принадлежать еще и «завтра». Эти классы пройдут в качестве эксплуатируемых и через всю промышленно-капиталистическую эпоху. Более того: сокрушительное действие переворотов, приносимых торговым, а затем и промышленным капиталом, своими самыми свирепыми ударами обрушится именно на эти классы, еще больше сожмет и сомнет их, бросит на самое дно общества, превратит всю жизнь их представителей в беспросветную и безнадежную каторгу. Их «сегодня», их «настоящий день» забрезжит для них лишь с того времени, как промышленный капитал, вырастая и развиваясь, развертывая вместе с тем свои внутренние непримиримые и неустранимые противоречия, начнет склоняться к неминуемой катастрофе, к окончательному крушению отношений, построенных на эксплуатации.

Смутно, туманно, противоречиво, но тем не менее неизменно в ересьх находит себе выражение протест предпролетариата и крестьянства, подвергающихся не просто феодальной эксплуатации, а феодальной эксплуатации, тысячекратно обостряемой внедрением меновых отношений в деревню. К этим слоям присоединяются партии, отбрасываемые на низы общественной лестницы из ремесла, быстро переделываемого капиталом.

В широких еретических движениях, иногда не сознавая этого с достаточной отчетливостью, эксплуатируемые классы начинают борьбу против всего эксплуататорского мира. Это борьба за власть, безнадежная на данной ступени экономического развития.

Они могут вести борьбу, поскольку между отдельными их элементами устанавливаются настолько широкие связи, что становятся возможными более или менее одновременные массовые выступления.

Совершенно естественно, что против таких ересей с одинаковой яростью выступали и католики и реформаторы, хотя ереси в своем возникновении почти всегда связывались с реформаторскими течениями, как долларды с Виклефом, табориты с Гусом, Мюнцер и перекрестенцы с Лютером, левеллеры с индипендентами.

Еретические и реформаторские движения в период их зарождения, пока они настолько слабы, что им далеко мысль о борьбе за власть, являются сектами.

Точно так же осколки разбитых реформаторских и еретических движений, обессиленные настолько, что они уже не могут помышлять о немедленном подчинении себе общества и государства, одинаково превращаются в секты.

Живя среди отношений эксплуататорского общества, всячески приспособляясь к ним, используя их, секты, обманываемые узостью и замкнутостью своих внутренних отношений, варясь как будто единственно в своем собственном соку, воображают, будто они вышли из-под власти эксплуататорского общества. Им кажется, будто они строят новый мир, который, незаметно вырастая и расширяясь в эволюционном процессе, посредством мирной пропаганды просветляя «умы и сердца», упразднит и вытеснит ненавистный старый мир, построенный на насилии.

Судьба всех таких сект, всех этих осколков революционных еретических движений, разбитых и осужденных на бессилие, одинакова: тесная внутренняя спайка обычно помогала тому, чтобы они служили превосходными питомниками накопления, облегчающегося связями между отдаленными сектантскими общинами и развитой у них взаимопомощью.

6

БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ МАГИЯ

Церковная реформация, революционная борьба еретиков, бессильные секты, — все это, казалось бы, бесконечно далеко увело нас от ведьм и от процессов против них.

В действительности — как-раз наоборот.

На той самой почве, на которой вырастали побежденные реформаторские движения, безуспешный революционный натиск еретиков, а затем, после его крушения, внутренне замкнутые секты, — на той же почве развернулись и процессы против ведьм и самое появление многочисленных ведьм.

Нет никакого сомнения, что среди десятков тысяч, а вернее сотен тысяч ведьм, сожженных на кострах, громадный процент, вероятно, не менее 90%, если не больше, пострадали невинно. Это значит, что только неопикуемые пытки заставили их сознаться в сношениях с дьяволом, с которым они в действительности вовсе не ведались и не хотели ведаться.

Тем не менее, все же остаются тысячи, а быть может, и десятки тысяч несчастных, которые еще до привлечения их инквизицией сами были глубоко убеждены, что они виновны в деяниях, приписываемых им святой инквизицией. Они сами верили, что дьявол посещает их по ночам, вступает с ними в половые сношения, что они летают на шабаш, управляемый ведьмами, колдунами и дьяволами, что они участвуют в поклонении дьяволу, представляющем пародию, иногда точную, «по-сатанински» извращенную копию христианских богослужений, что они силой, данной им от дьявола, наводят на людей порчу, вызывают бурю и град, уничтожают посевы, призывают на поля саранчу и мышей, могут делаться оборотнями, превращаться в кошку, собаку, волка и т. д.¹

Конечно, общим фоном, на котором могли развернуться такие явления, служила величайшая яркость и живучесть средневекового мирозерцания или, говоря прямее, яркость и живучесть религиозного мирозерцания. Вера в силу магии, заклинаний, и теперь далеко не изжитая, тогда еще ни в какой мере не была расшатана скептицизмом. Если, считая по четкам, ежедневно по сорока, по сотне раз читать «Отче наш» или «Ave Maria», — бог не в силах будет отказать в исполнении желаемого. И, во всяком случае, если не читать, хотя бы чисто механически, положенных молитв в установленном порядке, то, верно, не избежать какого-нибудь несчастья. Вера в магию, в принудительную власть строго определенных словесных формул по отношению к божеству, глубоко

¹ В таких случаях, если удавалось ранить волка-оборотня, согласно рассказам, ведьма или колдун возвращались из своих похождений с отрубленной рукой, простреленной ногой и т. д. Совершенно последовательно животные тоже привлекались к суду инквизиции и сжигались на кострах как слуги дьявола.

въелась в верующих. Поэтому они совершенно не замечают, что всякая молитва в установленной церковью редакции, в которой воспрещается переставлять или изменять слова, по существу является магическим, колдовским заклинанием.

Но из предыдущего опять следует, что скорее всего в средние века, а не в новое время, мы должны были бы ожидать расцвета гонений на ведьм и появления многочисленных верующих ведьм.

Мы все еще не нашли объяснения, почему взрыв гонений на ведьм произошел к концу XV в. и новые взрывы относятся к XVI и XVII столетиям.

Человек с живой, нерасшатанной верой должен быть убежден, — и действительно, в свое время был убежден, — что если в строго определенной последовательности произнести и пропеть известные слова, совершить столь же строго определенные движения руками и туловищем (например «крестное знамение», в установленные моменты — коленопреклонение, удары лбом о землю и т. д.), съесть кусочек «освященного» хлеба и выпить ложечку вина («приобщиться тела и крови христовых»), то бог не в силах будет противостоять этому волшебству. Он изгонит бесов из «порченной» («испорченной» какой-нибудь «ведьмой»), пошлет дождь, уничтожит саранчу или мышей (наведенных тоже чарами какой-нибудь «ведьмы» или «колдуна»). Если же ожидаемого результата не получится, то последовательное и по-своему логически выдержанное объяснение готово: или формулы заклинаний не были произнесены с педантической точностью, — что-нибудь было упущено или изменено, — или они произносились без необходимой веры и настойчивости, или, что всего вероятнее, опять впуталась ведьма со своими колдовскими чарами и парализовала действия заклинателя (священника), подчинила его своей власти, привела к нарушению установленного чина заклинаний.

Ни верующие, ни даже мы, неверующие, обычно не замечаем, что всякое богослужение, всякий установленный церковный обряд — сплошная магия, сплошные заклинания. И как-раз эту магию следовало бы называть белой магией.

Но если люди глубоко убеждены в действительности «белой магии», принуждающей «божественные силы» исполнять требования людей, то для религиозного мышления было бы вопиющей непоследовательностью, если бы оно стало отвергать возможность «черной магии», которая позволяет людям, вступив в договор с дьяволом, совершать чудесные действия его властью. Заклинания священника превращают воду в «святую воду», низводят божественную силу в сосуд с вином и хлебом и превращают их в мясо и кровь самого бога, наговоры, называемые молитвами, делают масло освящающим и целебным. Но почему же в таком случае нашептывания колдуньи, ее «страшные» заклинания (ее молитвы дьяволу), ее усвоенные от других «ведьм» телодвижения не могут призвать сатану, превратить мазь в колдовскую, «испортить» молодуху, накликать бурю, иссушить источник? К тому же дьявол — всемогущее существо, которое все еще не без успеха продолжает борьбу с самим богом. И еще неизвестно, когда-то и чем-то кончится эта борьба.

Значит, верующий человек, если он хочет быть последовательным, должен признать, что «черная магия» в такой же мере возможна, как церковная магия, и возможно, мыслимо хотя бы временное торжество черной магии над церковной магией.

Верующие люди и либеральные просветители обычно не видят, что нельзя с состраданием говорить о «средневековых суевериях», выражавшихся в появлении ведьм и в гонениях на них, и в то же время почитательно относиться к вере в бога, к религии вообще. Церковный заклинатель — и средневековый, и современный — стоит на одной плоскости с ведьмой.

Кроме такого общего условия, как живость и непосредственность религиозного мирозерцания, для появления веры в существование ведьм, убежденно вступавших в связи с дьяволом, требовалась еще одна предпосылка столь же общего характера: психическая неуравновешенность, переходящая в крайнюю степень истерии.

Но общие условия XVI—XVII вв. создавали, в особенности в некоторых слоях, очень благоприятную

почву для повальных психических заболеваний. Люди были как бы разом выброшены из той колеи, по которой катилась вся жизнь в течение ряда столетий. Происходила самая крутая ломка всех прадедовских условий. Возможно, что даже промышленная революция не сопровождалась такими разрушительными широкими и глубокими последствиями, как бешеный натиск и головокружительное разворачивание торгового капитала. В данной связи достаточно напомнить хотя бы стремительную, но вместе с тем и затяжную революцию цен, которая переопрокидывала все условия существования европейского человечества. Остроту ее действий превзошла только революция цен, разыгравшаяся на наших глазах. Однако в отличие от переворотов, начавшихся в XVI в., эта новейшая революция и ее действия не представляли и не представляют для людей ничего мистического и загадочного.

Ко второй четверти XVI в. были разбиты последние попытки пролетариата и крестьянства дать отпор ожесточающейся эксплуатации. Реальные отношения и их развитие не давали никакого просвета. Избавление должно притти не в реальном «завтра», а в потустороннем «послезавтра». Это уже само-по-себе разрушало то соответствие внутренних отношений с внешними, психического строя — с объективными условиями, которое составляет существо душевного равновесия.

Свою особую окраску полная психическая неуравновешенность получала от конкретных условий. Экзальтированные монахины, конечно, чаще всего выдали Марию, Иисуса, святых патронов данного монастыря или города, апостолов, жен-мироносиц, Марию Магдалину и т. д. И ни они сами, ни окружающие не сомневались в реальности их видений. Наиболее удачливые из них, наиболее нервно расхлябанные, удостоивались прославления, почитались пророками и пророчицами, ясновидящими, сподобившимися благодати. Об их галлюцинациях и об их бредовых путешествиях в рай благочестиво рассказывали и в этих рассказах видели неопровержимое подтверждение реальности неба и его святых обитателей. Эти развинченные люди объявлялись святыми, составлялись их жития, и эти «жития

святых» давали готовые формы для позднейших нервных и психических вывихов.

Ну, а вот в другой обстановке Иисус, его мать, его ангелы и святые заменялись дьяволами и его слугами, путешествия в рай — полетами на шабаш, исцеления, помощь соседям — наваждением на них болезней и всяческих бедствий. И если сношения с божественными силами принимались за непреложный факт, то каким образом можно было усомниться в существовании людей, продавших свою душу дьяволу и получивших зато часть его громадной силы и власти?

Некоторые экзальтированные «праведницы» объявляли, что Иисус их видений признавал их своими «невестами», а себя — их «женихом». Мы лишь с трудом можем вообразить себе, к каким невероятным извращениям и галлюцинациям должно было приводить систематическое разжигание плоти ее мнимым умерщвлением. Поэтому мы никак не можем придавать невинный характер этой фантастике, которая для описания переживаний и чувств «праведниц» пользуется языком половых отношений.

Но если этот язык применим для отношений между какой-нибудь «праведницей» и Иисусом, ее галлюцинаций, — где же основания отрицать, что у дьявола среди женщин тоже есть свои невесты и жены?

И недаром история ведьм знает случаи, когда в отдельных монастырях все монахини из благоговейных и преданных служительниц бога превращались в служительниц дьявола, в ведьм, начинали летать на шабаш и летали до тех пор, пока святая инквизиция не возводила их на костер и не сжигала их тело для того, чтобы спасти их «душу» от дьявола. Несомненно, эти монахини страдали умопомешательством еще раньше, до своего обращения к дьяволу, во время своего общения с божественными силами. Изменялось только направление, особая окраска массового психоза. К этому сводилось все дело.

То же самое и в мифах о Жанне д'Арк (первая треть XV ст.). Ее экзальтация сначала признавалась священной, а потом ее приписали дьяволу и постарались излечить посредством костра.

Для психиатра, для историка, вообще для науки между христианскими святыми и христианскими ведьмами нет никакой принципиальной разницы. Хочешь и признаешь святых, — признавай и принимай ведьм. Смеешься над колдовскими воздействиями на дьявола, — осмеивай и магические воздействия на бога. Отвергаешь существование дьявола, — отвергай и существование бога.

7

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ «ВЕДОВСТВА»

Однако, хотя подчинение богу и поклонение дьяволу психологически и идеологически представляются нам родственными, в известном смысле тождественными, социально между ними лежит глубокая пропасть.

Ведьмы — несчастные одиночки. Они отбились от церкви эксплуататоров, будет ли то католическая или протестантская церковь. Они массами появляются в эпоху, когда становятся невозможными еретические восстания с некоторою надеждою на успех: господствующие классы уже успели построить централизованный политический механизм, который в самом зародыше подавляет попытки бунта эксплуатируемых. Они не связаны с сектами, которые ухитряются создать уют для себя среди злого и жестокого мира. Они, действительно, горемычные одиночки. В этом — объяснение того трагизма во взгляде, с которым изображают художники старых и молодых ведьм.

Но это — протестующие одиночки. Они по своему мстят этому подлому обществу, в котором они живут. Они ненавидят его со всей силой своих расшатанных нервов, своей постоянной экзальтации, своего необузданного воображения, не контролируемого сдерживающими центрами. Они ненавидят его со всем снедающим жаром бессильной ненависти. Если угодно, это — анархисты-индивидуалисты XVI и XVII веков. Только вместо бомб они действовали против общества эксплуататоров заклинаниями и волшебными мазями:

Орудия пыток св. инквизиции.

Конечно, среди так называемых ведьм и колдунов изредка попадались представители и представительницы феодального сословия (дворянства), а также буржуазии. Но это были совершенно исключительные, единичные фигуры. А затем они, в особенности мужчины, повидимому, были повинны не столько в примитивном чародействе, характеризующем ремесло ведьм, сколько в занятиях алхимией и астрологией, а также «натурфилософией», которые приводили их к всесторонним конфликтам со средневековым мирозерцанием. Судя по отрывочным данным, крупную роль здесь сыграли арабские влияния, значение которых в умственном развитии Европы вообще было бы трудно преувеличить. Многие из этих «чародеев» по справедливости должны были бы занять (отчасти и заняли) место в истории современной науки (химия, физика, механика, астрономия, математика), а не в истории «ведьм» и «ведовства». И процессы против них характерны, действительно, скорее для средних веков, чем для нового времени.

Напротив, бесконечно большее количество собственно ведьм дали низы ремесла, подвергавшегося сначала подтачивающим влияниям, а затем и сокрушительным ударам наступавшего и развертывавшего свои силы торгового капитала, в особенности когда он начал ближе подходить к производству и превращаться в промышленный капитал. По распространенности ведовства с ремеслом могло бы поспорить только крестьянство. Как-раз с началом нового времени, т. е. с усилением торгового капитала, оно подвергается самому жестокому натиску господствующих классов. Последние, опираясь на централизующееся государство, и урезают его землепользование, и совсем сгоняют его с земли, и скручивают крепостнической эксплуатацией, объединяющей в себе гнуснейшие черты феодализма и капитализма, и терзают бичами законодательства о бродягах, и жмут все туже закручиваемым налоговым винтом, и обрушивают на него бедствия почти нескончаемых войн.

«Ведьмы» и «ведовство» — бессильная, низовая, индивидуалистическая, раздробленная, распыленная, атомизированная реакция против торгово-капиталистичес-

кого общества, проявляющего в своих отношениях к эксплуатируемым все более вырастающую, нечеловеческую жестокость.

8

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ВЕДОВСТВА

Как известно, считалось, что у ведьм была своя особая техника и свой ритуал служения дьяволу.

Для того чтобы «полететь на шабаш», недостаточно было произнести заклинания и совершить каббалистические телодвижения. Для этого было необходимо еще натереться колдовскими мазями, а иногда, кроме того, и принять какую-нибудь микстуру.

Существенную часть «колдовских снадобий» составляли одурманивающие вещества, которые оказывают физическое действие на нервно-мозговую систему таким же естественным способом, как, например, спирт, опиум или гашиш.

Но для «ведьм» главными казались, конечно, не эти составные части, которые, как мы теперь знаем, оказывали совершенно естественное действие. Им представлялось, что волшебное действие обеспечивается такими «страшными» примесями, как кровь лягушки или собаки, моча, выжимка из трупа ребенка; в изобретении этих примесей, повидимому, проявлялось индивидуальное творчество каждой.

Но и хорошо, правильно составленные снадобья — это еще не все. Без заклинаний они недействительны.

И здесь мы встречаемся с таким строем мышления, как и в христианских церквях, да и во всех религиях. Церковно-верующие тоже прибегают к физиологическим воздействиям на нервно-мозговую систему: пост, вообще «изнурение плоти», бичевания, «бдения», т. е. продолжительный отказ от сна, уединение, затворничество, воскурения («ладан») и т. д. успешно выводят психику из состояния равновесия. Ко всему этому тоже присоединяются заклинания, именуемые молитвами. Без них физические воздействия, по убеждению верующих, не дадут желанного результата.

И для благочестивых христиан и для отверженных ведьм получился один и тот же результат: галлюцинации, бредовые видения.

Но эти галлюцинации одних уносили на небеса, пред лицо бога, а других — на Брокен или Лысую гору, пред лицо Вельзевула или Асмодея.

Как нельзя более понятно, что церковно-верующий, применяя приемы, предписываемые его церковью, в состоянии нервного расстройства видел в общем то самое, о чем он привык слышать в своих священных писаниях и в «житиях святых»: эти приемы с самого начала настраивали его нервную систему в таком направлении. Да чего проще: его не признали бы праведником, его рассказы не стали бы повторять в монастырях, на него наложили бы строгую епитимию (наказание), если бы он отклонился от того, веровать во что повелела церковь.

Напротив, злосчастная ведьма, воздействуя на себя «колдовскими» снадобьями, с самого начала была убеждена, что они могут привести ее к общению только с «нечистой силой». Поэтому, как только у нее начинала кружиться голова, ей уже казалось, что она вылетела из трубы и мчится на шабаш.

Но откуда взялись все эти способы выводить нервную систему из равновесия?

Не христианство изобрело способы, которыми верующие приводились в состояние духовидения: оно восприняло их от восточных дохристианских религий.

Изнурение плоти, курения, возбуждающие чувственность, театральные эффекты богослужений, самое устройство храмов с их мраком и полумраком и т. д., — все это достигло уже высокой выработанности в многовековой истории дохристианских религий. Христианство могло просто все это усвоить, несколько согласовать и кое-что подработать.

Ведьмы еще менее способны были бы сами изобрести свои снадобья и свои «богомерзкие» действия, составлявшие их ритуал. Не подлежит никакому сомнению, что они могли использовать и широко использовали упорно сохранявшиеся остатки приемов, применявшихся в германских и кельтских (для Рос-

сии — славянских и финно-тюркских) народных религиях, весьма раннего периода.

Рассматриваемые с общей историко-культурной точки зрения, эти физические опоры религиозных настроений и способы доведения людей до экстаза ведут свое начало еще от дикарского периода развития человечества. Более грубые и непосредственные приемы «ведьм» соответствуют более низкой ступени культуры, сравнительно тонкие и по внешности менее материальные христианские способы воздействия на психику представляют просто их дальнейшее развитие. Но промежуточное звено, каковым послужили религии Востока, имевшие за собой многовековую историю, исчезло из памяти. Поэтому долгое время казалось, что между христианскими священнодействиями и чародейством ведьм лежит непроходимая пропасть.

Изучение заклинаний тоже раскрыло бы многочисленные и несомненнейшие отзвуки народных религий, перемешанные с самыми разнообразными, частью неожиданными, мотивами. Сюда просачивалось кое-что и из «герметической науки» алхимиков, и из «древней мудрости халдеев», и из арабских вкладов в астрологию.

Нас несколько не должно удивлять, что под христианством, почти за тысячу лет до того охватившим все западноевропейские страны, все еще скрывались и тлели, по временам вспыхивая яркими огоньками, остатки «языческих» народных религий. Они частью выступали открыто, заявляя о себе в свадебных и погребальных обрядах и песнях, в бурной веселости, в «распущенных» обычаях и жизнерадостности народных праздников. Но еще больше остатков язычества вынуждено было скрываться. Его адептами и жрецами были колдуньи и колдуны, которые по временам шли в лес и там под каким-нибудь дубом делали странные движения, бормотали таинственные заклинания, а затем возвращались с волшебными травами и корнями, лечившими соседей и их скот.

Может быть, отчасти в связи ведовства с народными религиями надо искать объяснения и того факта, что ведьм и колдуний было бесконечно больше, чем ведунов и колдунов. Христианство сложилось в эпоху

когда патриархальная семья одержала полную победу над матриархатом. Поэтому все христианские религии знают только жрецов, но не жриц. Напротив, у варварских народов Европы, когда среди них распространялось христианство, сохранялись еще многочисленные остатки (рудименты) влиятельного положения женщины в родовой группе, и потому женщина еще не была устранена от совершения культа. Напротив, в некоторых случаях ей принадлежала здесь виднейшая роль. А вот христианских святых-мужчин во много раз больше, чем женщин. Уже из этого следует, насколько несостоятельно объяснение распространенности ведьм относительной неустойчивостью нервной системы у женщин.

Насколько живучи народные религии и в каких неожиданных формах они могут проявляться, — с этим приходилось сталкиваться в дореволюционной России до самого недавнего времени. Вогулы, вотяки, черемисы, зыряне, принудительно приписанные к православию и поставленные под надзор попа, скрываясь в своих лесах от попов и другого начальства, продолжали жить «языческой» религиозной жизнью, и только она была для них действительной, внутренней свободой, а не внешней, вынужденной, притворной, религиозной жизнью. А затем взять «опахивания» деревень в случае эпидемии и падежа скота, фантастические процессии старух с распущенными волосами, сопровождаемые толпой, бьющей в сковородки, печные выюшки и заслонки, — что же это такое, как не отрывка «языческой» старины? А ведь все это бывало еще четверть века назад и притом в деревнях с преобладающе русским населением.

У «ведьм» осколки и отзвуки дохристианских народных религий неизбежно приобретали искаженный и уродливый характер. Ведьмы рождались и вырастали в христианских странах, в свое время благоговейно ходили в церковь и исполняли все христианские обряды. Христианство уже получило большую власть над ними. Просто отвергнуть его и поклоняться старым богам, — если бы таковых они еще знали, — ведьмы были не в силах. Но они совершали явный для них самих отрыв от христианства и переходили к служению каким-то

другим, не церковным, таинственным силам. Они не могли дать никакого иного истолкования этому отрыву, кроме христианского истолкования: оторвавшись от бога, они отдались во власть дьявола.

Что касается «шабашей», на которые летали ведьмы в своих галлюцинациях, то они, как уже упомянуто, представляли самую «богохульственную» карикатуру на христианские обряды и таинства. Взять хотя бы причащение мочою, кровью собаки и месячными отделениями женщин.

В этом выразился страстный протест, истерически исступленный вызов бессильных одиночек ненавистному обществу и религии этого общества. Это — незримые бомбы, в швырянии которых находила себе выход клокочущая злоба задавленных и забитых людей.

С этими анархистами XVI и XVII вв. господствующие классы расправлялись с такой же беспощадностью, как капиталистическое государство конца XIX столетия с новейшими анархистами. И надо сказать, боялись их едва ли меньше, чем современных бомбистов. Петр I в своих развлечениях и попойках вольнодумно поднимался до предельных высот богохульства. Но и он приходил в страх при мысли о наговорах и колдовстве. В этом отношении он — родня просвещенных и вольнодумных пап XV в., которые щеголяли своей приверженностью к античным религиям и своим пренебрежением к некультурному и грубоватому христианству, но разом бледнели, когда слышали о колдовских действиях. Эти люди чувствовали, какая бездна ненависти и злобы — не осознанной, но от этого не менее страшной — накопилась в душе злосчастных «ведьм».

9

НАУКА УНИЧТОЖАЕТ ВЕДОВСТВО

С приближением эпохи промышленного капитала процессы против «ведьм» и «чародеев» идут на убыль, а с его развитием и совсем отмирают.

Производственные процессы все более отрешаются от прадедовской рутины, производственное умение перестает быть мистерией, посвящение в «тайны ремесла», если оно еще и сохраняется, превращается в пустую обрядность, лишенную всякого серьезного значения. Наука все более работает по прямым заданиям техники: механика делает большие успехи, стремясь к созданию более совершенного мотора, чем лошадь, водяная или ветряная мельница; физика раскрывает законы расширения газов, задавшись целью усовершенствовать первые паровые машины, громоздкие, расточительно поедающие топливо и при всем том относительно слабые.

Даже земледелие в XVIII в. делает значительный сдвиг от истощающего почву слепого следования прадедовской традиции. Правда, при неразвитости химии тогдашняя агрономия не могла дать научного объяснения своих многообещающих начинаний. Тем не менее она, все шире применяя рациональный многопольный севооборот, ощупью уже подходила к правильному пониманию тех катастрофических колебаний урожайности, которые были неразрывно связаны с господством рутинных методов в земледелии и служили одной из опор веры в постоянное вторжение божеских и дьявольских сил в жизнь человеческую.

В связи с таким изменением техники, в связи с первыми шагами ее рационализации алхимик и метафизик в деле познания природы сменяются научными исследователями, химиком и физиком.

Исследователь с самого начала приступает к своей задаче, исходя из того основного принципа, сделавшегося обязательным для всей области науки, что в мире нет тайн, а есть проблемы, которые раскрываются научными методами, а не какими-то там заклинаниями. Этот принцип становится основой нового научного миропонимания, для которого все в мире совершается закономерно, без мнимого участия и вмешательства каких-то сверхъестественных сил, считают ли они добрыми или злыми.

Таким образом рушится вера в сверхъестественные силы вообще, а вместе с тем и вера в чародейство и ведьм и в силу их заклинаний. И рушится она прежде

всего в так называемом «просвещенном обществе», т. е. среди эксплуататорских, господствующих классов, направлявших гонения на всяких отступников от официальной религии.

Те народные массы, в первую очередь деревенские, которые все еще верят в колдовство и прибегают к нему, превращаются для эксплуататоров в «темный народ», в «невежественную толпу», заслуживающую выскомерного сострадания, но отнюдь не свирепых преследований.

С другой стороны, к XVIII в., к начальной эпохе промышленного капитала, средства экономического и внеэкономического подчинения эксплуатируемых выросли и развились в неведомой до того времени степени. Капитал уже начинал чувствовать, частью и сознавать себя фактическим хозяином жизни. Первоначальное накопление уже выполнило громадную долю работы: отняло у масс все необходимые условия самостоятельного экономического бытия, разбило крестьян и рабочих на мелкую людскую пыль, лишило всякой возможности существовать вне подчинения капиталу. А тут еще на помощь последнему пришло крепнущее и все более централизующееся государство с богатым инвентарем законодательства о бродягах, неприкрыто суровых классовых судов, каторжных тюрем и работных домов. Буржуа, как и помещик, в употреблении своей силы мог только посмеиваться над заклинаниями и над мрачными взглядами и над всеми колдовскими средствами ведьм. Вместо того чтобы сжигать, их начинают лечить.

В своем первом революционном размахе и наскоке идеологи буржуазного общества приходили к отрицанию сверхъестественных сил вообще. Но буржуазный инстинкт оставлял на всякий случай лазейку, в которую впоследствии опять можно было бы протаскивать бога, а следом за тем и какую-нибудь положительную религию. Этой лазейкой был деизм (вера в «высшее существо», в «верховный разум, направляющий мир или «установивший законы»), в ряде переходных ступеней сливающийся с идеалистической философией.

Как для деизма, так и для церковных религий — для еретиков и для сектантов — их собственные во-

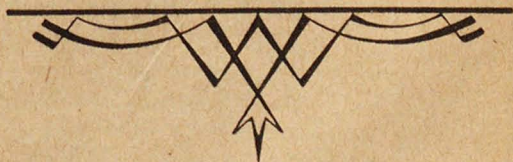
зрения превратились в «веру», а воззрения и действия колдунов — в «суеверия».

Они закрывают глаза на тот неприятный для них факт, что всякая вера, пока она сильна и пока претендует на исчерпывающее объяснение мира, держится на двух ногах: на вере в бога и вере в дьявола. Для полной и по-своему внутренне законченной веры добрый бог, направляющий игру ко благу человечества, необходим в такой же мере, как и дьявол, парализующий божественную деятельность. Вера в дьявола — основа веры в полезность священника. Если бы не страх ада и сатанинских козней, никогда не обращались бы к его помощи. И ведьмы, летающие на шабаш, для целостного религиозного мировоззрения необходимы не меньше, чем святые, восходящие на небеса.

«Суеверие» не есть нечто противоположное вере. Это — элемент, механически отсеченный от некогда живой целостной веры в существование и постоянную деятельность сверхъестественных сил.

«Вера» не есть нечто противоположное «суеверию». Это — та нога, которую господствующие классы все еще хотят сохранить под религией из-за удобств управления эксплуатируемыми, хотя она такая же изувеченная и изуродованная, залепленная пластырями, закрученная бинтами, поддерживаемая всяческими костылями, как выбитая из-под религии нога «суеверий».

1-е издание вышло в 1925 г.

II

НОВОЕ ПОСЛАНИЕ

ПЕРВОСВЯЩЕННИКА

ТИХОНА

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

*

РЕЛИГИЯ

И

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

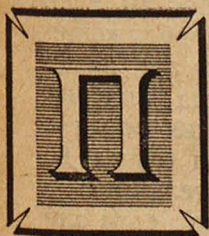
*

МЫСЛИ

О РЕЛИГИИ

*

НОВОЕ ПОСЛАНИЕ ПЕРВОСВЯЩЕННИКА ТИХОНА

ЕРВОСВЯЩЕННИК Тихон выступил с новым посланием. От того, которым он разразился месяц назад, оно отличается даже по внешнему виду.

Тогда он именовался «божиею милостью патриарх Московский и всея Руси». Эти слова многим напоминали, что мы ссадили с одного трона одного «божией милостью самодержца всероссийского», но зато на другой трон незаметно взбирается другой самодержец. Должно быть, господа, его окружающие, сами почувствовали, что торопиться не следует. Теперь первосвященник Тихон именуется себя «волей божией патриархом Московским и всея Руси». Пустые,

чисто словесные перемены, но всё же выходит помягче.

В новом послании нет тех ругательств и проклятий, которыми было переполнено первое послание. Оно и понятно. Тогда первосвященник и его рать не столько кропилом и кадильницей, сколько зубами и когтями защищали церковную и монастырскую собственность, которая позволила им превратиться в князей церкви, окруженных роскошью, не уступающей светским князьям. Теперь дело идет о другом, — о Брест-Литовских переговорах и об их завершении. И, если бы дело окончилось даже так, как предположено в последние дни, где же найти здесь первосвященнику Тихону слово негодования? Он оказывается в двойственном положении. С одной стороны, звание первосвященника всероссийского обязывает заботиться о целостности и нераздельности всей России. А с другой стороны, более сильный голос крупного собственника говорит, что Вильгельм несет избавление крупной собственности князей церкви и светских князей, — всех этих Тихонов, Трубецких, Вениаминов, Олсуфьевых, Платонов, Родзянко и т. д., в лице Вильгельма белая гвардия Германии идет на подмогу разбитой белой гвардии Эстляндии, Лифляндии, Финляндии, Москвы и всея Руси.

Как продолжатель славных преданий Москвы и ее церкви, Тихон не испытывает тревоги от приближения германских войск. Если более полутысячи лет назад православная московская церковь возносила моления о татарских ханах, при которых ее владения росли с величайшею быстротой, то почему же при случае не возносить моления за Фридрихов и Вильгельмов?

Да и почему не возносить молений за них, если они прямо идут на подмогу церковной и светской крупной собственности?

Первосвященник Тихон знает, что Вильгельма зовут прибалтийские бароны, украинские сахарозаводчики, всероссийские белогвардейцы, капиталисты и помещики. Но для этих изменников и предателей у него нет пламенного негодования: не о родине, предаваемой крупными собственниками, не о рабочих и крестьянах, на которых они зовут палачей, скорбит его христиан-

ское сердце, а об этих самых изменниках и предателях. Он так-таки прямо и пишет:

«Исстрадавшиеся сыны родины нашей готовы даже малодушно кинуться в объятия врагов ее, дабы искать среди них и под их властью успокоения жизни общественной, прекращения ее ужасов».

Когда сыны нашей родины, рабочие и крестьяне, страдавшие под вековым гнетом эксплуататоров, разогнули свою спину и сказали, что они хотят положить конец ужасу своего экономического и общественного положения, — первосвященник Тихон громогласно возгласил: отлучаю вас от таинств и предаю проклятию в жизни настоящей и будущей¹. Ни слова упрека не нашлось у него для тех капиталистов и помещиков, для тех князей церкви и монастырей, которые отбирали у крестьян и рабочих плоды их труда и обрекали их на вечную нищету, беспросветное невежество, одичание, вырождение, — ни слова упрека богатому, возлежащему за своей роскошной трапезой, и озлобленный окрик для бедняка Лазаря, который не захотел больше пресмыкаться перед богатыми.

В новом послании первосвященник Тихон укоряет, но не предателей, объединяющихся с палачами рабоче-крестьянской России, а ту власть, которая будто бы «довела русских людей до такого отчаяния».

Однако первосвященник Тихон слишком хорошо знает, что теперешняя власть России творит волю крестьян и рабочих.

Первосвященник Тихон обращается с увещанием к рабочим и крестьянам:

«Первое всего — прекратите взаимные распри и междоусобную брань».

Достигнуть же этого очень просто:

«Оставивши злобу и вражду взаимную, возлюбите каждый ближнего своего: богатые кормите и одевайте нищих, бедные и убогие, не злобствуйте на имущих достаток, не ожесточайте сердец ваших, не кляните жребия своего и довольны будьте оброки вашими».

¹ Слова из текста проклятия (анафемы) большевикам, провозглашенного Тихоном 19 января 1918 г.

Всероссийский церковный собор съехался слишком поздно и слишком поздно избрал первосвященника. Иначе первосвященник Тихон еще и в марте прошлого года предал бы проклятию почти все население России за то, что оно сбросило власть Николая Романова.

Первосвященник богатых, богатыми поставленный во главе церкви, открыто описывает тот общественный строй, который снискал бы его благословения. Пусть бедные и убогие, рабочие и крестьяне не клянут своего жребия, пусть они безропотно несут оброки, которые налагают на них капиталисты, помещики, первосвященники и епископы, пусть смиренно спасают себя «для жизни будущей» бедностью и убожеством в жизни настоящей и предоставят богатым спасти себя крохами, падающими с их стола бедному Лазарю: тогда умолкнет междоусобная брань, тогда крупные собственники не будут призывать на Россию полчищ Вильгельма, тогда на земле водворится царство первосвященника Тихона.

На этот раз он выступает с большой откровенностью. Отбросив все прикрасы, он заявляет, что его цель — сохранение ныне и присно и во веки-веков такого общественного строя, при котором наверху богачи утопают в роскоши, а внизу беднота лежит, задавленная, измученная, «и псы лижут язвы ее». И первосвященник Тихон хочет убить у бедноты всякое мышление о том, что общество может быть устроено по-другому.

К утешительным надеждам располагает первосвященника Тихона нашествие германских белогвардейцев. Он говорит:

«Пусть даже враг сильнейший и пленит на время ваши города и селения, вы примите сие, как выражение гнева божия, на вас низведенного волею провидения за прошлое, и в глубоком чувстве искреннего покаяния почерпнете силу для своего духовного возрождения».

Первосвященник Тихон так связал себя с крупными собственниками, что в защите их интересов не останавливается ни перед чем. Призывами прибалтийских баронов, финляндских белогвардейцев, украинских панов и сахарозаводчиков, всероссийского капитала движет-

ся на нас карательная экспедиция. А первосвященник говорит, что ее ведет рука провидения. Еще немного, и он скажет, что грешно противиться этой силе, ибо это значило бы противиться воле самого бога.

Первосвященник Тихон вместе со всеми крупными собственниками уже предается сладостной надежде,

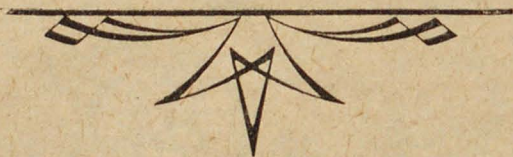
Патриарх Тихон благословляет женский ударный батальон, созданный правительством Керенского в июне 1917 г. для борьбы с революцией.

как германские палачи призовут крестьян и рабочих к покаянию и как виселицами и расстрелами они приведут нашу страну к «возрождению», «возможному только под сению святой церкви православной, под мощной защитой оружия веры христовой».

Наше время вернется! — торжествующе говорит Тихон. Он мечтает о том, как Вильгельм заставит крестьян и рабочих возвратиться под прежнее ярмо и притворяться, будто они довольны «оброками» и будто они сделались такими, как того хочется Тихону.

Мы приветствуем новое послание первосвященника Тихона. Еще несколько таких грамот, — и мы, пожалуй, просто начнем перепечатывать их в своих газетах. Они быстро откроют глаза тем, кто до сих пор ходил в темноте.

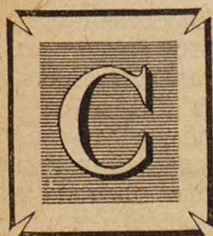
*«Социал-демократ» № 37
от 2 марта (17 февраля) 1918 г.*

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

I

ОБЫТИЯ на Украине уже показали, что означает великая сдержанность, обнаруженная первосвященником Тихоном в февральском послании. В этом послании он говорит о германцах и скорбит об «исстрадавшихся сынах родины нашей», «готовых даже малодушно кинуться в объятия врагов ее, дабы искать среди них и под их властью успокоения жизни общественной, прекращения ее ужасов».

Украинские события показали, что предвещает эта скорбь и эта сдержанность.

«Ужасы жизни общественной» — это для первосвященника Тихона такое положение, когда рабочий класс и крестьянство начинают строить новую жизнь. Ужас охватывает крупнейшего помещика и капиталиста Тихона, когда рабочий класс и крестьянство приходят к сознанию, что они — истинные строители жизни, что все создано потом и кровью многочисленных поколений крестьян и рабочих. Жутко становится крупнейшему капиталисту и помещику Тихону, когда рабочий класс и крестьянство уничтожают права крупной собственности и провозглашают, что право труда — единственная основа новой общественной жизни.

Только проклятия и «прощения» имеются у первосвященника Тихона для крестьян и рабочих.

Напротив, великим состраданием преисполнено сердце первосвященника Тихона к тем тунеядцам, к тем крупным собственникам, которые веками ездили на народном горбе. Вместе с ними он мечтает «об успокоении жизни общественной»: о том времени, когда собственники восстановят свое прежнее царство, согнут крестьян и рабочих в бараний рог, отберут у крестьян почти все земли, обрабатываемые их трудом, оставят их при голодных наделах и принудят их и рабочих продавать свою рабочую силу помещикам и фабрикантам по голодным ценам.

И пусть для умирения восставших крестьян и рабочих воздвигнутся виселицы и начнутся расстрелы: первосвященник Тихон благословит палачей именем Иисуса.

Первосвященник Тихон скажет, что все это надо смиренно терпеть, ибо это — ниспослание божие за грехи крестьян и рабочих, за то, что они роптали на свой жребий. А вот ропот первосвященников и других паразитов, всех этих «исстрадавшихся сынов родины нашей», это — не грех в глазах исстрадавшегося по старой жизни первосвященника.

Когда израильяне просили пророка Самуила, чтобы он поставил над ними царя, Самуил сказал им: «вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит

их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его и жали хлеб его и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим; и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами; и восстонете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе, и не будет господь отвечать вам тогда» («Первая книга царств», гл. VIII, ст. 11—18).

Наши первосвященники привыкли бегать пред колесницами царскими; все они были теми слугами и евреями, которым цари отдавали и поля, и виноградные и масличные сады лучшие, отобранные у народа.

И все они мечтают о возвращении тех времен, когда опять будут бегать пред колесницами царскими и получать за то десятую долю и от посевов, и из виноградных садов, которые вместе с тысяченачальниками и пятидесятниками начнут отбирать у народа. И не только мечтают, но и работают для того, чтобы эти времена скорей возвратились и торопятся благословлять тех, кому удастся сделать крупный шаг в таком направлении.

Все это уже успело показать украинское духовенство, плоть от плоти и кость от кости всероссийского духовенства.

II

Киево-печерская лавра, первоначальная опора русского духовенства, исстари, с самого возникновения, превратилась в громадное торговое и ростовщическое учреждение. Святые отцы умело применяли крупные капиталы, которые составлялись из копеек измученной бедноты и из больших вкладов богатых людей. Эти вклады завещали перед смертью князья и бояре «на помин души», рассчитывая, что, поделившись награв-

ленным с богом, они получают пропуск в царство небесное. Монастырь сделался монополистом по некоторым торговым статьям. Например, бывали времена, когда князя только ему и предоставляли право продавать соль. И монастырь назначал за товары такие мародерские цены, что уже около 900 лет назад изголодавшийся народ Киева взбунтовался против этого торгового спекулянта. Только князь с вооруженной силой подавил это восстание.

Святые отцы отдавали принесенные к ним деньги в ссуду и крестьянам, и князьям, и боярам и брали за ссуды лихвенные проценты. При помощи этих ссуд они закабалили крестьян, превращали их в своих крепостных и из плодов их труда оставляли им столько, чтобы они не умерли с голоду. Чем больше разорялось крестьянство, чем чаще ему приходилось прибегать к ссудам, тем быстрее богател монастырь, тем больше утучнялись монахи. В случае неустойки они прибирали к своим рукам боярские усадьбы и земли вместе с крестьянами. Они, подобно светским помещикам, торговали людьми; но не столько продавали, сколько покупали крестьян. И покупали не для того, чтобы, купив их, дать им свободу, а для того, чтобы умножить свои богатства, увеличивая оброки и барщины задавленного крестьянства. Своим священным писанием они пользовались для того, чтобы оправдать существование рабства. Они говорили, что тот, кто идет против рабства и возмущается против светских и духовных помещиков, идет против самого бога. Они уже много сотен лет назад получили от народа название «сребролюбцев ненасытных» (то же и в народных былинах: «глаза поповски завидушие, поповски руки загребушие»).

Огромные земельные владения, множество доходных домов, неисчислимы капиталы получены теперешними первосвященниками от многовекового грабительства. Но уже летом прошлого года сделалось ясно, что жизни этих трутней приходит конец: рабочие пчелы сказали, что не дадут им больше меда, что впредь начнут собирать этот мед для себя. Крестьяне начали возвращать себе земли, отнятые монахами у их предков, закабаленных монахами.

Украинское духовенство в 1917 г. еще принимало участие в так называемом всероссийском церковном соборе, т. е. на съезде первосвященников, капиталистов, помещиков, их слуг и лакеев. Украинское духовенство присоединилось к тому посланию, которое грозило крестьянству адскими муками за отобрание земель, награбленных церквами и монастырями.

Большевистский переворот на Украине возвестил конец царству собственников. Уничтожено было то сопротивление, которое правительство Керенского и родственной ему украинской рады оказывало требованиям крестьянства. И еще новый удар нанесла рабоче-крестьянская власть «сребролюбцам ненасытным». Она аннулировала все государственные займы, т. е. навсегда прекратила всякие платежи по этим займам.

Продолжатели старинных ростовщиков, первосвященники превращали огромные монастырские капиталы в бумаги государственных займов. Чем труднее приходилось народу, чем большие бедствия обрушивались на него, тем выше проценты обещало и платило государство по этим займам. И чтобы уплачивать эти проценты, государство усиленно выколачивало из народа последние средства. Святые отцы не принимали участия в выколачивании. О, нет: они только богобоязненно стригли купоны и смиренно приносили их в казначейство для оплаты деньгами.

Аннулирував, уничтожив займы, крестьяне и рабочие через свою, через советскую власть положили конец таким ростовщическим доходам от бедствий народных.

И за то, что они положили конец этим доходам, и за то, что советская власть помогала крестьянству в возврате земель, первосвященник Тихон предал эту власть проклятию, а украинские Анны и Каиафы прочитали его послание в храмах Украины.

III

В марте, под охраной германских штыков, возвратилась в Украину старая рада. Она спасла дело собственников таким способом, что оттягивала решение всех крестьянских и рабочих вопросов пустыми слова-

ми. Капиталисты и помещики, а вместе с ними и «исстрадавшиеся» первосвященники уже тогда бросились в объятия германцев. У них не нашлось ни слова обвинения против предательской рады, которая привела германцев для расправы над рабочими и крестьянами.

Пришел конец апреля. В Киеве съехались крупнейшие помещики и капиталисты Украины, назвали себя «хлеборобами», т. е. будто бы земледельцами Украины, и избрали генерала Скоропадского, одного из своей среды, «державным гетманом Украины». Предыдущие недели породили в них надежду, что с помощью германских войск они могут произвести полный переворот и восстановить прежнюю власть над народом. Немцы в свою очередь рассчитывали, что крупные собственники в благодарность за восстановление их собственности помогут ограбить Украину и отнять у крестьян миллионы пудов хлеба для изголодавшейся Германии.

Господа «хлеборобы» вступили в заговор и наперед обо всем тайно договорились с германскими властями. В конце мая генерал Эйхгорн, главнокомандующий германских войск на Украине, разогнал и частью арестовал членов той рады, которая призвала его против украинского народа. Он объявил, что отныне вся власть на Украине передается генералу Скоропадскому. А генерал Скоропадский в тот же день издал приказ, который отменял все законы, изданные не только рабоче-крестьянской властью, но и правительством Керенского. Разом уничтожались все завоевания, сделанные крестьянами и рабочими в двух революциях. Господам, стригущим купоны, опять возвращались все их доходы. В приказах Скоропадского особо было указано, что все земли отнимаются у крестьян и передаются прежним крупным собственникам. А дополнительные германские приказы, под угрозой тяжелых кар, требуют от крестьян, чтобы они обрабатывали земли на помещиков. Земельные комитеты, которые улаживали земельные дела в интересах крестьянства, были распущены и частью арестованы. Выработана и тогда же опубликована «временная» конституция, которая дает Скоропадскому такое же положение, какое принадлежало Николаю Романову перед Февральской

революцией прошлого года, отчасти даже перед революцией 1905 года.

Октябристы и кадеты, эти защитники интересов крупного землевладения и капитала, представители крупнейших сахарозаводчиков, помещиков и банкиров, немедленно одобрили переворот, произведенный германцами, и вошли членами в министерство, составленное Скоропадским.

Чего теперь захотели все эти господа, лучше всего показывает их отношение к членам семьи Николая Романова. Еще в феврале—марте прошлого года народ возвратил себе все награбленное Романовыми достояние, взял у них дворцы, лишил титулов.

Генерал Скоропадский поторопился побежать перед колесницами царскими. Тем Романовым, которые во время переворота жили в Киеве, он оказал царские почести, стал именовать их величествами и высочествами и попрежнему поселил во дворцах.

IV

Первосвященники Украины, которые, подобно первосвященникам Иудей, любят возлежания на пиршествах богачей, немедленно благословили этот переворот, произведенный богачами против бедняка Лазаря, против крестьян и рабочих Украины. Вавилонская блудница — церковь в тот же день облачилась в золотые одежды и митры, изукрашенные драгоценными камнями, плату за ее блуд, за ее торговлю «словом божием» и таинствами, за ее постоянное пресмыкательство перед собственниками, за ее неразрывный союз с ними. И в тот же день первосвященники и вся поповская рать в храмах и на площадях возносили богу благодарственные молебствия за совершенный переворот и благословляли его именем правительство капиталистов и помещиков.

Для правительства крестьян и рабочих у церкви — только проклятия. Для правительства капиталистов и помещиков, для правительства попов она, предпринимательница, помещица и ростовщица, знает только благословения.

Быстро начало правительство Скоропадского, опираясь на военную силу немецких империалистов, отбирать у народа «поля, и виноградные и масличные сады лучшие» и отдавать все это тем, кто возвел его к власти.

И начало оно принуждать крестьян к возделыванию и к уборке полей, которые генерал Скоропадский и другие помещики опять назвали своими полями, и от посевов и от садов стало брать не десятую долю, а половину и больше, и все это приказало вывозить к своим союзникам-германцам, и в несколько недель довело Украину до голода.

Но украинский народ уже не тот евангельский бедняк Лазарь, который лежит в пыли перед пиршественным столом богачей, их слуг, их евнухов и первосвященников. Он уже не взирает на них умоляющими глазами. На переворот, произведенный богатыми, крестьянство Украины ответило восстанием.

Правительство Скоропадского вместе с германскими и австрийскими генералами ответило рассылкой отрядов, которые беспощадными расправами хотят опять заставить Лазаря лежать и ползать перед богачами. Вся Украина охвачена истребительной войной. Десятками и сотнями расстреливаются крестьяне. При треске пулеметов и грохоте орудий отбираются у них земли и хлеб. Целые селения предаются разрушению и сожжению орудийным огнем.

Украинские первосвященники глухи и слепы к этим ужасам жизни общественной; этими ужасами восстанавливается их собственная капиталистическая и помещичья власть. Нет у них ободряющих слов, нет у них благословения для миллионов крестьян, которые восстали против германских оккупантов. Подобно первосвященнику Тихону, они призывают крестьянство принять германское нашествие, как выражение гнева божия, и покорно склонить перед ним свою шею.

Державного гетмана Скоропадского и его правительство, которые навели на Украину эти полчища, они поминают в своих молитвах, они призывают на них благословение своего бога, они служат молебствия за этих украинских палачей. Они требуют от народа смиренного подчинения этой власти, ибо она — не от на-

рода, а «от их бога», от бога, которого создали богачи, чтобы вернее и крепче закабалить народные массы.

V

Первосвященник Тихон не предаст отлучению украинское духовенство, не скажет ему, что его место — со страдальцем-народом, а не с льющими кровь этого народа богачами. Где же ему это сказать, когда он сам предает проклятию крестьян и рабочих, сбрасывающих рабские цепи, и скорбит о богачах, которые теряют рабов? Где же ему сказать это, когда и для своих богатств, и для богатств всех первосвященников и монахов, капиталистов и помещиков он помышляет о таком же спасении, как на Украине?

Он, называющий себя «патриархом всей России», своим молчанием оправдывает убийства, творящиеся теперь на Украине, — так же как будет поощрять их своим благословением, если какой-нибудь генерал, опираясь на иноземную помощь, возвратит крупным собственникам власть и в великорусских губерниях.

Для вас, первосвященники, религия нужна только затем, чтобы проще было удерживать народ в рабской покорности. Значит, для защиты вас и праздного существования вашего и всех богачей нужна вам религия. Но все вы, в особенности теперь, прикидываетесь верующими, чтобы не ввести народ в соблазн.

Мы переживаем великое время. Овцы исторгают себя из челюстей всех пастырей, всех первосвященников. Уходит то время, когда овцы были пищею тех, кто назвал себя пастырями и первосвященниками.

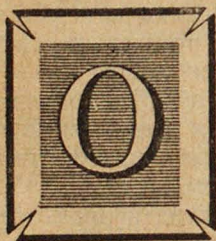
Как же первосвященникам не проклинать овец, которые вырываются из их челюстей?

Из 1-го издания брошюры «Духовенство, его доходы, его проклятия и благословения». Начало 1918 г.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

I

ОБЫВАТЕЛИ, которым начинает казаться, будто они приходят к пониманию социализма и коммунизма, сильно скорбят над «близорукостью» коммунистов. Коммунисты открыто заявляют, что у них нет религии.

Пусть бы они были безрелигиозны только про себя и для себя. Давно уже, лет 400 назад, а в Италии много раньше, когда стало развиваться умирающее теперь буржуазное общество, передовые борцы этого общества, начав войной против католицизма, кончали отрицанием христианства, а затем и всякой религии. Они приходили к правильному убеждению, что понятие

«бог» ни к чему для человеческого ума и человеческого мышления. Раз человек не знает, например, отчего происходит гроза, он остается при таком же незнании, если скажет, что грозу производит бог. Одно неведомое, неизвестное он подменит другим неизвестным же, неведомым. И хуже того: вместо того, чтобы сказать, что это еще не познано им, он скажет, что это — непознаваемо вообще.

Таким образом, в то время, когда буржуазия еще вела борьбу против феодального сословия, ее философы и ученые приходили к неверию. Но буржуазия уже предчувствовала наступление тех времен, когда она сделается господствующим классом. Раньше эксплуатируемых держало в покорности феодальное государство. Впоследствии смирять их придется буржуазному государству. Церковь оказывала огромные услуги феодальному сословию в деле укрощения масс. Проповедью и школой, угрозами загробных мучений и загробных наград, всем своим учением и назиданием она заставляла массы терпеть и примиряться с нищетой, гнетом, эксплуатацией, беспощадной жестокостью и алчностью эксплуататоров; она внушала, что все это ниспослано и установлено самим богом.

Сумеет ли нарождающееся буржуазное общество обойтись без такой узды для масс? Можно ли держать их в покорности только открытым и прямым принуждением? Не следует ли стремиться к тому, чтобы ограбленные и согнанные с земли крестьяне, превращенные в живой товар крепостные и обдираемые капиталистами ремесленники, кустари и фабрично-заводские рабочие видели в своем положении жребий, уготованный им от создания мира? Не следует ли сохранить им невинную утеху загробных блаженств за безропотное подчинение неистовствам угнетателей?

И вот буржуазные философы и ученые даже в тот период, когда они с величайшей революционностью выступали против феодального общества, начали налагать на себя некоторую сдержанность в одном отношении. Они говорили: «Бога необходимо сохранить для простого народа». И, желая сохранить его для простого народа, т. е. для эксплуатируемых, они начинали думать, что, пожалуй, не мешает и себя заста-

вить верить в существование бога. Они уже говорили: «Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать». И надо выдумать его одновременно и в качестве пугала и в качестве обнадеживающего маяка для измученной и угнетенной бедноты.

Буржуазия пришла к власти. Разными способами достигла она торжества: где постепенными сделками и соглашениями с феодальным сословием, а где и революционным его низвержением. Не сама она ниспровергла феодальное сословие: к революции ее толкали другие, более радикальные и решительные слои населения. Разделавшись со своими радикальными союзниками по борьбе с феодальным обществом, обезоружив их, буржуазия после революционного взрыва кончала сделкой по крайней мере с одним из устоев феодального общества: с церковью.

Без бога слишком трудно управлять народными массами; прозрев, что в эксплуататорских отношениях нет ничего predetermined, predetermined, нет никакой таинственной воли и власти, а есть только чисто человеческая эксплуататорская воля и власть, народные массы начинают роптать, осмысливать свое положение, а затем и бороться против господствующих классов. Да, для простого народа необходимо сохранить религию! Да, бога следовало бы выдумать, если бы массы перестали верить в его существование! Следовало бы выдумать бога и заставить массы поверить в его существование. И во всяком случае необходимо принять самые решительные меры с той целью, чтобы задавить все сомнения в существовании этого карающего и награждающего неизвестного владыки всего мира.

Конечно, буржуазия, ее ученые и философы даже от самих себя отгоняют ту мысль, что они охраняют религиозность народа только для своего собственного удобства, только в своих паразитических и угнетательских интересах. Они представляют дело таким образом, будто существующее общество, управляемое и направляемое эксплуататорами, есть единственно возможное человеческое общество, будто с его разрушением уничтожится всякое человеческое общество, распадутся всякие связи между людьми и они превра-

тятся в стадо диких зверей. Исчезнет всякая внутренняя узда, человек превратится в бесшабашного индивидуалиста, станет заботиться только о себе, о своей собственной сытости и удобствах. Человек будет волком для человека, и в неудержимом разгуле животных страстей рассыплется человеческое общежитие, и люди превратятся в дикарей, если не прямо в хищных животных.

Настроив себя таким образом, буржуа, их философы и ученые начинают вдумываться и вникать в свое собственное поведение. Беспощадный и жадный волк в своих отношениях к рабочему классу, во всем, что касается барышей, буржуа открывает, что существующее общество сделалось бы невозможным, если бы он совсем распоясался и дал полную волю своей жадности. Господство буржуа укрепляется и упрочивается от того, что у него иногда бывают порывы милосердия: он идет в церковь и раздает пяточки нищим, он строит больницу для рабочих, претерпевших увечья и растративших все свои силы на службе капиталу, некоторым он дает пенсии, открывает и опекает школы.

Он умиляется перед своими благотворениями. И, вдумываясь в их источник, совершенно забывает, что капиталистическое общество не могло бы существовать, если бы капиталистический класс не замазывал наиболее зияющих ран, причиняемых этим обществом. Растрогавшись, расчувствовавшись, умилившись перед тем, будто бы он — не только волк, но и добрый человек, благодетель, буржуа приходит к выводу, что в глубинах его души живет неискоренимая «идея бога», которой не может вытравить и заглушить всепоглощающая страсть накопления. И, подчиняясь велениям этого неощутимо живущего в нем бога, он давал пятаки, он делился своим имуществом с бедными.

Чем дальше идет время, чем шире и глубже развертывается борьба рабочего класса и чем беспощаднее становится капитализм по своему существу, тем больше необходимости в замазывании причиняемых им ран, в прикрытиях его беспощадности, тем необходимее становится, чтобы капиталистический класс почаще вспоминал об идее бога, будто бы живущей в

глубинах всякой души человеческой и незримо управляющей ее поведением.

В истории буржуазии была полоса, когда она кичилась своим вольнодумством и неверием, выставляла его напоказ.

Эта полоса давно миновала. Чем ближе к крушению клонится буржуазное общество, тем сильнее охватывает буржуазию раскаяние в былых прегрешениях перед матерью-церковью. Для буржуазии необходимо, чтобы во всех людях жило сознание о чем-то, что выше их личности, их преходящей жизни, их ограниченных дел, их слабого, частичного понимания. Капиталистическое общество должно существовать вечно. И хранителем его вечности, хранителем вечности капиталистического класса, может быть только идея вечного бога, подчиняющая личное общему: интересы капиталистической личности интересам капиталистического класса.

Раскаяние охватывает буржуазную науку и буржуазную философию. Смущенные, запуганные грандиозными переворотами в общественных отношениях, — и еще более грандиозными переворотами, назревающими в глубинах общества, — они хотят задержать эти перевороты. В областях своей деятельности, где за последние десятилетия все — сплошной переворот, все — непрерывная революция, они страстно хотят найти хотя бы одну неподвижную точку, хотя бы простой мираж неподвижности. Подавленные беспредельностью перспектив, раскрывающихся перед умом человечества, они во что бы то ни стало стремятся хотя бы только для себя, для своего собственного успокоения поставить предел человеческому мышлению и познанию.

И они находят этот предел в идее бога. И начинают уверять себя и других, что это — неискоренимая, непреходящая идея. И хотят связать, спутать и ограничить этой идеей неудержимое порывание человеческого ума к познанию мира и общества и непреодолимое стремление рабочего класса к подчинению природы и общества человеческому труду.

Охваченные предсмертной тоской, буржуазия и ее идейные и наемные представители, ее философы и уче-

ные, делают невероятные усилия, чтобы заставить себя поверить в существование бога.

Это последний якорь спасения для гибнущего буржуазного общества. В действительности это не якорь, а соломинка для утопающего.

II

Обыватель, которому показалось, что он уже почти социалист и что он выгодно отличается от коммунистов своим более глубоким и тонким пониманием сокровенных пружин исторической жизни народов, охает и ахает над слепотой коммунистов. Он недоумевает, как это можно построить и упрочить человеческое общество, не скрепляя его религией.

Он самоуверенно пускается в мнимые исторические изыскания, в странствования по странам и эпохам и всеми правдами и неправдами хочет отыскать подпорки для своего унаследованного от прадедов убеждения, что без религии нет цивилизации, нет человеческой нравственности, нет человеческого общества, нет человечества.

Как это ни странно, ни противоречит действительным отношениям, история даже древнего Рима превращается для таких обывателей в историю римской религии. Рим будто бы рос, пока вырастал пантеон римских богов. Римские боги в их иерархической последовательности связывали семейные и родовые общины и затем сплавляли всех римлян в единый великий народ.

Когда завоеватели стали изменять своим богам и усваивать культы покоренных народов, началась утрата их отдельности и особенности, и расширяющееся подчинение мира римлянами сменилось на первых порах постепенным, а затем все более ускоряющимся их растворением в варварском мире.

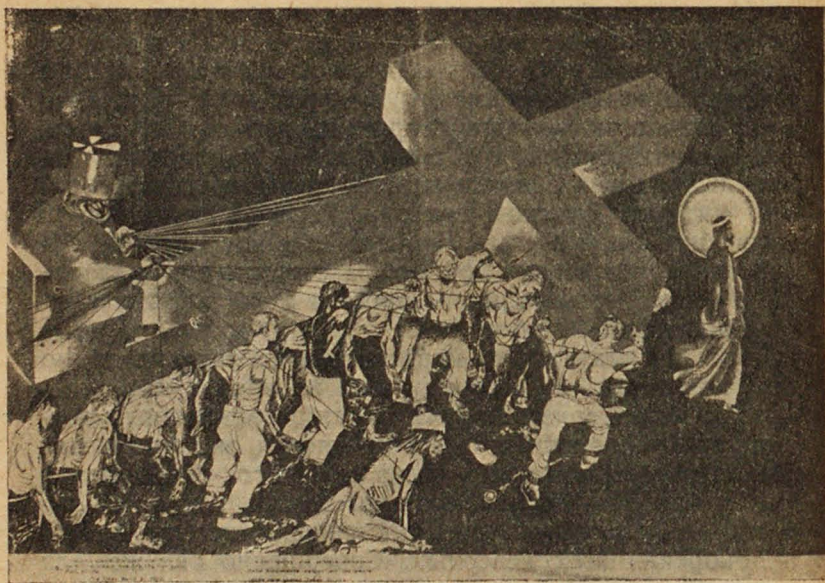
Этим новым «историкам», готовым оплакивать покойного Юпитера с сонмом римских богов во имя защиты умирающего теперь иудейско-христианского бога, совершенно невдомек, что они бесталанно и в ухудшенной форме воспроизводят старого Фюстель де-Куланжа, который с талантливостью и блеском пе-

ревернул, «поставил на голову» действительные отношения. В действительной истории не римские боги, будто бы существовавшие раньше римского общества, создали это последнее, а, напротив, римское общество в своем поступательном движении создало римских богов и связало их в единую семью, возглавляемую Юпитером. Италийские роды и народы, спланиваемые в единое государство, отдавали и вводили своих местных богов в расширяющийся общий пантеон растущего римского государства. Точно так же, когда с приближением к началу христианской эры это государство стало все больше утрачивать свою экономическую обособленность и связываться со странами сначала по Средиземному морю, а затем и за Средиземным морем, оно не только завоевывало их вооруженной рукой, оно не только подчиняло их своей власти, но и отражало расширение экономических связей в расширении и частичном растворении своего мира богов. Не особенно далекие друг другу по ступени экономического развития, Рим, Карфаген и Египет сохраняли много родственного в общем строе и характере своих религий, и даже больше: завоеванные страны, как страны более старой и в некоторых отношениях высшей экономической культуры, в своих религиозных системах представляли шаг вперед по сравнению с римской религией. Религиозные искания последних предхристианских веков свидетельствовали как раз о том, что старые религиозные представления уже не соответствовали изменившимся отношениям нового Рима. Усвоение чужих культов уменьшало это несоответствие. Существовало только одно средство предотвратить это усвоение чужих культов и сохранить в полной неизменности и неподвижности старый культ отходящего в прошлое Рима: отказаться от расширения экономических связей, от распространения римского государства, от превращения его в мировое государство того времени. Но не было никаких способов достигнуть того, чтобы движение общества не отражалось в движении религиозных идей и представлений. Для этого человечество должно было оставить далеко позади себя ту ступень развития, на которой стояло римское общество и государство.

И в дальнейшей истории человечества мы наблюдаем то же первенство движения общества перед движением религиозных идей. Нам укажут на пример ислама и будут говорить, что именно он, и только он, объединил арабские племена для завоевательных походов, которыми они в течение какого-нибудь столетия создали царство, являвшееся преемником мировой Римской империи. Разложение ислама и появление в нем взаимно враждебных направлений, образование поедавших друг друга сект сопровождалось распадением этого единого царства на халифаты, обеспеченные взаимной борьбой.

И в этом случае для марксиста связь явлений прямо обратная. Пока арабы не вышли из эпохи «средневековья», характеризующегося почти безраздельным господством религиозных форм мышления, экономическая необходимость хотя бы чисто военного объединения могла доходить до их сознания только как чисто религиозная потребность распространения истинной веры и покорения всех неверных. Совершенно так же для христианских народов юго-западной Европы, созревших для «империализма» ранней торгово-капиталистической эпохи, их тяга на богатый и экономически передовой Восток приобрела форму борьбы за освобождение гроба господня из-под власти «неверных», форму крестовых походов.

Арабы-завоеватели осели в различных областях, отличающихся великим разнообразием географического положения и природных условий, и вошли в соприкосновение с покоренными и соседними народностями, стоявшими на разных ступенях экономической культуры. Их дальнейшее развитие неизбежно должно было отразить великое разнообразие исторической и естественной обстановки, среди которой оно (развитие) совершалось. Религиозная борьба, «разложение ислама», и в данном случае давала идеологическую форму, в которой развертывалась борьба различных общественно-экономических укладов и происходили столкновения внутренних общественных противоречий. Былое единство ислама разбилось потому, что экономическое развитие, с разной быстротой и в различных направлениях совершавшееся на Пиренейском полуострове, на

Общественный идеал по учению церкви: массы должны безропотно переносить гнет эксплуататоров. (С плаката художника Д. С. Моора).

севере Африки, в Аравии, в Месопотамии и т. д., разложило простоту и единообразие общественного строя арабов эпохи завоевательных походов.

На исторической роли христианства вообще и католицизма в частности можно не останавливаться. Давно признано, что религия здесь не была первичной силой, черпавшей свою власть над обществом из того, будто бы, что она удовлетворяла неискоренимым потребностям человеческого сознания. Ее духовная власть была не первичная; она обуславливалась общественно-экономическими функциями церкви и опиралась на очень мирские и очень материальные основы: на то, что она передавала германским и славянским варварским пле-

менам, обращаемым в христианство, остатки римской культуры и пролагала путь к повышению земледельческой техники, ремеслам, торговле, зачаткам образования, без которых не могли обойтись даже примитивные германские и славянские государства. И, дальше, церковные расколы, образование сект и национальных церквей не вели за собою расслоение общества и разделение некогда будто бы единого европейского мира, а напротив, были выражением обостряющейся внутренней борьбы и глубоких различий, складывавшихся между отдельными странами в зависимости от их экономического развития, географического положения, от различий той исторической и естественной обстановки, в которой протекало развитие.

Не религией определялись историческое движение и исторические судьбы человеческого общества. Религиозная жизнь, как и наука, как и искусство, как нравы и нравственность, следовала за уже совершившимися экономическими переменами в человеческих обществах. Но, конечно, не просто следовала, а и освящала их божественным авторитетом незримого и непознаваемого высшего существа и таким образом давала им принципиальное и обобщенное выражение.

Выполняя эту роль, религия и церковь превращались в механизм упрочения, консервирования установившихся общественных отношений. Дальнейшее поступательное движение становилось возможным лишь путем расшатывания и отрицания авторитета господствующей церкви и, пока не назрели безрелигиозные формы восприятия мира, путем замены ее новыми церквями, реформистски или революционно преобразованными, подчиненными новым общественным потребностям.

Так и вышло, что старым историкам казалось, обывателям же и теперь еще кажется, что крепость или ослабление религиозной жизни ведет за собою прочность или расслабление и распад общественных связей.

III

Возвращаемся к искренним, а в подавляющей части лицемерным вздохам и сожалениям на тот счет, будто

коммунисты выбивают всякую опору из-под своего в общем хорошего дела, пренебрегая мощным содействием, которое могли бы оказать религиозные чувства, и даже прямо искореняя эти чувства из масс. Эти вздохи объясняются или желанием, несмотря ни на что, сохранить народу религию, как один из рычагов вожделенной контрреволюции, или же полным непониманием того, что и как призваны совершить и совершают коммунисты в истории человечества.

Великая глупость, будто коммунисты, отвергая всякую веру в бога и в какие бы то ни было таинственные силы, управляющие миром и человеческой жизнью, способны поддерживать эту веру в других. Коммунист стремится как можно быстрее вытравить до последних корней и остатков то наследие старой истории, что люди разделялись на эксплуататорское меньшинство управляющих и на эксплуатируемое большинство управляемых, на смысленных и ловких вождей и бессмысленную темную массу. Едва захватив власть, они организуют все управление таким образом, чтобы все в нем было доступно, понятно, ясно и по силам для всякого толкового члена общества; они не щадят ничего, чтобы сделать действительные знания, действительное глубокое понимание доступным для всякого человека. Они проклинают эксплуататорский строй, который разделял знания на такие, которых достойны только угнетатели, и на жалкие обрывки, достававшиеся угнетенным. Все, до чего дошло человечество в своем многотысячелетнем труде, коммунисты хотят сделать достоянием всего человечества.

Никаких искусственных скреп для коммунистического общества не требуется. Его нерасторжимая связь — не в чем-нибудь насильственном, внешнем, а в самих коммунистических отношениях.

Все общества, построенные на противоположности угнетателей и угнетенных, раздирались этой противоположностью как только она доходила до известной степени остроты, при которой господствующим классам или сословиям никак не удавалось ее затушевать или замазать. Тогда бог или боги, которые до того времени служили принудительному сплочению, начинали требовать в глазах эксплуатируемых низвержения вла-

сти эксплуататоров¹. Угнетенные восставали; в разгоревшейся борьбе разлагались и падали производительные силы и первая среди них — живая рабочая сила. Былая связанность утрачивалась. Общество или становилось добычей соседей, хотя и отсталых в экономическом отношении, но зато не дошедших до такого обострения классовых или сословных противоречий, или же побеждал новый класс, опять эксплуататорское меньшинство, которое, однако, несло новые методы эксплуатации, дававшие простор большему развитию производительных сил, — и общество шло дальше, пока не назревал новый взрыв общественных противоположностей, разрушительный, но вместе с тем и освобождающий поступательное движение человечества от стеснявших его пут.

Капиталистическое общество, последняя, предельная из общественных форм, построенных на классовом расчленении и противоположности классов, в своем развитии довело эти противоречия до таких вопиющих размеров, что приходится удивляться, как оно могло существовать до настоящего времени. Небывалое богатство производительных сил и возможностей, — и использование этих сил для разрушения; невиданная до сих пор мощь производства и возможность его стремительного расширения, — и периодическое, а затем хроническое, преднамеренное его сужение капиталистическими собственниками; сказочное повышение производительности труда, — и растущая нищета производителей, все глубже отбрасываемых на дно общества; небывалая связанность всех производственных процессов, небывало общественный характер всего общественного труда, при котором в производстве каждой спички участвует не только лесосек, поставляющий материал для палочек и коробок, не только машиностроительный рабочий, построивший котел фабрики, и не только шахтер, добывавший руду, или горнорабочий, произведший из нее сталь, или каменщик, возводивший фабричные здания, но и химик-лаборант, на-

¹ Точно так же в глазах эксплуататоров их боги требовали сохранения эксплуатации и безропотного подчинения масс их эксплуататорской власти. *Ред.*

шедший наиболее удобный состав для зажигательной смеси, и весь университет с его сотнями ученых работников, подготовивших этого лаборанта. Итак, небывало общественный характер всех полезных работ, выполняемых в обществе, небывало тесное сцепление между ними, — и присвоение всех результатов этих работ капиталистом единственно на том основании, что его признают собственником спичечной фабрики, шахты, доменной печи и т. д.

Такое общество давно расплодилось бы по всем швам, если бы его не сжимала и не удерживала в покорности принудительная сила и хитрые искусственные приспособления: полиция, тюрьмы, казарменная армия, калечащая ум школа, доступность сколько-нибудь повышенного образования только для эксплуататоров и, наконец, убивающая взлет ума и удушающая всякий протест идея бога с его заповедями рабских кротости и смирения, с его замогильными возмездиями и наградами.

Великие трудности ставит коммунистическому строительству наследие, полученное от капиталистического общества. Борьба каждого против всех, стремление урвать от общества как можно больше и как можно меньше дать ему — такова повседневная практика всякого капиталиста, такова же практическая мораль широких масс, которые, организуясь на борьбу против капитала, лишь медленно отрешались от выращенной капиталом жадности, от порожденного им крайнего индивидуализма и эгоизма. Если я не вскарабкаюсь по спинам моих ближних, они сбросят меня на дно и затем сами поставят на мою голову ногу, чтобы вскарабкаться выше: вот какие «высокие нравственные чувства» порождались капиталистическим обществом.

Создать такие условия, чтобы никто не мог строить своего благополучия на подавлении и угнетении других, — вот одна из основных задач коммунистической партии. Уничтожение капиталистической собственности, — уничтожение собственности, как основы эксплуатации, — первый большой шаг в этом направлении. Правда, еще сохраняются крупные различия в оплате различных категорий труда: например, выдающийся инженер получает много больше, чем чернорабочий. Но,

во-первых, инженер тоже получает плату за работу, притом за работу, которую лишь немногие сумеют выполнить так, как выполняет он, а не за голое право собственности. Во-вторых, мы прямо говорим, что и это — остаток классового расчленения общества, который, подобно другим остаткам, будет уничтожен лишь в развитом коммунистическом обществе; теперь же мы еще только входим, вработываемся в переходный, в социалистический строй¹.

Но уже теперь, среди развала, обостряемого начавшейся борьбой мировых хищников против социалистического переворота, принимаются решительнейшие меры с той целью, чтобы работник был не только исполнителем, но и организатором, чтобы, вооруженный знанием, он понимал и общую связь производственных операций, в которых принимает участие, и общую связь всех человеческих отношений. Приближаясь к этой цели, мы приближаемся к тому времени, когда различия оплаты утратят всякое оправдание.

Но вместе с тем они утратят всякий смысл и всякую притягательную силу. Уничтожением капиталистической собственности мы уже устранили те оковы, которые она налагала на развитие производительных сил. Устранением тех пут, которыми капиталистическое общество сковывало развитие человеческого ума, превращением всякого здорового взрослого человека в работника, а всякого работника — в человека, наделенного

¹ Статья написана в 1920 г., когда страна наша находилась в состоянии гражданской войны. Теперь, когда мы вступили в период социализма, когда мы имеем громадные успехи во всех областях народного хозяйства, создается тот культурно-технический подъем рабочего класса, который подорвет основы противоположности между умственным и физическим трудом. Об этом убедительно и четко сказал товарищ Сталин на первом всесоюзном совещании стахановцев. Товарищ Сталин подчеркнул, что «уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». Стахановское же движение — «содержит в себе первые начатки, правда еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны» (Сталин — «Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев». Партиздат, 1935 г., стр. 10). *Ред.*

широким и ясным пониманием всех производственных процессов, мы удесятим производственные возможности и увеличим производительность общественного труда до размеров, о которых можем составить только самое отдаленное представление.

Труд станет продолжением работы познания, а работа познания продолжением производительного труда, — труд будет не мукой, не проклятием, а удовлетворением настоящей человеческой потребности.

Тогда умрут в человеческом обществе всякие противоречия, напоминающие о противоречиях классового общества. Не останется сил, которые могли бы разлагать и расшатывать человеческое общество, впервые в истории сделавшееся человеческим. Тогда всякий будет чувствовать, что, живя и работая, работая и живя в этом обществе и с этим обществом, он только и живет для самого себя, для своего непрерывного восхождения и развития.

Для этого нового человечества не надо будет бога, который стоит над природой: оно само будет господином природы.

Для коммунистического общества не надо будет какого-то высшего существа, таинственного и непонятного «некто», которое своим измышленным авторитетом охраняло бы его и упрочивало: оно будет упрочиваться самым фактом своего существования.

Журн. «Революция и церковь» № 9—12, 1920 г.

МЫСЛИ О РЕЛИГИИ

1. В ПОИСКАХ БОГА

БЕДИВ себя, что в таком-то месте есть клад, человек начинает копать землю. Не найдя клада, он уверяет себя, что копал недостаточно: если бы он взрыл все место на большую глубину, клад был бы найден.

Сначала человечество повсюду видело своих богов: все равно, как кладоискателю кажется, будто сокровища везде лежат на самой поверхности земли. Когда оно начало изучать явления природы и человеческой жизни, боги стали уходить для него все дальше и дальше. Двигаясь вперед, оно все еще воображает, что боги

живут где-то впереди. Однако и новые шаги не приближают его к богам. Напротив, боги все больше отдаляются, улечиваются, закутываются туманами. Приходится говорить, что они существуют еще дальше. Они все больше изгоняются из природы и человеческой жизни. Скоро не останется места, куда они могли бы уйти.

И тогда люди скажут: напрасно мы ухлопывали время и силы на поиски кладов, о которых говорят сказки. Будем копать землю, но только затем, чтобы на ней сеять, чтобы добывать из нее руду и каменный уголь. Не волшебством, а знанием будет построена новая жизнь.

2. РЕЛИГИЯ БУДУЩЕГО

В настоящее время никто не станет говорить об астрологии и будущего. Астрология — гадание по движениям звезд о судьбе того или иного человека — заменилась астрономией, которая изучает действительные движения светил и открывает в них правильность, закономерность. Современная астрономия может наперед сказать, как будут расположены звезды через десять, двадцать, сто лет и т. д. Астрономия знает, что многие светила в миллионы и тысячи миллионов раз больше земли. Смешна и нелепа мысль, будто эти светила существуют и двигаются только затем, чтобы предсказывать будущую судьбу какой-нибудь новорожденной козявочки, называемой человеком.

Астрология окончательно умерла. Об астрологии будущего не говорят. Почему же не видят, что столь же смешно говорить о религии будущего?

3. МОЖНО ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ВЕРЫ?

Древний египтянин никогда не поверил бы, что люди когда-нибудь сумеют обходиться без его храмов и без переполнявших эти храмы святынь: без статуй богов, имевших вид крокодила, кошки, быка, собаки или снабженных головами этих животных. Никогда не поверил бы древний египтянин, что можно существо-

вать без молитв и без жертв этим богам. И не поверил бы он, что эти боги безвластны по отношению к силам природы и что моления перед ними не оказывают никакого влияния на произрастание хлебов, на умножение стад, на причины болезней.

Так и современному верующему представляется невозможным существование без церквей, без покрывающих их стены икон, без попов, без молебствий и без колдовских действий, которые называются таинствами.

4. УВАЖЕНИЕ К РЕЛИГИОЗНЫМ ЧУВСТВАМ

Успехами знания все религии распатаны. Они превратились в разрозненные обломки некогда целостного мирозерцания, по-своему стройного и законченного. Окончательное крушение этих обломков — вопрос только времени.

Все умные люди видят, что невозможно отстаивать те сказки, которые преподносятся религиями. Никто уже не говорит об уважении к религии. Но, желая отсрочить их гибель, требуют уважения к религиозным чувствам верующих.

Неужели следовало уважать религиозные чувства дикаря, который убивал людей и приносил их в жертву своим идолам? Неужели мы должны почтительно относиться к религии эскимоса, который, сделав человекоподобную фигуру из дерева и облив ее рыбьим жиром, ожидает в награду за это большого улова? И неужели надо умиляться перед людьми, которые, побрызгав «святой» водой на поля, воображают, что какой-то бог из подражания им брызнет дождем?

5. БОЖЕСТВЕННАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Умственно слабые, мелкие и мелочные люди страдают страшной обидчивостью. Они болезненно подозрительны, им всегда кажется, что ими пренебрегают, их намерены оскорбить. Поэтому они обыкновенно задыхаются от постоянной озлобленности, на всех глядят исподлобья, рады всякому случаю причинить зло своим недругам.

Умственно и нравственно сильный человек, находя опору в своей силе, спокойно и открыто подходит к людям. От него отлетают даже действительные попытки обидеть его, он благодушно усмехается, если встретит мелочную враждебность, и своим широким, человеческим отношением к слабостям слабых помогает им сделаться сильнее.

Откуда же такая бесчеловечная обидчивость и мстительность в боге? За одно яблоко — взрыв бешеной ярости, проклятие не только виновников, но и бесконечного ряда их потомков. За недостаток почтительности — неистовый гнев, опустошительный потоп, истребляющий все человечество, в том числе и грудных, и даже еще не родившихся младенцев. За малейший проступок — безумное исступление, осуждающее виновного на вечные муки.

Нет, наша нравственность бесконечно выше и чище дикой божественной нравственности!

6. РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Многие первобытные народы, переставшие быть людоедами, еще долго после того приносили в пищу своим богам человеческие жертвы, т. е. кормили их человеческим мясом и кровью.

И даже теперешние христиане, не испытывая отвращения, уверяют, что они едят и пьют человеческие тело и кровь своего бога («таинство причащения»).

Языческие боги развратны, мстительны, коварны, жестоки, — а их поклонники уже считают такие свойства в отношениях между собою безнравственными.

Иудейский Иегова представляется бесконечно более жестоким и мстительным, чем были веровавшие в него иудеи.

Для христиан многие массовые жестокости сделались бы отвратительными, если бы их не благословляла церковь.

Многие отцы-христиане жизнь свою положили бы за счастье своих детей. Но все они веруют, что их бог без всякого сожаления принес в жертву себе своего единственного и ни в чем не повинного сына.

Справедливость и нравственность религий — варварская справедливость и нравственность, как те эпохи, когда религии возникали.

7. ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

«Люби ближнего твоего: за это ты унаследуешь царство небесное.

Избегай делать зло ближнему: иначе тебе будет уготована геенна огненная».

Почему это называется любовью к ближнему, а не любовью к самому себе?

В «Послании к римлянам» (глава XII, стихи 19, 20, 21) апостол Павел тоже требует: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром».

В пояснение этого он пишет: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу божью. Ибо написано: мне отмщение, я воздам, говорит господь».

Значит, спуская врагам вашим, утешайтесь сознанием, что бог отомстит им более жестоко, чем вы сумели бы отомстить.

Какое же это прощение обижающих вас?

И там же Павел пишет: «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его, ибо, делая сие, ты обеспечишь ему на голову горящие уголья».

Значит, своей кротостью по отношению к врагу усыплай его, воздерживай от раскаяния за содеянное тебе зло. За это ты будешь наслаждаться зрелищем врага, претерпевающего страшные муки в геенне огненной.

Почему же это называют прощением врагов, любовью к ним, а не самой жестокой ненавистью и не самым низким злорадством?

8. ЦЕЛОМУДРИЕ СВЯТОСТИ

Ничто так не оскверняет человека, как безусловное осуждение физических потребностей. Чем больше он их осуждает, чем больше предаёт проклятию как греховные и бесовские, тем с большею властью они заявляют о себе, тем неумолимее овладевают всеми чув-

ствами и помыслами. Ум христианского подвижника, который ночью и даже днем видел в пустыне десятки танцующих голых блудниц и прелестниц, простирающих к нему пламенные объятия, был развращен в десятки и сотни раз больше, чем ум крестьянина, который женился в раннем возрасте и не знал никаких искушений. Нет ничего лживее выражения: «спит сном праведника». Сны христианского праведника и подвижника, терзаемого вечной похотливостью, — нечистые, грязные сны.

Самая религия давала исход подавляемым физическим потребностям и питала любострастие, развивавшееся в снедающую и сжигающую болезнь.

Монах, осыпающий лобзаниями руки богоматери, отшельница, покрывающая поцелуями ноги Иисуса, беседующего с Марией, — они, сами не сознавая того, своими действиями выражали ту душевную бурю, которую вызывал в них вид всякой красивой женщины и всякого привлекательного мужчины.

Спасаясь от разврата, они предавались самому разрушительному и неестественному разврату.

9. ВЕРА И ЗНАНИЕ

Религиозная вера останавливает полет человеческого духа, ограничивает область мысли, насильственно связывает ее. Одно восточное сказание говорит, что мир поддерживается слоном, который стоит на громадной черепахе, черепаха плавает на молочном море. Будет грехом, если верующий спросит: а на чем же держится это молочное море? Он должен смирять свою любознательность и останавливаться там, где объяснение прервано. В конце-концов он перестает замечать, что здесь — насильственный перерыв в объяснениях.

Я знал попугая, который насвистывал: «Чирик, пырик, где ты был?» Но он знал напев только до слова «где» и всегда останавливался на этой ноте. Он, видимо, был доволен недоконченной песенкой и не чувствовал всей нелепости и искусственности перерыва. Таковы и все верующие люди. Разбираясь в явлениях, они доходят до слова, на котором их с детства приучали останавливаться. И они покорно останавливаются

сами и стараются останавливать своих детей. Они, как попугай, перестают замечать, что их песенка произвольно и нелепо оборвана.

10. ЧТО ТАКОЕ ВЕРА

Вера — это воззрения диких и варварских народов, сохраняющиеся в современном обществе. Если бы люди, которые буквально придерживаются того, что говорится в религиозных книгах, получили власть, они постарались бы возвратить и науку, и все общество к временам дикости и варварства.

Вера — это якорь, которым хотят прикрепить к какой-нибудь мели корабль, приготовившийся к далекому плаванию, к исследованию широкого мира, к изучению того, что лежит за линией горизонта.

11. СЛЕПОТА ВЕРЫ

Один брамин (индийский священник), встретившийся с европейцем, хвалился своим благочестием. «Я, — говорил он, — во всю свою жизнь не раздавил и самой маленькой козявки. Я щажу жизнь всякого существа».

Европеец молча подал ему микроскоп и показал, что во всякой крошке пищи, во всякой капле воды копошится множество мельчайших животных.

Ошеломленный брамин возвратил микроскоп европейцу. «Дарю его вам», — сказал европеец. Брамин с восторгом схватил микроскоп и ударом о камень разбил его вдребезги.

Если бы это было во власти браминов, они точно так же разбили бы человеческий разум.

Когда запрягают лошадей, им часто надевают наглазники (шоры) для того, чтобы они не смотрели по сторонам. Они видят тогда только одну точку и бегут к ней с покорностью неведения, управляемые властью кнута.

Если бы это было во власти браминов всех религий, они надели бы наглазники на все человечество, чтобы оно ничего не видело кроме того, чему учат брамины и их священные книги.

12. ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИИ И НАУКИ

Религия самодовольно объявляет найденным то, что наука еще только ищет. Наука еще только исследует, вслушивается и вглядывается, а религия объявляет, что она уже все увидела и услышала две тысячи или даже семь тысяч лет назад, когда люди были невежественными варварами и дикарями. Наука выслушивает возражения и поправляет свои выводы: религия предписывает просто повторять то, что написано в ее книгах, составленных много сотен лет назад, когда люди еще мало изучили мир. Наука действует на разум и стремится пробудить сознание; религия хотела бы убить разум и рассказывает, как жестоко наказал бог первых людей за их стремление к знанию. Всякое сомнение жрецы объявляют признаком слабости веры, грехом и нечестием, с которым следует бороться самыми решительными мерами. Истинно верующий должен задавить в себе всякую способность к самостоятельному мышлению и рассуждению.

Наука ведет вперед, вера отбрасывает назад.

13. КОМУ — ВЕРА, КОМУ — НАУКА

В старые времена, когда громадные массы угнетенных не умели читать, защитники эксплуататорского строя были откровеннее. Лет полтора-два назад они прямо писали: «религию надо сохранить для народа». И даже лет сто назад французский историк Гизо откровенно заявил: «Христианство необходимо для народов: оно является истинной школой почитания». А его ученик так пояснил эти слова: «Без религии социальный вопрос, — т. е. борьба за уничтожение всякого угнетения, — захлестнет народы; церковь необходима для укрепления собственности».

Теперь собственникам приходится соблюдать большую осторожность. Они должны показывать вид, будто бы и сами они верят.

Но в глубине души они думают так же и так же глубоко презирают народные массы. Для «белой кости» — наука, действительные знания. Для «черной ко-

сти» — вера и те нелепые объяснения, которые делают-ся в так называемых священных книгах. Этак будет спокойнее, думают имущие.

14. ВЕРА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Наиболее глубоких и правильных представлений о мире и о всем, что в нем совершается, мы ищем в современной науке.

Но почему верующие обращаются за назиданием к варварам и дикарям? Неужели они думают, что эти невежественные люди понимали что-нибудь отчетливее и глубже, чем понимают новейшие поколения?

Тот бог, который будто бы продиктовал священные книги разных религий, обнаруживает самое поразительное непонимание мира, он ничего не знает дальше того клочка земли, на котором жили его первоначальные почитатели. Он так невежественен, что не выдержал бы экзамена на звание учителя церковно-приходской школы. А в тех книгах, которые будто бы внушены этим богом, верующие все еще ищут поучения для себя.

Часто этот бог не умеет толково выразить свои мысли.

А верующие, вместо того чтобы признать его малограмотным, ищут таинственного смысла в невежестве.

По своим нравственным понятиям бог — дикарь или варвар.

А верующие умиляются над писаниями варваров и дикарей. Это то же самое, как если бы взрослый человек начал искать назидания у ребенка, который едва стал лепетать.

15. ПОЧЕМУ СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ УМИЛЯЮТ?

Священные книги всех религий до сих пор остаются для верующих священными.

Приступая к ним, верующий с самого начала испытывает благоговение и трепет.

Испытывая благоговение и трепет, он не может и не хочет их понимать: он умиляется.

До его ума доходят только места, которые он понимает; через непонятные и нелепые места его мысль скользит, не зацепляясь за них. Поэтому они не вызывают в верующем сомнений, протеста и возражений.

Поэтому его не возмущает и та дикарская или варварская нравственность, которая выражается в словах и действиях проповедников, пророков и самого бога или богов и которая для современного человека представляется самой вопиющей безнравственностью.

Священные книги до сих пор еще умиляют верующих, потому что они все еще считают их священными.

16. БОЖЕСТВЕННОСТЬ СВЯЩЕННЫХ КНИГ

Для магометанина из корана говорит сам аллах, а христианин скажет: «Как много нескладного в этой книге!» Брамин слышит голос божественного откровения в своих Ведах. А слегка образованный магометанин скажет: «Какие детские сказки рассказываются в этих песнопениях!» Сам бог говорит христианину из евангелий. А теперь даже протестантские пасторы конфузливо стараются обойти молчанием или как-нибудь поразумней истолковать многие несуразные выдумки, которые преподносятся в евангелиях.

В так называемых священных книгах нет ничего божественного. Только верующий отыскивает и вкладывает в них бога.

17. ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА ХРИСТА

Христиане веруют, что бог послал своего сына на страдания и смерть во искупление человечества.

Человечество, по верованиям христиан, осуждено за вину Адама, за его неповиновение заповеди божией, за то, что он попробовал яблоко, которое росло на виду, но которое ему почему-то было запрещено пробовать.

Значит, человечество осуждено за проступок, в котором оно неповинно, за преступление, которое совершено его отдаленнейшим предком.

Это все равно, как если бы за преступление Иванова присудили к вечной каторге и самого Иванова, и его детей, и внуков, и внуков их внуков, и так далее до бесконечности.

В крыловской басне волк хочет съесть ягненка за то, что отец ли, кум ли, сват ли ягненка будто бы нагрубил волку.

Но ведь это был волк, а не бог; чудовище жестокости, а не возвышенное существо.

Этого мало: во искупление греха ветхого Адама должен еще претерпеть пытки и смертную казнь единственный сын самого бога, безгрешное существо, никаким образом не соучаствовавшее в преступлении Адама.

Князек дикого племени за обиду, причиненную ему членом соседнего племени, разоряет его селение, избивает врагов, до грудных младенцев включительно, а на оставшихся в живых налагает дань и взимает ее и с них, и с детей их, и с внуков, и с внуков этих внуков. А затем, возвратившись с похода, причиняет побой своим собственным детям. Конечно после этого у князька, может быть, станет легче на сердце, и гнев его отойдет. Но это — волчья, дикая справедливость и нравственность.

Что же здесь умильного и нравственного? Здесь всякое действие — возмутительный произвол и бессмысленная нелепость.

И этим умиляются только потому, что современный человек над этим никогда не задумывается, так как все это слишком нелепо для современного человека.

18. ЛЮДИ СОЗДАЛИ БОГОВ ПО СВОЕМУ ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

«Да, если б руки имели быки или кони со львами, иль рисовали руками и все создавали, что люди, — стали б тогда и богов рисовать они в облике сходном: кони — подобном коням, а быки — как быков, и фигуры создали б им все такие, какие имеют и сами» (Ксенофан, философ древней Греции, почти за две с половиной тысячи лет до нашего времени).

19. В РЕЛИГИИ ТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ВЛАСТВУЮТ НАД ЧЕЛОВЕКОМ

Дикарь создает идола своими собственными руками.

И все же дикарь верует, что у этого идола, созданного его руками, больше сил, чем у него самого.

Впоследствии человек создает бесплотного бога воображением своей головы.

И все же человек верует, что в этом создании его головы больше сил, чем в его собственной голове.

Он перестает видеть и понимать, что идол и бог — его собственные творения.

«Человек в религии имеет глаза, чтобы не видеть, чтобы оставаться слепым; он имеет разум, чтобы не мыслить, чтобы оставаться глупым» (Фейербах).

20. КАК СОХРАНЯЕТСЯ ВЕРА

Один человек, который считал себя верующим, сказал: «Если бы я заставлял себя веровать во все, чему повелевает веровать моя религия, я перестал бы совсем веровать».

У всякого верующего сохраняется маленький кусочек веры, против которого еще не возмущаются его чувства и ум. Сохраняя этот кусочек, он воображает, будто сохраняет всю веру.

Так и жрецы, попы, приспособляя свои учения к более современным воззрениям и хитроумно истолковывая по-новому туманные места своих священных книг, уверяют, будто вера остается такой же, какой она была тысячу лет назад.

Если б они заставляли свою паству веровать во все, чему учат их священные книги, жрецы всех религий быстро остались бы совершенно без паствы.

21. О ПРОГРЕССИВНОМ ДУХОВЕНСТВЕ

Говорят о прогрессивном духовенстве.

Но как духовенство может быть прогрессивным? Как может оно быть сторонником умственного развития человечества?

Оно сохраняется только потому, что до сих пор насильственно задерживалось развитие подавляющего большинства человечества и что массы в своих воззрениях, в своем понимании природы и общества очень недалеко ушли от дикарей.

И духовенство, чувствуя это, всегда усердно подерживало невежество и отсталость.

Как духовенство может быть прогрессивным, когда всякое завоевание науки и техники и все успехи распространения научных знаний среди масс делают ненужным то ремесло, от которого кормится духовенство?

Почему не говорят о любви артиллериста к тем людям, которых он осыпает снарядами?

Почему не избирают мясника в члены общества покровительства животным?

Почему же связывают с прогрессом духовенство, которое вообще еще существует только потому, что до сих пор действительный прогресс слишком слабо затронул человечество?

Прогрессивное духовенство — это та его часть, которая поумнее и потому искуснее припрятывает свою вражду к науке и развитию человечества.

22. ОБ УВАЖЕНИИ К ДУХОВНОМУ СОСЛОВИЮ

Священник может получить известное право на самоуважение: именно, если он сознает и честно, открыто признает общественную бесполезность своей священнической деятельности.

23. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Второй член христианского символа веры начинается словами: «Верую во единого господа Иисуса Христа, сына божия, единородного, иже от отца рожденного», т. е. верую в сына божия, родившегося от б о г а о т ц а.

Но в следующем члене символа веры говорится: «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от духа свята и Марии девы». Значит, его матерью была Мария, а его отцом — дух святой.

Так оно выходит и по евангелиям. У Матфея например говорится: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении матери его Марии с Иосифом прежде, нежели сочetaлись они, оказалось, что она имеет во чреве от духа святого» (гл. I, ст. 18).

Следовательно, отцом Иисуса было не то божество, которое называется богом-отцом, а дух святой, и бога-духа было правильнее именовать богом-отцом.

Дальше у Матфея рассказывается так: «Иосиф же, муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее» (ст. 19).

Значит, Мария, обручаясь с ним, не сказала, что она уже беременна. Иосиф узнал об этом впоследствии. Он не хотел поднимать шума. И немудрено, что он хотел промолчать и просто прогнать от себя неверную жену.

Во Второзаконии говорится: «Если кто возьмет жену и войдет к ней, и возненавидит ее, и будет возводить на нее порочные дела и пустит о ней худую молву и скажет: «Я взял сию жену и вошел к ней и не нашел у ней девства»... и «если сказанное будет истинно, и не найдется девства у отроковицы, то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовав в доме отца своего, и так истреби зло из среды себя» (гл. XXII, ст. 13, 14, 20, 21).

Поэтому, если бы Иосиф не стал молчать, Марии угрожало избиение камнями. Вот почему Иосиф решил разойтись с нею, не делая огласки.

Но, — продолжает Матфей, — когда Иосиф помыслил это, — се ангел господень явился ему во сне и сказал: «Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию жену твою, ибо родившееся в ней есть от духа святого» (ст. 20).

Это сонное видение—единственное для Иосифа свидетельство, что Мария состояла в любовных отноше-

ниях не с каким-нибудь человеком, а с самим богом. Для него этого было достаточно. Он сразу всему поверил. На то он и был праведным человеком. И мы должны веровать в божественность его сонного видения. Иначе мы не будем праведными людьми.

Во всяком случае здесь говорится, что отец Иисуса — не Иосиф, который был мужем Марии, и не божество, которое называется богом-отцом, а то божество, которое называют духом святым и представляют в виде голубя.

Здесь одно выходит неладно. В писаниях много раз говорится, что Иисус — сын Давидов, т. е. ведет свое происхождение от царя Давида. Для доказательства этого Матфей дает длинную родословную, которая начинается Авраамом, переходит через царя Давида и кончается Иосифом, мужем Марии (гл. I, ст. 1—16).

Но если Иосиф был мужем Марии, но не был отцом ее сына, то выходит, что в жилах этого сына не текло ни капли Давидовой крови. Что же остается тогда от пророчеств, будто Христос должен произойти из дома Давидова?

Евангелие Луки (гл. III, ст. 23—38) доводит родословную Иосифа до Адама, совершенно расходится с Матфеем в перечислении имен и говорит, что Иисуса только считали сыном Иосифа. Но если только считали, то опять выходит, что царь Давид не был предком Иисуса. Иисус — человек без роду, без племени.

Несколько подробнее говорится о духе святом в евангелии Луки. Здесь рассказывается, что ангел Гавриил вошел к Марии, обрученной с Иосифом, и сказал ей: «Дух святой найдет на тебя, и сила всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое святое наречется сыном божим» (гл. I, ст. 35).

Сон Иосифа и рассказ Марии о явлении ей архангела Гавриила — единственное доказательство, что Мария зачала сына от божества, а не от какого-нибудь мужчины.

Во всяком случае, из евангелия Луки следует только одно: отцом Иисуса не был Иосиф, муж Марии, ни ангел Гавриил, который только предупредил Марию, что она забеременеет. Но как это произойдет и от

кого, из евангелия не видно. «Дух святой найдет на тебя, и сила всевышнего осенит тебя». Кто этот всевышний? Ведь всевышний по христианским верованиям и дух святой. А если это другое лицо, то остается загадочным, что сделает с Марией дух святой и что сделает всевышний, и как от их действий произойдет беременность Марии.

Язычники веровали, что боги охотно вступали в браки с женщинами и что от этих браков рождались герои, а от героев пошли обыкновенные люди. По их верованиям, с девушками и женщинами бывает так, что одна из них приглянется какому-нибудь богу, он подберется к ней, во сне или наяву, — и дело готово: через положенный срок родится дитя от этого бога.

А другие язычники веровали, что их главный бог женился на богине и нарожал с нею кучу детей. Эту богиню некоторые язычники называли святым духом или, вернее, божественной душой.

Евреи уже не так думали о своем боге, Иегове. Христианам из евреев оскорбительной для бога представлялась та мысль, что он может увлечься смертной женщиной и вступить в брак с нею. Поэтому в евангелии и не говорится об этом прямо. А если Иисус называется сыном Божиим, то для христиан из евреев это вовсе не значило, будто Иисус родился от бога таким же способом, как человек рождается от отца.

В главе шестой «Бытия» говорится: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены» (ст. 1). Древнейшие евреи под «сынами Божиими» разумели героев, рожденных от самого бога и от какой-нибудь женщины. Но евреи начальной эпохи христианства уже не допускали и мысли о том, что у их бога могут быть какие-нибудь любовные шашни и похождения и что он может влюбиться в какую-нибудь девушку. Если они и говорили о «сынах Божиих» или «сыне Божием», то лишь в том смысле, что бог — отец, т. е. творец всего существующего.

Языческие религии рассказывали, что они основаны сыном какого-нибудь бога, который был ниспослан на землю к людям, принял здесь страдания и смерть, по-

служившие искупительной жертвой, а затем воскрес и возвратился к отцу. В этой обстановке не могла бы распространиться религия, которая приписывала бы свое происхождение менее божественному основателю.

Можно было бы признать основателя новой религии не богочеловеком, а богом, т. е. сыном божественного отца и божественной матери. Но для евреев, среди которых прежде всего возникло христианство, существовал только один бог — Иегова.

С теми выражениями, которые употребляются в евангелии: «дух святой найдет на тебя», или сын родится «от духа святого», евреи могли примириться. Это не значило, что их бог спал на одной кровати с девушкой-человеком. Это означало для них, что не сам бог, а только его душа принимала какое-то таинственное участие в этой истории. («Ветерком надуло», — оттого девица и забеременела). Для христиан из язычников это было тоже понятно: они полагали, что и у богов есть душа. Рождение от бога становилось каким-то «духовным» рождением.

Но зато возникало новое затруднение. Душу вообще и душу богов обычно представляли существами женского пола. А что могло бы поделать такое существо с Марией? Впасть в содомский грех?

В ту пору, когда составлялись евангелия Матфея и Луки, среди христиан видное место занимали недавние иудеи, но уже было много и недавно обращенных язычников. Невозможно было бы примирить и согласовать их воззрения. И получилась та неразбериха, в которой для чего-то потребовался и Иосиф, потомок Давида, и муж Марии, и ангел Гавриил, который предупредил Марию, что она должна быть готова принять высокого посетителя, и нашествие духа святого, и осенение силой всевышнего.

В позднейшие века, когда возникло учение, что дух святой — не душа бога, а особое божество или особое «лицо святой троицы», получилось такое положение, что бог-отец так же оказался не при чем в рождении сына у Марии, как и Иосиф, ее муж.

Из-за этого не подняли шума, не сделали огласки, этого, пожалуй, вообще не заметили, потому что религиозные споры отвлекли внимание в другую сторону.

Совсем не заметили, что Иисус оказался без роду, без племени, без отца.

Здесь больше всего помогло основное требование религии: остерегайся всяких попыток проникнуть в таинственное! Если чего-нибудь не понимаешь и находишь бессмысленным, верь этому. И, чем меньше понимаешь, тем крепче должна быть твоя вера, и тем вернее и возвышеннее будет награда.

24. ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА О РОЖДЕНИИ ИИСУСА

Когда составлялись первые три евангелия, особые старания направлены были на доказательство того, что пришествие и жизнь Иисуса были предсказаны еще древними пророками.

Христианство сначала распространялось среди иудеев. Важно было показать, что христианство — не новая религия, а завершение старой, исполнение того, что намечено уже в старой иудейской религии.

Надо было показать, что новая религия не приносит нового бога, а лишь изменяет отношения между людьми и прежним богом.

Очень любопытно в этом отношении евангелие, которое христиане приписывают Матфею.

Здесь почти каждое происшествие из жизни Иисуса, в особенности в первых двух главах его евангелия, подкрепляется ссылкой на древних пророков. И эти ссылки представляются верующим столь убедительными, что они не дерзают и помыслить об их проверке. К чему проверять, если все происходило точка в точку так, как предсказывали пророки?

Громадное впечатление на верующих производит первая же ссылка Матфея, в первой главе его евангелия. Рассказав о том, как Иосиф узнал о добрачной беременности своей жены Марии, евангелие передает, что Иосиф совершенно успокоился, когда увидел во сне ангела, который сказал ему, что родившееся в его жене — «от духа святого». И еще сказал ему явившийся во сне ангел: «а все сие произошло, да сбудется реченное господом через пророка, который говорит: се, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут ему имя

Еммануил, что значит: «с нами бог» (евангелие от Матфея, гл. I, ст. 22—23).

Если бы верующие вдумывались в это место, они давно увидели бы, что в нем мало пророческого и нет ничего чудесного. «Дева во чреве примет и родит сына». Это бывает часто, по многу тысяч раз в день, и во времена Исаии так бывало, потому что и тогда все женщины родились девушками. «И нарекут ему имя Еммануил, что значит: «с нами бог». Но, во-первых, это имя не Иисус и не Христос. Во-вторых, теперь многие носят такое имя, но едва ли кто-нибудь станет уверять, что пророчество Исаии относится к ним. В-третьих, раскрыв православный календарь, мы найдем там много еще более божественных имен. Например Феогоний значит «богорожденный». Но кто же станет утверждать, что носители этого имени рождены от бога, а не от их смертных отцов? В святцах есть имя Иисус, а при нем пояснение: «спаситель». Но кто же стал бы говорить носителю такого имени, что он — новое воплощение бога, что он — сын божий? А имя Еммануил означает всего лишь «с нами бог».

Однако первым делом надо обратиться к пророчеству Исаии.

Глава седьмая книги, которая приписывается пророку Исаии, начинается словами: «И было во дни Ахаза, царя иудейского: царь израильский и царь сирийский пошли против Иерусалима, чтобы завоевать его. Иегова, чтобы успокоить Ахаза, отправил к нему Исаию. Исаия пошел и сказал: пусть Ахаз не унывает и не страшится этих противников: царям израильскому и сирийскому суждена скорая гибель. Выполняя приказание Иеговы, Исаия предложил Ахазу просить знамения, которое подтвердило бы пророчество. И сказал Ахаз: «Не буду просить и не буду искушать господа». Тогда сказал Исаия: «Слушайте же, дом Давидов, разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и бога моего? Итак, сам бог даст вам знамение: се, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут ему имя Еммануил».

В еврейском, первоначальном, основном тексте, с которого сделаны все переводы, стоит не «дева», а слово, которое означает «женщина». И только христиане

заменяли слово «женщина» словом «дева». Без такой перемены ссылка Матфея потеряла бы всякое подобие смысла, и уже давно было бы раскрыто истинное значение слов Исаии.

Продолжая, Исаия говорит об этом сыне женщины: «Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде, нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее».

Но, избавившись от этих врагов, Ахаз не спасется: «Наведет господь на тебя и народ твой и на дом отца твоего такие дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема (Израильского царства) от Иуды, — наведет царя ассирийского».

В этом пророчестве все просто и ясно. Ахаз струсил царей израильского и сирийского и хотел просто покориться им. Исаия сказал ему: «Не бойся их: оба царства, которых ты страшишься, скоро будут отняты у царей израильского и сирийского; они будут покорены царем ассирийским. Но со стороны того же царя ассирийского великая опасность придет и на тебя. И все это будет скоро, очень скоро: все произойдет раньше, чем сын, который родится от женщины, начнет отличать добро от зла, и даже раньше, чем этот сын начнет лепетать».

И тот сын женщины, о котором говорил Исаия, родился при Исаии, и то знамение, о котором говорил Исаия, скоро было явлено: обо всем этом постарался сам пророк Исаия. В главе восьмой говорится: «Я (Исаия) взял себе верных свидетелей: Урию, священника, и Захария, сына Варахиина, и приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына».

Неясно, зачем здесь потребовались «верные свидетели». По современным понятиям в таких делах непричастные к ним только мешают; а с другой стороны, все здесь так просто и обыкновенно, что и без свидетелей Ахаз мог бы поверить рассказу Исаии о том, что произошло между ним и пророчицей.

Исаия продолжает: «И сказал мне господь: нареки ему имя — магер-шалал-хаш-баз (спешит грабеж, уско-

ряет добыча). Ибо прежде, нежели дитя будет уметь выговаривать: отец мой, мать моя, богатства Дамаска (главный город Сирии) и добычи самарийские понесут перед царем ассирийским».

Смысл ясный: прежде чем ребенок начнет лепетать, царь ассирийский уничтожит царства Израильское и Сирийское и отнимет у них всю награбленную добычу.

По дальнейшим словам Исаии, «войско царя ассирийского, как большая и бурная река, наводнит затем и самую Иудею, наводнит ее и высоко поднимется — дойдет до шеи; и распростертые крыльев ее будет во всю широту земли твоей, Еммануил».

Таким образом Исаия делает предсказания, как бы обращаясь к уже родившемуся Еммануилу и предаваясь размышлению о грядущих судьбах его и его родины.

Все предсказанное Исаией ясно, недвусмысленно связано с угрозой со стороны Сирийского и Израильского царств, а затем с нашествием ассириян.

Как известно из истории, пророчество Исаии оправдалось: ассирияне пришли и завоевали Палестину.

Но в таком исполнении пророчества нет ничего чудесного и удивительного: книга Исаии составлялась много позже после того, как ассирийское нашествие совершилось.

Лицам, составлявшим ее, ничего не стоило вложить в уста Исаии такие слова, как будто за несколько лет до событий он предвидел эти события.

Все, о чем рассказывается в седьмой и восьмой главах Исаии, произошло за шесть-семь столетий до рождения христового.

Тогда же, за несколько веков до так называемого рождения христового, родился тот Еммануил, о котором говорит Исаия, и тогда же произошли другие события. Ждать их приходилось каких-нибудь два года; все эти немудреные знамения предназначены были для того, чтобы воздействовать на жившего тогда Ахаза.

Главное в этих «пророчествах» — не младенец и не его рождение, а вопрос о том, как отнестись к угрозе сирийцев и израильтян.

Какое же касательство имеет все это к тому младенцу, о рождении которого будто бы предупредил

Марию архангел Гавриил? Через девять месяцев после посещения Марии Гавриилом (25 марта) младенец, как рассказывают, родился (25 декабря).

Но тот младенец, о котором говорил Исаия, родился еще за шесть-семь столетий, через девять месяцев после того, как Исаия при двух «верных свидетелях» «приступил к пророчице» (взял ее «приступом»?).

Не помогли Исаии эти свидетели. О его успешных действиях совершенно забыли и его заслуги приписали другим.

25. ОБ ИСПОЛНИВШИХСЯ ПРОРОЧЕСТВАХ

Верующие умиляются, когда читают, что Исаия предсказывал нашествие ассириян и завоевание ими Сирийского и Израильского царств и что ассирияне действительно пришли и завоевали Сирийское и Израильское царства.

И умиляются, когда читают, как Иеремия пророчествовал о завоевании Иудеи царем вавилонским и как это завоевание действительно совершилось.

Или как говорил Иисус о катастрофе, которая должна разразиться над Иерусалимом, и как почти через 40 лет после того года, к которому верующие относят его смерть, иерусалимский храм был разрушен римлянами.

Не явное ли это доказательство, что книги библии—священные книги, что они действительно внушены самим богом, духом святым?

Верующие не знают того, что все эти книги были написаны несколькими годами, иногда многими и многими десятилетиями после того, как будто бы предсказанные в них события уже совершились.

Представим себе, что теперь кто-нибудь выволок рукопись, в которой говорится: наступит время, когда великие державы середины земли пойдут войной на великую сухопутную державу востока и на морскую державу и будут воевать три года, и придет великая держава с запада, и великие державы середины земли будут раздавлены, яко гроздь виноградные жерновом точильным; а затем люди великой державы востока возмутятся и восстанут против старейшин и начальни-

ков, прогонят их и будут отбиваться от морских и сухопутных, от великих и малых держав земли.

Если это будет хорошо написано, мы посмеемся и скажем, что все это составлено после недавней захватнической войны и после Октябрьской революции в России.

А если бы нам начали говорить, будто все это точка в точку так рассказывалось уже сто лет назад, но передавалось устно, а теперь только записано, мы с состраданием отнеслись бы к уму человека, который способен на подобное легкоеверие.

Историческая наука давно показала, что книги, приписываемые разным пророкам и апостолам, записаны много позже того времени, когда будто бы жили эти апостолы и пророки, много позже событий, о которых упоминается в этих книгах.

А верующие все еще открывают в этих книгах пророчества.

26. ПОЧЕМУ НЕТ БОЛЬШЕ ПРОРОКОВ?

Наука убила чудеса и пророков.

Как только нас начинают посещать слишком чудесные видения во сне, а в особенности наяву, мы спешим к врачу по нервным болезням, и тот объясняет, что нам, действительно, следует отдохнуть и полечиться.

Если бы в настоящее время кто-нибудь с глубокой убежденностью объявил себя богом или сыном Божиим, то через несколько дней его проповедь была бы перенесена в дом для душевнобольных.

Конечно, там он нашел бы несколько учеников и поклонников, таких же больных, как и сам. И они стали бы убежденно рассказывать о многочисленных чудесах, совершаемых им, и повторяли бы его пророческие предсказания.

Но за стенами больницы он не нашел бы последователей. Он остался бы пророком и посланником Божиим только для нищих духом и для душевнобольных.

27. БОГ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ

Если бы человек знал действительные, реальные средства для осуществления своих желаний, он никогда не верил бы в существование бога и богов.

Вообразив мощное существо, на которое можно воздействовать жертвами и заклинаниями, человек приобрел утешительное сознание, будто он способен устранять с своего пути все препятствия.

Возрастание действительной власти человека над силами природы и общества уничтожит всякую потребность искать утешения в воображаемой власти воображаемых богов над природой и обществом.

Богам и религии не останется места в природе и обществе.

28. О БОЖИЕМ ВСЕМОГУЩЕСТВЕ

Верующие говорят, что их бог — всеильное существо.

Все в мире зависит от него, а он не зависит ни от кого и ни от чего.

Все находится в его власти. А над ним нет никакой власти.

Но те же верующие признают, что их бог легко поддается человеческому воздействию.

Если священники почитают, попоют, помахают кропилом и кадилом, бог послушает и засуху сменит дождем или дождь сменит хорошей погодой.

Если зажечь несколько лампадок или свечей, бог пошлет больному выздоровление. А без этого бог оставил бы его умирать.

Значит, бог решает не сам и идет не своими собственными путями. Значит, бог делает то, чего хотят от него верующие, и делает то, что укажут ему верующие.

Значит, у него нет своей воли. Он подчиняется верующим.

Какое же это всемогущее существо? И какое же это всеведущее существо, если оно и сегодня не знает, что придется ему делать завтра по заказу верующих?

Все религии учат, будто боги — господа над людьми и будто люди — рабы «господа».

А в действительности, на практике бог и боги — слуги людей.

29. БЛАГОЧЕСТИЕ И ПОГОДА

В некоторых поволжских губерниях рядом с волостями, населенными православным населением, расположены волости, в которых живут протестанты, магометане и буддисты: немцы, киргизы, калмыки и т. д.

Наблюдения, производившиеся в течение многих лет, показали, что в соседних волостях ежегодно выпадает почти совершенно одинаковое количество дождя и снега и происходит одинаковое количество опустошительных бурь и градобитий.

Между тем, в православных селениях совершают православные молебствия о ниспослании дождя и прекращении засухи, в магометанских творят магометанские заклинания, а в буддийских приносят жертвы языческим идолам.

Что же это значит? Значит ли это, что, повинувшись человеческому чародейству, совершенно одинаковую погоду для своих почитателей посылают и бог христиан, и магометанский аллах, и буддийские боги, изображаемые в виде странных идолов, которые кажутся уродливыми для европейского глаза?

Значит ли это, что православные, магометанские и буддийские попы, муллы и монахи обладают совершенно одинаковой колдовской силой над своими богами, а эти боги — совершенно одинаковой божественной властью над ветрами, тучами, холодом и теплом, громом и молнией?

Но тогда как же эти боги не перессорятся между собой, если магометанский бог хочет наградить своих почитателей, а православный бог в соседней волости — покарать верующих за то, что они слабо верят, редко зажигают свечи перед иконами, мало хлеба, кур и яиц приносят в жертву православным попам?

Или же все это показывает, что заклинаниями и колдовством, хотя бы они назывались молебствиями, человек не оказывает никакого действия на погоду и что дождь, снег и град несколько не зависят от так называемых благочестия или греховности человека перед какими-то божествами?

30. ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА И ЗАТМЕНИЕ ГОЛОВ

Почему христианские священники при затмении солнца не ударяют в колокола, не собирают верующих в храмы и не служат молебствий о том, чтобы солнце опять засияло?

Потому, что всякий, заглянув в календарь, наперед знает, что через тридцать или сорок минут затмение кончится.

Значит, христианские жрецы не могли бы приписать себе той заслуги, что они своими молитвами освободили солнце от захватившей его дьявольской силы.

Еще полтысячи лет назад они служили такие молебствия. Тогда люди еще не изучили движения небесных светил; они еще не умели высчитывать и предсказывать наперед, когда светила будут в таком положении, что одно будет заслоняться и затемняться другим.

А вот священники у дикарей еще и теперь уверяют, что только шумом, криком и грохотом удастся прогнать страшного дракона, захватившего солнце.

А христианские священники еще и теперь поют, читают, размахивают кадилом, брызжут водой на поля и уверяют, что таким способом они прогоняют саранчу, прекращают падеж скота, останавливают или вызывают дожди, т. е. прогоняют или призывают тучи и двигают ими.

И они все еще находят людей, которые верят им.

31. ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО И БОЖЕСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Лет триста назад один известный тогда врач воскликнул: «Я перевязал больному рану, а исцелил его бог».

Но почему бог не излечивает тех, кого плохо перевязывают? И почему же смертность в госпиталях так страшно повышается от недостатка перевязочных средств?

✓ 32. ВСЕ ЛЮДИ — БЕЗБОЖНИКИ

Напрасно некоторые люди говорят про себя, будто они верят в бога и его всемогущество.

В своей жизни они действуют так, как будто они безбожники, атеисты, не верующие ни в какого всемогущего бога.

Почему они пахут и сеют? Разве всемогущий бог не может произрастить рожь и пшеницу на нераспаханных пустошах?

И если бог по их заклинаниям может послать или прекратить дождь, то почему он не может своей незримой силой наполнить их закрома?

И почему даже величайшие подвижники искали кусок хлеба и воду для питья? Значит, они не верили, что у их всемогущего бога хватит сил и способностей на то, чтобы поддержать их существование без питья и без пищи.

И почему верующие так боятся лишиться глаз? Значит, они не веруют, будто волей своего всемогущего бога они могли бы видеть рукой или носом.

Все люди одинаково пахут и сеют, пьют и едят, заготавливают дрова, не хотят лишиться глаз, руки или ног.

Значит, все они одинаково не веруют в бога и его всемогущество.

✓ 33. МИР И ЕГО ПЕРВОПРИЧИНА

Люди, которые перестали верить в христианского и магометанского, в иудейского и буддийского бога, говорят: а все-таки какой-то бог существует! Все-таки в мире живет существо, которое появилось раньше мира. Вернее сказать, оно и не появилось, а просто существовало и будет существовать вечно.

Они говорят: наша мысль не может понять, как это возможно, чтобы мир существовал вечно. И не понимает она, как это у мира нет ни конца, ни начала.

Они продолжают: значит, мы должны предположить, что раньше мира существовало высшее существо, которое из самого себя или из ничего породило весь существующий мир. И оно же установило те постоянные связи между явлениями, которые мы называем законами природы.

Хорошо, пусть будет так! Пусть мысль этих людей мучается над вопросом: что существовало ранее мира? Как и откуда он появился?

Но почему они останавливаются на каком-то неведомом верховном существе и не спрашивают: а что существовало ранее их верховного существа? Как и откуда оно появилось? И каким образом из ничего сумело произвести весь существующий мир?

И почему не замечают они, что, предположив домировое существо, они будут вынуждены пускаться в пустые, запутанные и внутренне противоречивые догадки о свойствах этого существа и о том, как оно создало мир.

Если оно совершенное и неизменяющееся существо, как могла ему притти мысль о том, чтобы сотворить мир?

И если оно совершенное, всеведущее и всемогущее существо, как оно могло создать мир таким, что затем пришлось многое уничтожать и изменять?

И если мир потребовался в дополнение к божеству, то, значит, ранее оно не было совершенным?

Чтобы выпутаться из подобных противоречий, нам заявляют: эта первопричина, это высшее существо тождественно со вселенной. Значит, всё, что мы наблюдаем, это — проявление верховного существа, совпадающего с миром.

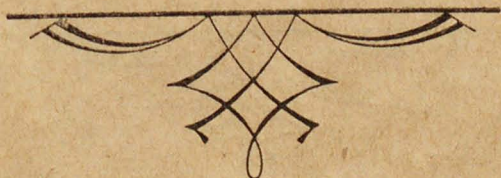
Но в таком случае из всех премудрых рассуждений получается один результат: мир, вселенную нам предлагают называть верховным существом, богом.

Стоит ли биться из-за того, чтобы в конце-концов глубокомысленно заявить: миру предшествовала первопричина, верховное существо, которое тождественно с миром, совпадает с ним.

34. РЕЛИГИЯ И ДЕТИ

Не убивайте нежного ума ребенка, дайте ему расти и развиваться. Не выдумывайте для него детских ответов. Когда он начинает ставить вопросы, это значит, что ум его заработал. Дайте ему пищу для дальнейшей работы, отвечайте так, как стали бы отвечать взрослому человеку. Таким способом вы подготовите новых людей, неискаленный ум которых способен к безграничному, свободному росту. Не забивайте молодого ума дикарскими представлениями о природе и обществе. Лгут на человечество те, кто хочет уверить, будто ему прирождены эти дикарские представления и связанные с ними религиозные чувства. Не расстраивайте нервной системы ребенка рассказами о бесчеловечной жестокости бога, не терзайте его вечным страхом, не торопитесь начинять его голову преданиями о жизни патриархов с их нескончаемыми преступлениями, вероломством и торгашеской безнравственностью. Не приучайте ребенка каждую минуту дрожать за самого себя, за свое собственное спасение и в бессильном, беспомощном, покорном смирении опускать свою голову перед измышленными силами и существами. Научите бросать смелый вызов всем силам, которые задерживают движение человечества, научите дерзать и бороться за полное освобождение человечества от всего, что сковывает его руки и мозг.

1-е издание вышло в 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

От редакции	3
Биографический очерк	10

I

Беседы о вере	25
Благочестивые размышления	64
О правой и неправой вере	178
О «таинстве святого причащения»	190
Это было	208
О вере в бога и дьявола	235

II

Новое послание первосвященника Тихона	287
Благословение	293
Религия и общественный строй	302
Мысли о религии	317

